

Вещь

1(29)/2024

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

Поэзия

Алексей Александров

Андрей Сен-Сеньков

Проза

Анастасия Волкова

In Memoriam

Юрий Асланьян (1955–2024)

Вещь

1(29)/2024

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

18+

3	Алексей Александров <i>Лягушка, клоуны и бабочка (стихи)</i>
7.....	Сергей Имис <i>Гонщик (рассказ)</i>
13	Андрей Сен-Сеньков <i>Катаракта Баха (поэма)</i>
21	Анастасия Волкова <i>Другие люди (повесть)</i>
40	Ян Кунтур <i>У виноградовой башни Урбана (стихи)</i>
47	Руслан Комадей <i>Две тысячи я один, но с бабушкой (автофикшн)</i>
58	Дебора Гринберг <i>Женщины умеют исчезать как пар на зеркале в ванной (стихи)</i>
61.....	Николай Тцаров <i>Труп, Нежность, Грибочки (три рассказа)</i>
70	Терентий Кондратенко <i>Мальчик в красивом мундире (стихи)</i>
73	Алексей Каменский <i>Есть мнение (рассказ)</i>
78	Попытка волшебства: памяти Юрия Асланьяна (1955–2024)
95	Джон Берджер <i>Четыре эссе из книги «Конфабуляции» (перевод с английского Андрея Сен-Сенькова)</i>
104.....	Роман Мамонтов <i>Неформат. И точка (эссе о пермской рок-музыке)</i>
114.....	Андрей Мансветов <i>О стоп-кадрах и медленном чтении (о новых поэтических книгах Алексея Евстратова и Юлии Кокошко)</i>
119.....	Авторы номера

Алексей Александров

Лягушка, клоуны и бабочка

Лягушка над гнездом кукушки
Летит, восторга не сдержав.
Её приветствуют из пушки,
Закутав горло в тёплый шарф,

Поскольку холодно и дует.
Кругом какой-то странный юг,
И надо жизнь прожить простую
С немислимо большим айкью,

Глаза открыв и стиснув зубы,
Болтаясь как на турнике,
Пока луна идёт на убыль
И моет золото в реке.

Так путешественник бормочет,
Не выбравшийся из болот,

Где он проводит дни и ночи,
Прервав безумный свой полёт.

Речка движется и не движется,
Тьма спускается, полночь бьёт.
И опора моста как ижица,
И фонарного света йод.

Всё пройдёт и не остановится,
Потеряется среди теней,
Догорит к утру крестословица
На многоэтажной стене.

Словно тонким ледком затянется,
Отлежится до четверга,

И тогда всем наступит пятница,
Как её ты не отвергай.

Кто там идёт с фонариком сквозь вековую
тьму?

Куда идёт с фонариком, не видно никому.
Зачем идёт с фонариком, что ищет
в темноте?

Когда вернётся стареньким, найдёт ли
что хотел?

Надо ли нам продолжать
Наше безнадежное дело?
И на какую педаль нажать?

Светофор осени горит жёлтым и красным,
Мимо несёт свои воды река огня.
Возьми за руку и переведи меня.

На другом берегу паромщик уснул.
Надо ли плыть и куда нам плыть,
Пока не отменили весну?

Туда, где тепло.
Спроси у гипсовой девушки
Со сломанным веслом.

Спроси у ангела в парке
С рассыпавшейся трубой.
Скоро дадут отопление, будет жарко.

Как очевидец двух дефолтов
И стольких кризисов, что нет
Числа и вместо лиц на фото
Желтеют пятна без примет,

Всему на свете знаю цену —
Ничто не вечно под луной.
Я помню, как ломали стену,
Чтоб снова обнести стеной

Сей град, на гибель обречённый,
Уже недолго, потерпи,
Где днём и ночью кот учёный
Как ток гуляет по цепи.

Выпали два кирпича из кладки,
Словно учебники из портфеля —
Вот вам Сканава и Демидович.

Вы до последнего продержались,
Выстоят стены без вас, не рухнут.
В знании сила, брат, а не в правде.

Если найдётся, кто все задачи,
Если сумеет без шпор и гугла,
Разве тогда этот мир спасётся.

Вот вам ответы на все вопросы,
Тригонометрия, матанализ,
Краеугольные камни храма.

Дождь разбрасывает бисер,
Тьма съедает всё вокруг.
Делит угол биссектриса
С кем-то из своих подруг,

Кто на крылешках картонных
На огонь из тьмы летит,
Обнуляя срок условный,
Обновляясь по пути,

Становясь частицей света,
Продолжаясь как волна.
Слышишь грохот — дождь ли это?
Чаша сонная полна.

Вот снега свежего простынка,
Собака дикая, как динго.
Заканчивай тянуть волюнку,
Давно пора сменить пластинку.

Поможет ли билоба гинкго
И шоколадка Вилли Вонки?
Луны желтеет половинка,
Как глаз игрушечного волка.

В лесу искусственные ёлки,
Шары с гирляндами на полке.
И Волга с запахом карболки,
Ну сколько можно, слишком долго.

В Абэвэгэдэйске
Появились клоуны
И творят злодейства:
Деревья спилены, лавочки сломаны,

Все цифры перепутаны.
Лёвушкин ищет Клёпу,
А тот скачет галопом
В тихое зимнее утро

И кричит страшные слова:
«Азбуку детям знать пора!»

А если вдруг зима придёт,
Как мы узнаем, что зима?
Что это снег, что это лёд,
Что это зи, что это ма?

Но если дело на мази,
И ты узнал, успел, сумел —
Мы завтра сходим в магазин
И подготовимся к зиме.

Отправимся вслед за лыжнёй,
Наденем быстрые коньки
И занавесим простынёй
Кривое зеркало реки.

Скажи, сейчас чем занят ты?
Приготовлением еды.

Зачем ты посыпаешь солью?
А это я салат готовлю.

Теплеет, тает лёд везде,
Стоит мой ужин на плите,

И где-то чайник закипает.
Любимый город засыпает.

Случайные деревья.
Но вычеркни дома,
И входят, хлопнув дверью
Несбывшихся желаний,
Петрушка и томат.

И прошлый год не кончился,
А снег опять везут.
Под одеялом скорчился
Игрушечный медведь.
Все ждут его внизу,

Чтобы пойти туда,
Где мёда будет вдоволь.
Замёрзшая вода.
Но проруби окно
В стене её ледовой —

И наверху смеются
Фарфоровые блюда.

Санта-бабочка, серийное ты кружево,
Пораженья нашего оружие.
Что ж ты вьёшься над растаявшим сугробом,
Если жизнь твоя — всего лишь кинопробы?

И зачем опять ты снишься мне
В ледяном мерцающем огне?
Я тебя сачком дырявым не ловил,
Но сошёл с тропы, случайно раздавил.

И жаловаться — тяжкий грех,
Ну а жалеть, желать и жалить?
Как скорлупой покрыт орех,
Так и душа. Хотя душа ведь —

Воздушный шарик в небесах,
Дыхание без оболочки,
Летит, контракт не подписав,
Домой, как дембель после срочки,

К уставшей ждать её семье,
Теря всякий вес и силу.
Но эта тяжесть нас к земле
До самой смерти пригвоздила.

Надо быстро медлить, а иначе
Ни одной не выполнить задачи,
Медленно спешить, чтобы движенье
Не мешало отыскать решение.

Не бежать, а доползти до цели.
Вот и звёзды в небесах созрели —
Скорость света совпадает снова
С эхом от несказанного слова.

Тяжелее с каждым часом,
Легче с каждым днём,
Если с богом повстречался,
Думаешь о нём.

А не встретился, о ком-то
Думать веселей —
В доме слишком много комнат,
Ключ от всех дверей.

Неба низкого могила
И высокий путь,
Вспоминай теперь что было,
Будет что забудь.

Вот минута как монета
И мгновений медь,
Скоро всем настанет лето,
Надо потерпеть.

Сергей Имис

Гонщик

Валера Тебенев верил в справедливость. Он жил в рабочем посёлке — уютно, среди народа, в рабочей семье — и другой жизни не знал. А человек он был хороший, всегда давал списывать математику. Учился отлично, а на лыжах бегал как демон. Две тренировки давались ему запросто — утром и вечером. На гонках, бывало, стоит зритель у лыжни, где-нибудь на опушке, мёрзнет. Хотя и свитер на нём в крупную вязку от бабушки, и подшитые валенки от дедушки, а всё равно зябко. И вот пролетает мимо Валера: весь в тонком инее, сосульки замерзшие на под-

бородке висят. Весь в чем-то легком и, кажется, холодном, но пар от него, как от чайника, и невесомо летит он над снежным настом, скрип и стон пронзают ледяную громаду леса. И только секунду видишь синюю шапочку и белую надпись «СССР» на синей спине. И восхитится зритель, и крикнет невольно: «Давай, Валера! Жми, Валера!» И хочется следом бежать, но куда там, в валенках-то...

Валера и отличником стал из-за гонок. Тренер, Владимир Васильевич, человек с квадратными плечами из дерева, с хриплым, отмороженным голосом, потребовал как-то

дневник и, ткнув острым, как лыжная палка, пальцем в тройку по физике, сказал: «Ещё одна — выгоню». Так Валера стал отличником. И к десятому классу кандидатом в мастера спорта. Он начал ездить по разным городам на соревнования. Получал медали, талоны на питание и даже какие-то денежные пособия. Ещё ему бесплатно выдавали форму. Беговую, тренировочную и повседневную. Утеплённые болоньки, спортивные куртки, перчатки, шапочки. Не жизнь, а праздник! Заслуженная гордость. От этого он ещё лучше учился и бегал сверх тренировок. Всё было понятно: впереди будущее в виде алой финишной ленточки.

И тут случилась несправедливость. На очередной медкомиссии кардиолог долго водил носом вверх и вниз по кардиограмме и наконец сказал:

— Валерий Евгеньевич, а бегать вам больше нежелательно. Можно, но без нагрузок — у вас перетренировка. Надо поберечь сердце.

Какое сердце? Кто его видел?

— Как без нагрузок? — удивлённо переспросил он и был похож на собаку, которой сказали: «А гулять ты больше не пойдёшь никогда».

Он помолчал.

— А в армию возьмут?

— К армии вы годны. А на соревнования в ближайший год — запрет. Категорический.

Интересное дело. Он жизнь поставил на этот сезон. А теперь что? Никуда не пошёл после десятого. Гарантированно попадал в спортивную роту. Значит, весной придётся уйти в обычную армию. Со всеми. И там понять, как жить дальше. Будут льготы. Вернусь и поступлю точно. Не инвалид всё-таки. Это справедливо. Неприятно ему было бояться и быть негодным — так он решил. Потосковал. И пока устроился грузчиком леса на целлюлозно-бумажный комбинат. Правил на цепном конвейере чурки стальным крюком. Мокрые чурки назывались балансом. Работа по плечу, спортсмен как-никак. «Приду из армии — попробую поступить в Москву, в МГУ. Москва... чем не олимпийская медаль? Хотя многим её вешают ещё в роддоме на шею.

Бесплатно. Но кому-то она и не медаль вовсе, а хомут, наверное. Кому как».

Валера стал замечать за собой, что сматривает на жизнь уже не из накатанной лыжни, а как бы со стороны, как зритель. Становится мудрее.

Платили очень хорошо, но работа требовала сноровки. Поначалу он рвал чурки силой, стараясь помочь пожилым грузчикам, но они только улыбались и качали головами. В конце концов бригадир сказал:

— Ты не рви, парень, не рви! Тут головой надо, а не силой. Видишь, эта чурка упирается? Ты её чуть поддень — и остальные пойдут. Спину беречь надо. Смотри внимательно. Видишь? Вот эту теперь...

И у Валеры стало получаться. Он уже не падал без сил после смены. А ещё он влюбился. Валентина работала мастером по балансу — решала, какой баланс на щепу, какой — пока в кучу. Ну и засматривалась иногда на белую спортивную куртку с надписью «СССР». А Валера всегда ждал, когда появятся резиновые сапожки, глаза повыше боялся поднять. А как поднимал, вспыхивали у него на щеках маки. Прямо из ямочек на щеках и росли. А у Валентины из ямочек на щеках — розы. Шум, грохот от баланса, цепи лязгают, а у них тишина и покой, как в ботаническом саду. Потом гуляли, держась за руки, в посёлке. Робко целовались по подъездам, и так до самой армии в майский призыв. Валентина полила свои розы слезами, ждать не обещала, не клялась. Просто молчала, сжав губы, и глядела на него распахнутыми глазами.

И понёс Валера тяготы и лишения, как и все молодые бойцы. Понёс и понёс. В войсках ПВО.

Два солдата из стройбата заменяют экскаватор,

А солдат из ПВО заменяет хоть кого.

Армия тогда другая была, не то что нынче. Нынче и обувь, и одежда модные, да и стреляют много. А в те годы патроны, что ли, экономили. Всё больше муштра да караульно-постовая служба. Как при царском режиме. На ногах кирзовые сапоги и портянки. Но на то они тяготы и лишения, чтобы... А чтобы что? Это каждому по совести да по разу-

мению. Но главное все равно не перловка в тарелке и кирза на ногах. Главное — люди. Шамши из Чимкента — двенадцатый ребёнок в семье. Как шутили: с гор спустился — и в армию забрали. Но это был на самом деле на редкость улыбчивый и тонкий человек. Мечтал стать учителем. Постоянный смех вечерних поверок, стоявшие рядом маленький украинец по фамилии Наливайко и большой — Закусило. Славные ребята. Собаковод Гриша Жеребило. И самый душевный друг — Саша Подшивалов: они оба умели и любили молчать вместе и думать. Каждый о своём.

Валера — человек неконфликтный, «дедов» уважал. А у молодого бойца в армии почёта никакого. Одна нужда и недоедание. Но так и обучаешься всему, быстро и умело. Через «не могу» да «не хочу». Но вот старшина, хохол Горбань, поначалу на Валеру окрысился, служака. То ли характер в нём почувствовал, то ли что. Но то наряд вне очереди влепит, то заорёт на него, брызгая слюной, перед строем. Валера терпел-терпел, но однажды без свидетелей, в Ленинской комнате, слегка толкнул старшину плечом — тот впечатался в наглядную агитацию спиной. Потом сжал ему руку выше запястья и тихо сказал:

— Старшина, ты меня не выделяй. Я такой же, как все. Но могу поломать, нечаянно, — и ушёл.

Чугунные тиски на руке и спокойная речь — это впечатляет. Старшина Валеру выделять перестал, но обиду затаил.

Прошло больше полугода. Давно принята присяга, и Валера ещё не старослужащий, но уже и не молодой. В свободное время он решал задачи по алгебре или геометрии. Ходил в библиотеку, в которой всегда был единственным читателем. Валентина писала спокойные письма. Часто упоминала младшую сестру, которая жила с матерью в селе Сосновка. Разница у них была 12 лет. Отец давно умер, и Вареньку они растили с мамой. У Валеры были их фотографии. Все трое на одно лицо, но разного возраста. Вот Валентина и уехала из села на завод, чтобы зарабатывать больше денег для сестры и матери. Восемьсот километров до неё теперь. Не тысяча, конечно. Но всё-таки.

Прошёл Новый год. И однажды, в феврале уже, в один из вечеров, когда Валера и знать забыл, что он гонщик, случилось редкое и страшное совпадение. От Валентины давно не было писем, наверное месяц, а тут пришло. Он спрятал его за пазуху и решил прочитать перед отбоем.

Построились на вечернюю поверку. Старшина привычно перечислял фамилии:

— Наливайко!

— Я!

— Хи-хи.

— Закусило!

— Я!

— Ха-ха.

— Дивизион! Слушай объявление. Завтра в четыре часа назначены лыжные гонки. Чемпионат корпуса. Будут представители всех частей и дальних дивизионов. Первое место — десятидневный отпуск домой. От нашей части бежит... рядовой Тебенев — распоряжение замполита. С подъёма и до четырёх подготовка лыжни, личное время. Дистанция — десять километров. Вопросы есть?

— Есть! — сказал Валера. — Какая экипировка, товарищ старший сержант?

— Уставная. Гимнастерка без ремня. Тёплое бельё. Армейские лыжи на ремнях. Штатная шапка-ушанка. Все свободны.

Но Валера в эту ночь не сомкнул глаз. Он лежал под сопение и храп казармы, глядя в потолок, в пятно дежурного света. Он думал о письме. Письмо было следующее: «Валера, милый! Я не говорила тебе. Пришёл из тюрьмы человек, который любит меня с детства. Мы вместе росли. Я выхожу за него замуж. Иначе страшная беда для всех. Прости меня и забудь. Я буду любить тебя всегда.» И всё. Больше ничего.

Старшина, улыбаясь, выдал ему так называемые лыжи. По сути две облезлые, наверное, столетние доски с занозами и лохмотьями якобы креплений на сапоги.

— Товарищ старший сержант, а других нет? Честь дивизиона всё-таки. Тут, наверное, резинки должны быть, чтобы каблук не соскальзывал.

— Других нет. Всем одинаково, рядовой.

Валера с досадой всматривался в эти почти охотничьи лыжи, пытаясь понять, как

их привязать к сапогам и как вообще на них можно двигаться, а не то что бежать. То, что он может проиграть даже на таких лыжах и с такими палками, не было и мысли. Тридцать человек в забеге. Он выиграет. Поедет в отпуск и разберётся с этой уголовной сволочью.

Его воспаленный мозг сейчас работал спокойно и профессионально. Пока топтали лыжню участники и все желающие, Валера запомнил каждый спуск, каждый тягун, каждую прямую. У всех его соперников были такие же широкие, только новые лыжи с надписью «Вятка», новенькие крепления и палки, ещё не разбитые настом. Но он сразу видел, что на лыжах умели бегать человек пять. На уровне «готов к труду и обороне», не более того. Остальные — случайная публика. Ну здоровые, ну спортивные. Ну и что? Он бы всем мог дать фору. Валера внимательно осмотрел лыжи. Вроде, выдержат. Обедать он не пошёл специально. Зачем? На завтрак, к счастью, давали овсяную кашу, и он съел три порции. «В лошадином спорте — лошадиная еда», — говорил тренер. Овёс уже начинал отдавать мышцам сумасшедшую энергию. Соперники потянулись в столовую, а он пошёл в казарму. В казарме дневальным был друг Саша Подшивалов.

— Саша! Сходи к старшине. Я знаю, у него есть. Мне он не даст. Попроси свечку. Парафиновую свечку. Придумай что-нибудь и принеси в бытовку.

У Саши получилось.

— Сказал, что иголку уронил в тёмный угол. Целую не дал, вот половинка.

— Хватит.

И Валера с помощью утюга и края солдатской пряжки напарафинил лыжи, приговаривая:

— Аккурат ниже 15 на улице. Идеально будет.

Он не поленился и подштопал крепления, от греха подальше. Потом сбежал к художнику и на мелкие гвоздики прибил к лыжам куски войлока от найденного в мусорной куче валенка для устойчивости под подошвой. Всё осмотрел, подергал, обстучал и остался доволен.

— Это даже хорошо, что не новые, — подумал он. — Без краски легче даже. И посуше. Спасибо, товарищ старший куркуль.

Соперники выходили из столовой. Одни курили, другие лениво зевали. Их послали, они и поехали. К Валере подошёл Шамши и протянул ему новые, высокие шерстяные носки, ещё связанные между собой.

— Вот, возьми. Из дома прислал. Портянки плохо. Бери.

За пятнадцать минут до старта подъехал автобус, и из него вышли три лыжника в спортивной экипировке. Валера увидел финские лыжи Карху у двоих, а у третьего Фишер и всё прочее. К бойцам подошёл замполит.

— Товарищ капитан, а кто эти? — спросил Валера.

— А, эти... Из спортроты. Подснежники. Приписаны к нашему дивизиону. Командующий распорядился, чтобы появились и пробежали, как положено. На общих основаниях.

— На каких же это «на общих»? — сказал рослый ефрейтор. — Я бы лыжами махнулся с ними.

— И шапочками, — добавил кто-то.

Бойцы улыбнулись.

— Разговоры! — повысил голос капитан. — Приказы не обсуждаются, — и пошёл к местам для зрителей.

— Всё насмарку, — подумал Валера. — Придётся выживать.

Двоих он знал: Толя и Андрей. Гонялся с ними на зональных. А третьего — нет. Они бы сейчас и не узнали его в ушанке и гимнастерке. Спортсмены старались не выражать никаких эмоций. Вид у них был туповатый и равнодушный, как у пленных. А бойцы смотрели на спортсменов презрительно или с ухмылкой.

— Ладно, приказы не обсуждаются, — сказал ефрейтор. — Пошли на общий старт, ребята. Солдат спит — служба идёт.

Трасса получалась в два круга. С общего старта поляна, потом резкий поворот направо. И петли по смешанному лесу и сосновому бору. Кто впереди, не видно из-за деревьев. За километр до финиша тяжёлый тягун. Спортсмены постесняются уходить первыми. Пойдут последними, по-тихому «съедая» ре-

бят. Куда им спешить? Наверняка уже решили, кто придёт первым. Тренеров на лыжне нет, подсказать некому, и мы для них — все на одну скорость, как зеленые улитки. Значит, мне надо после поворота исчезнуть, раствориться и первый круг отмахать одному. На втором они меня по любому достанут, а потом тягунок — там и поглядим. Дистанция по сути скоростная. Эх, пусть бы «Вятка», но хотя бы гражданская, и не сапоги бы с лямками, а простые ботинки. Да что там... Спасибо Шамши, ещё не хватало портянки на лыжне перематывать. Вот такой у меня план.

Перед поворотом Валера оглянулся и увидел спортсменов позади всех. Он глубоко вздохнул и исчез, как призрак. Высокий ефрейтор даже не поверил своим глазам: был солдат — и нет солдата. А Валера уже стелился над лыжней. Именно стелился, как метель, как белое дыхание ветра. Он вспомнил, его тело вспомнило всё: и дыхание, и нужный шаг. И пусть он был растренирован и выкладывался сверх возможности, но всё же шёл чётко, без суеты, как большой мастер. Спортсмены, конечно, всех слопали, вежливо проскальзывали, бесшумно обтекали запинаящихся и тяжело дышащих солдат, гремящих по лыжне, и уже грациозно, друг за другом, зашуршали в одиночестве и встали как мёртвые, когда увидели Валеру, который догребал тяжелейшую гору и исчез за вершиной. Они смотрели, уже запыхавшись, друг на друга, на гору, и поняли, что кто-то их развёл, как школьников. Шутки кончились.

Его гимнастёрка лишь изредка издевательски мелькала между деревьев. Они на тягуне. Наелись. Бесило непонимание: за кем они гонятся? Кто это? Они шли так же резко, в заданном им темпе, но разница в экипировке сокращала дистанцию метр за метром. А Валера так давно не гонялся. Он уже давно выбросил где-то ушанку и рукавицы.

Спортсмены упорно и слаженно держались друг за другом. Видимо, не раз бегали вместе. Они достали Валеру перед самым долгим подъёмом, опять перед горой. И тут он объявил им войну. Они уже и так понимали, что бегут не за простым солдатиком на досках. У них не было особого жела-

ния победить во что бы то ни стало туземца. Но сработал инстинкт. Он заставил их побеждать любой ценой. А тогда ломается строй, умолкают флейты и остаётся только звук рукопашной. Уже каждый сам за себя. Битва началась.

При подъёме разница в лыжах ощущалась чуть меньше. Это был не бег. Это было упражнение на технику и выносливость, и он каким-то чудом не подпустил их к себе. Он слышал их стон и хрип. Он понимал, что уже проиграл. Его расчеты кончатся на прямой, но уступить он не мог.

Они то приближались к нему, то отставали. В какой-то момент один из них шёл рядом и скосил на него мутный от усталости глаз. А Валера загребал и загребал. Он давно перестал чувствовать что-либо, он только боялся, что не выдержат ремни на сапогах, и он упадёт на глазах у соперников, и ему будет стыдно этих дурацких лыж на лямках и всего своего глупого вида со стриженной башкой. Уже когда он переваливал через вершину, у него пошла носом кровь, и он услышал позади себя голос одного из безнадежно уставших и отстающих:

— Это Тебенев! Валерка Тебенев!

До финиша оставалось полтора километра, и один из троих его обогнал на полномгты. Валера пришёл вторым.

Никогда в жизни он так не уставал. Никогда. Он хватал воздух пустой грудью, но не упал. Прислонился плечом к березе. Потом сгреб снег с толстой ветки перед собой и приложил к лицу. Снег был солёный. Он стоял так долго. Уже начали подтягиваться свои. Прокатил мимо рослый ефрейтор. Заполнит пожал руки спортсменам, затолкал их в автобус, и автобус уехал.

Валера отвязал лыжи, оставил их у берёзы и пошёл в казарму. В казарме он упал на свою койку прямо в сапогах и задремал. Вошёл старшина. Постоял молча и вернулся к себе в каптёрку.

Гонка словно выключила Валеру из жизни, но нужно вернуться. Нужно что-то делать. На тумбочке он увидел свою ушанку. Кто-то подобрал её. Валера застегнул все пуговицы и пошёл в командирскую.

Батя. Полковник. Командир дивизиона. Отяжелевший от возраста, он едва помещался в кресле. Сидел, почему-то закрыв один глаз. «На Кутузова похож», — мелькнула у Валеры первая добрая и живая мысль за этот день. Внутри его потряхивало, но другого выхода не было.

— Разрешите обратиться, товарищ полковник.

— Обращайтесь.

Валера подошёл к столу и положил перед полковником письмо. Тот прочел. Потом вздохнул и, посмотрев Валере в глаза, произнес:

— Я видел, как ты бежал, сынок. Отпуск дам в любой день. Не торопись. Подумай. Она так решила, и это уже её жизнь, а не твоя. Твоя впереди, солдат. Подумай. Придёшь в понедельник.

Но ни в понедельник, ни до конца службы Валера Тебенев за отпуском не явился.

Андрей Сен-Сеньков

Катаракта Баха

INTRO

картина бриджет райли
оптическая иллюзия
рябит в глазах
головокружение по часовой стрелке
потом против
это как попасть в нарисованный шторм на нарисованном море
или разглядывать страшные фотографии на пачках сигарет
нарушается закономерность восприятия плоских фигур
противоречивые конфигурации вступают в конфликт
фактическая форма и форма видимая
пульсируют
раздуваются
сжимаются
словно прячут руки за спину
и просят угадать в какой руке красное

мы принимаем игру
и словно держим руки над пламенем свечи
если бы у наших глаз были руки

картина называется «катаракта»
с древнегреческого — водопад

наши раздетые хрусталики сейчас под ледяной водой
как когда-то хрусталики баха
слепнущего старика
который уже стеснялся раздеться
и чья фамилия с немецкого
переводится как ручей

горизонтальный водопад

ЦВЕТ ГЛАЗ

цвет глаз баха
все описывают в своих воспоминаниях по-разному

может цвет и менялся
с каждым новым неизлечимым городом
с каждой новой красивой болезнью
с каждым новым модным париком?

маршан в злобе написал что его глаза — черная сталь как у пса
маттесон сравнил их с хитрыми каштанами
ноймейстер помнил их как слегка сумеречные по краям
а доктор тейлор сравнил их с бурыми листьями последнего дерева на земле

только гендель
знал настоящий цвет глаз баха
и поэтому
всю жизнь избегал с ними встречи

KAFFEEKANTATE

мы в кафе циммермана
в лейпциге

в кафе еще не попала английская бомба

впереди двести лет

успеем выпить по чашечке

schweigt stille, plaudert nicht
будьте тихи, не разговаривайте

шлендриан удивленно спрашивает дочь красавицу лизхен
что в нем такого в этом твоём кофе?:

—

видеозапись снегопада
в раю

Кофе? —

слипшиеся клавиши
рояля

Кофе? —

лопнувшая бледность

Кофе? —

заплетённый в косичку
зрачок

Кофе? —

свет, который можно
размешивать ложечкой

Кофе? —

монолог
пятнышка луны

Кофе? —

начинка упавшего в
лужу дождя

Кофе? —

застывший эпизод
африканской скульптуры

Кофе? —

воспалённое молочное
язычество

Кофе? —

оркестровая ямка с
тишиной озарения

Кофе? —

лоскуток
головокружения

Кофе? —

гигантская веснушка

Кофе? —

холмик горькой влаги октября

Кофе? —

захлебнувшийся голос
брюнетки

Кофе? —

заштопанный огонёк

Кофе? —

морщинка многоточия

Кофе? —

полуденный сон сдобного
фавна

Кофе? —

варенье из джазовых
пластинок

ИДЕАЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ, КОТОРОЙ НЕ БЫЛО

1. микроразрез в зоне роговицы

словно втыкают морковку в живого снеговика

белому становится красно
круглому становится длинно

а человеку невозможно

2. в передней капсуле хрусталика делаются отверстия

в отверстия попадает сквозняк
настолько маленький
что даже в рождество не назовут ветром

но он близоруко сдувает слезы

3. *через проделанное отверстие вводится жидкость между хрусталиком и его капсулой*

это позволяет перемещать хрусталик внутри капсулы, а также облегчает его последующее дробление

хрусталик послушно готовится к смерти
ему пообещали что там
своими глазами наконец увидит
как из слова хрусталь
растут маленькие суффиксы

4. *в микроразрез вводится эмульсификатор, генерирующий ультразвук, и происходит дробление, пока хрусталик не перейдет в состояние эмульсии затем аспирация из глаза остатков*

останки похоронят на специальном кладбище
где всегда идет снег
кар по-казахски
сар
там падают с неба крошечные пушистые хёндаи
с длинноногими каплями дождя за рулем

5. *имплантация искусственной интраокулярной линзы*

красивые манекены
оживают ночью в витринах
но не знают что делать дальше

они как цветы
что утром сбрасывают запах
и возвращаются голыми в вазу

6. *герметизация микроразреза*

тут мы закрываем дверцу в домике зрения
и ставим на беззвучный режим аплодисменты

ZWISCHENPROGRAMM

полет гагарина продолжался не 108 минут а 109
на одну минуту он отключил связь
надел наушники включил плеер с фугами баха
отстегнул ремешки
и вышел в открытый космос

без скафандра
прямо так

пожал руку

осторожно спросил

ему ответили

он переспросил

ему не ответили

перед тем

как заулыбаться безостановочно на ближайшие семь лет

пообещал

я им не скажу что тебя нет

THOMASKIRSCHE

в этой церкви иоганн себастьян бах

прослужил кантором* двадцать семь лет

формой здание напоминает рану христову

в которую вложил пальцы

апостол фома

его пальцы здесь превратились в два органа

первый

работы вильгельма зауэра

и это указательный палец

а средний — орган геральда вёля

там где пальцы почти не слышно — останки баха

под запекшейся бронзовой кровью

в день святого фомы

самый короткий день в году

пальцы соединяются

и на стенах их тени складываются в фигуры

животных

и

бетховенов

* сохранился составленный бахом

шуточный список

чем владеет бедная церковная мышь

и он похож на стихотворение
о сокровищах

ДОКТОР ТЕЙЛОР

через городские ворота
въезжает невероятной красоты белая повозка
вся разрисованная глазами

на ней начертан девиз
«in optics, expertissimus!»
и значит в лейпциг прибыл
знаменитый доктор тейлор

великий шарлатан приехал
протыкать глаза
слепнувшим композиторам
лечить их голубиной кровью
толченым сахаром
и печеной солью

бах узнав об этом
не желая ждать
сразу же отправляется к нему

я смотрю на тебя как на футболку
неописуемого цвета
что долго лежит в корзине с бельем
ожидая очереди на стирку
когда появится еще что-то
хотя бы отдаленно ей подходящее

иоганн ты же саксонское белье
ни на что и ни на кого не похожее

ну если только на генделя

на каждом из вас по ниточке
такого белого цвета
от которого
все чернеет

KANTATA «STREIT ZWISCHEN PHOEBUS UND PAN»

состязание свирели
и лиры —
нескольких дырочек
и струн из сухожилий
помогающих обезьянам не превратиться в человека

две мелодии голодно сталкиваются друг с другом
поедая ноту за нотой
пирожные с черными вишенками

перепачканная ничья

пенальти до изобретения гарпастума

выигрывает феб
и выходит в небесный финал
где встреча с тем
кто сотрет остатки губ
поцелуем

TOD

*Достопочтенный господин Иоганн Себастьян Бах,
придворный композитор Его Величества короля Польского
и Его Высочества курфюрста Саксонского,
капельмейстер князя Анхальт-Кётенского и Саксен-Вейсенфельского,
музыкальный директор и кантор лейпцигской школы св. Фомы
почил в бозе.*

смерть умеет притворяться красивой

умершие дети оживают
и тянут ручонки с крошечными инструментами
каких не бывает

жена в последний раз
достает из груди свое розовое сопрано

фуги записываются уже теми нотами
которые нам не прочесть

только гонделя нет

просто он еще мертв
и немного видит

Анастасия Волкова

Другие люди

У отца тонкие пальцы. Тонкие и длинные. Должно быть, это считается красивым.

Я часто разглядываю свои руки. Они у меня меньше, чем папины, и более гладкие.

А руки отца скачут над клавишами, и лицо у него при этом как маска.

У остальных пианистов во время игры другие лица. Мерзкие.

Они кривляются как клоуны. И пот с них течет ручьями. Отвратительно, что из таких мерзких мясных уродов являются на свет прекрасные звуки. Я на других пианистов не смотрю. Я закрываю глаза.

Я только слушаю, и когда одну музыку слышно, даже кажется, что нет кругом уродства. Что осталось только красивое.

Но глаза надо рано или поздно открывать. Когда отец играет, я на него смотрю.

Он не потеет (и когда играет, и вообще). У него лицо не меняется. Белое и светящееся. И музыка идеальная у него. Как у механической машины.

Которой мне никогда не стать.

У отца кожа — белая, руки — длинные, волосы — черные.

Когда ему говорят, что мы с ним похожи, он улыбается хищно (по-другому не умеет), чуть-чуть наклоняет голову вбок, так, что волосы падают на правое плечо. Потом он чуть прикрывает глаза, полуулыбается и произносит: «Да, растет смена. Я так ею горжусь».

Он начал подкрашивать волосы, потому что на висках седеют.

Я радостно думаю о том, что скоро он состарится и станет немощным.

Я в ужасе.

Разглядываю себя перед зеркалом. Лишь бы морщин не было.

Я кучу папочкиных денег потратила на то, чтоб у меня не было прыщей.

У меня их больше нет, кожа — как воск.

Я хожу к косметологу каждые три дня. Мне говорят — у вас кожа идеальная. Какая вы красавица. Слово куколка.

Это чистая правда. Иногда только, бывает, хочется, чтоб кожа была как фарфор. Твердая, как скорлупа. Как у настоящей куколки.

Но это, к сожалению, невозможно. Я красавица настолько, насколько это позволяет тело.

Я могу смотреть в зеркало, только если сама решила. Сама подошла с конкретной целью. Узнать, нет ли ещё морщин. Вчера увидела первую под левым глазом. Настроение было на весь день испорчено.

Если я себя случайно вижу в зеркале, то мне не нравится. Как будто кто-то чужой смотрит. А это на самом деле я. Противное ощущение.

Поругалась вчера с сестрой по телефону. Эта набитая дура вечно разыгрывает спектакли о том, как она несчастна из-за нас и нашей семьи. Толстая прыщавая скотина.

Недавно съехала от нас. Я её за это ненавижу. Я каждый день мысленно посылаю ей сообщения о том, что ненавижу её. Я знаю, она их слышит.

Я хочу, чтоб ей было плохо постоянно. Чтоб она загибалась от моей ненависти.

Она этого заслуживает, потому что слабка. А выживает сильнейший.

Она с отцом всё время ругалась. Однажды, когда мне было лет двенадцать, она поздно вернулась домой. Я уже легла спать тогда.

Когда я услышала, что она вошла в дом, то проснулась и прилипла ухом к стене. Интересно было, что дальше случится.

Отец, как обычно, говорил тихо, но страшно. Мать не было слышно.

А Алиса говорила, вываливала свои уродские эмоции мешками, из нее сыпалась гниль, фу. Противно осознавать, что люди сделаны

из мяса. Грязища. И все вот эти истерики мерзкие, все эти слезы. Меня от такого воротит. Это гнилье лезет, все эти проявления плоти меня раздражают, злят.

А с Алисой так постоянно.

Она начала реветь. Наверное, сопلي пу-скала, как корова. Она натуральная корова.

Тут отец ей что-то сказал. И она громко так закричала, как умирающая слониха: «Я тебя люблю, папа!»

Ну и дура! Я стала смеяться как сумасшедшая.

Они открыли дверь в комнату и смотрели на меня. Как я в темноте хохочу.

Потом дверь закрыли, а Алиса осталась в комнате. Она сползла по стенке и начала опять сопли свои мотать на кулак. Я перестала смеяться и говорю: «Заткнись и спать иди, задолбала». Потом я легла в кровать и уснула.

Да что про эту овцу вспоминать. Ушла от нас к какому-то додику. Я ей как-то сказала, что он додик уродливый, так она в меня запустила кружкой. Шизичка чертова.

Чтоб она сдохла. Вместе со своими слезами и признаниями в любви. Пусть провалится сквозь пол.

~~Мне она не говорила никогда, что меня любит.~~

Она всё время трещит о том, что худеет, но я же вижу, что она толстая. Недавно она приезжала и сказала, что ей врач сообщил, что при ее росте у нее недобор в весе.

Отец посмотрел на нее поверх очков.

Люблю эти очки, у них серебристая тонкая оправа.

Он посмотрел на нее и хмыкнул.

Она вдруг улыбнулась и говорит: «Ну вы и сборище змей».

Я сказала ей: «Кто виноват, что у тебя тело такое, что ты выглядишь толстой?»

А она говорит: «Я выгляжу нормально, это вы выглядите как сраная семейка Адамс».

Я сказала: «Зато красивые».

Она молча вышла из квартиры. Даже не помню, зачем она приезжала.

Отец посмотрел на меня холодно и сказал: «Влада».

Я сказала: «Ну, извини».
Я знаю, что он сам так же считает.

— В чем выражается её капризность?
— Ей не хватает внимания.

— Вы общаетесь с Вашей сестрой?
— Да, иногда.
— Как бы Вы обозначили своё общение с нею?
— Извините, не поняла вопроса?
— Вы довольны Вашем с ней общением?
— Я бы сказала, что оно вполне стандартное. Как во всех семьях.
— О чем Вы разговаривали, когда виделись?
— Мы разбирали её ящики с одеждой. Она переехала к молодому человеку. Кое-что из ее вещей осталось у нас дома, она заезжала, чтобы их забрать.
— Какие у Вас есть чувства по этому поводу?
— Немного грустно, конечно. Но такова жизнь. Дети вырастают и покидают дом. Через пару лет, надеюсь, тоже уеду, начну самостоятельную жизнь.
— Как думаете, переезд из дома повлияет на Ваши отношения с родителями?
— Разумеется, повлияет. Я очень люблю родителей, будет тяжело уезжать.
— Как это отразится на Вашей карьере?
— В каком смысле?
— Вы ведь играете в одном оркестре с Вашим отцом. Повлияет ли то, что Вы покинете отчий дом, на Ваши отношения с отцом, в том числе, на работе?
— Мне кажется, об этом ещё рано думать. Но, по моему мнению, не повлияет. Увидим... в будущем.
— Вы чувствуете, что Ваша сестра действительно для Вас старшая?
— Какие Вы интересные вопросы подбываете.
— Вы это чувствуете?
— Нет. Я чувствую, что она словно маленький, капризный ребёнок.
— А как Вы себя ощущаете по сравнению с ней?
— Так, словно на неё нужно очень много сил. Она капризная.

Когда сестра сказала, что уезжает, отец устроил ей адскую жизнь. Он ничего не говорил, но этого и не нужно было.

Её только мать жалела. Есть у неё такой грешок. Жалость эта.

Мама — домохозяйка. Надеюсь, никогда такой не стану.

Алиса на неё и её родственников больше похожа. А ещё у Алисы нет слуха. Отец пытался её учить, но ничего не получалось. Он рассказывал это, когда к нам в дом приходили гости. Люди из филармонии, всякие «сливки общества». Про большинство из них отец считает, что они зря переводят воздух. Но вечера устраивает регулярно.

Я играю на скрипке. Когда я на ней играю, то ничего не чувствую. Я не чувствую даже пустоты.

Я научилась добиваться этого. Отец заставлял меня заниматься целыми днями. «Это нужно, чтобы быть совершенством. А пока ты — ничто», — так он мне говорил.

«Способности — это пустой звук, если их не развивать. Пока ты просто закваска. А будет ли их тебя что-то путное, ещё неизвестно. Так что играй. Играй».

Если ему сказать, что устала, он возьмет тебя под руку и выбросит из кабинета. А потом не будет неделю разговаривать. Он может простить, только если самой взять скрипку и играть. Без его указаний. Тогда на какой-то из дней он придет и встанет в дверях, чтобы слушать. А потом снова начинает комментировать.

Про усталость можно и не говорить вслух. Он может это увидеть. Или ему может показаться. Потому я смогла добиться идеальной игры. Я наконец-то стала слышать ничто.

Отец сказал мне однажды, очень давно: «Влада, тебя должен услышать Бог. И ответить».

И один раз я играла так, что почувствовала ничто. Когда я закончила играть, то открыла глаза и перед ними были пятна. Потом я увидела лицо отца. Он был счастлив.

— Вот! — сказал он. — Наконец-то тебя посетил Господь!

Господь — это ничто. Мне нравится ощущать это.

Я играю в отцовском оркестре. Точнее, оркестр его друга. Дирижера Алексея Фёдоровича Имагина. Но, по факту, оркестр отцовский. Отец Имагиным крутит и туда, и сюда. А тот почему-то поддается. Слабак.

Он единственный настоящий друг отца. Сам отец так говорит. Я не знаю, что он в этом Имагине нашёл. То, что он — дирижер, видимо.

Все кругом дураки какие-то. Тема Ницше про сверхчеловека — это правда. Только он в одном был неправ. Мы не заменяем Бога, а достойны его. А все остальные — нет. Потому Бог дает нам силу. Управлять другими. Наказывать идиотов. Ради искусства. Ради совершенства. Ради красоты.

— Отец давал Вам и Вашей сестре одинаковую долю внимания?

— ...

— Вы чувствовали, что Вашей сестре достается больше внимания?

— Даже не знаю, как ответить на Ваш вопрос. Наверное, он любит нас одинаково, просто Алиса больше на маму похожа. А я — на него. Вот и вся разница. Мы с ним больше друг друга понимаем.

— И Вам доставалось больше отцовского внимания, когда Вы жили вместе?

— Он со мной много музыкой занимался. А у Алисы музыка не получается, нет таланта. Но она картины рисует... зато.

— Значит, к Вам отец проявлял больше эмоций, чем к Вашей сестре?

— ...Нет.

— Вам доставалось столько же отцовского внимания и эмоций, как и Вашей сестре?

— Нет.

— Вашей сестре доставалось больше отцовского внимания?

— А можно, пожалуйста, сменить тему? Мне некомфортно об этом разговаривать.

К психологу меня заставил пойти отец. Алису, кстати, к психологу ни разу не отправляли, хотя она всё время верещала. Как свинья.

Я один раз всего сделала что-то, что ему не нравится, и вот теперь надо ходить. Говорить.

Мне после этих разговоров неприятно. Но отец платит, значит надо. Говорит, что пока в его доме живу, буду делать, как он скажет.

После этого психолога у меня болит слева, прямо в костях, и во рту вкус железа.

Это случилось, когда мне было восемнадцать лет. Отец (ну, Имагин под руководством отца) взял меня в оркестре играть. Во втором составе. В нём более молодые играют.

А ещё они этого Тимура взяли. Якобы он какой-то офигительный вундеркинд. Я ничего такого не заметила. Видно было, что у него челюсть кривая, он от того похож на обезьяну. Хотя остальные девочки от него были без ума. Они все тупые. Но я с ними дружу. Позволяю им хоть к чему-то прекрасному прикоснуться. Может, хотя бы научатся играть получше. Отец говорит, что у него (у них с Имагиным) в оркестрах играют только самые лучшие. Репетиции у нас адские. Эти дуры все время ноют, что им тяжело с учебой совмещать.

Я делаю всё по ночам, со школы привыкла. Я была отличница в группе. Это не сложно, остальные ничего не делали. Я поступила в Онежскую консерваторию в шестнадцать лет, закончила её год назад. Теперь играю в оркестре на полной ставке.

Я папочке улыбаюсь, наклонив голову набок, чтобы волосы падали на правое плечо, а сама жду не дожусь, когда у меня будет свой оркестр. Я таких идиоток точно туда не возьму.

Имагин берет идиоток, а отец потом жестит. И постоянно какая-нибудь лохушка да начинает реветь.

В общем, этот идиот Тимур играл на своей дудке нормально. Лучше, чем остальные. Но ему не нравилось, как папа разговаривает с нами. Что он злой, видите ли.

И он с отцом спорил. Первый раз, когда он что-то там взбрыкнул, я подумала, что конец ему. Буквально. Но нет.

Случилось что-то странное. Отцу этот крик-воротый почему-то приглянулся. Наверное, из-за того, что на фоне остальных получше.

Отец с ним ругался, но не прогонял.

Один раз отец что-то сказал Полине, белобрысой девке, которая с трубой сидит. Она вся в слезы и убежала в коридор.

Я потом узнала, что она была в отца влюблена. Смехота.

Тимур встал, подошел к отцу. Тот на него посмотрел и сказал: «Займите свое место».

А Тимур сказал: «Вы какой-то изверг».

Отец сказал: «Извинитесь и сядьте на место».

Тимур сказал: «Я хочу с дирижером поговорить».

Имагин сказал: «Тимур, мальчик мой, музыка — это такое искусство...»

А Тимур сказал: «Разве может искусство рождаться в концлагере?»

И побежал за белобрысой. Все эти нюни-сопли меня раздражают. Я удивлена вообще, что человечество выжило. Если все вечно распускают свои драгоценные слезки и себя жалеют. Чмошники-слабаки.

Я сказала: «Продолжим репетицию».

Отец сказал: «Пойдите и скажите им, что если оба не вернутся через пять минут, то могут больше не приходиться».

Я пошла за ними. Они меня задолбали. Они портили мою репетицию.

Я вышла в коридор. Белобрысая сидела на скамейке и всхлипывала. А Тимур сидел перед ней на коленях и утешал.

Я подошла и сказала: «У вас пять минут. Потом можете не возвращаться».

Они меня игнорировали.

Тогда я сказала: «Твоя тупая гордость не стоит места в оркестре».

Тимур ко мне повернулся и сказал: «Ты прямо вся в папочку своего».

Я наклонила голову на бок и сказала: «Спасибо».

Тимур встал, повернулся ко мне и сказал: «Я ухожу. Мне нафиг ваш бал Сатаны не сдался. Лучше уж фигню по барам на ги-

тарке бренькать, чем в вашей духоте находиться. Вы же душегубы».

Я прищурила глаза, немного откинула назад волосы и сказала: «Ну что ж... По тебе с самого начала это было понятно. Не всем же дана совершенная музыка».

Он сказал: «Пф. А кому дана? Тебе, что ли? Не смей меня. Ты в музыке ни черта не смыслишь. Ты — робот. Робот, как и твой любимый папулечка».

Тогда я его ударила смычком по шее.

После этого отец меня записал к психологу. Два раза в неделю по часу. Я пыталась его убедить, что это повредит репетициям.

Отцу было плевать. Он почему-то на меня злился. Мог бы радоваться, что избавился от слабого звена.

Иногда я думаю, что было бы здорово, если бы отец попал под машину и его парализовало.

~~Я бы ходила и ухаживала за ним, а он не смог бы ничего мне говорить.~~

— Я тебя защищала.

Отец посмотрел на меня, как обычно, с холодом, и сказал: «Я тебя не просил».

— Возможно, мы затронем сейчас неприятную для Вас тему. Если Вы испытаете дискомфорт, сообщите мне, пожалуйста.

— Конечно.

— Каковы были ваши ощущения в миг, когда Вы ударили вашего коллегу смычком?

— ...Можете дать мне время на ответ?

— Да, да. Разумеется.

— ...Трудно сказать. Я об этом пожалела.

— Вы пожалели о том, что причинили Вашему коллеге боль?

— Хммм... Нет. Я поняла, что у меня будут проблемы. С отцом. Вот, видите, отправил к Вам, хе-хе.

— Сожалеете ли Вы о том, что причинили молодому человеку боль?

— Могу я быть с Вами откровенна?

— Разумеется, Владислава.

— Я не сожалею об этом ни секунды. Я бы ещё несколько раз его ударила.

У меня есть подруга Рената. Если меня попросят назвать её главное качество, то я скажу так: безжалостность. Других, если разобраться, у неё нет, но они и не нужны. Быть безжалостным — это самое главное в жизни.

Внешность у Ренаты не самая удачная, но это с лихвой компенсируется наглостью и умением изображать любое чувство на планете.

На самом деле, в душе у Ренаты нет ничего, пустота. Никаких соплей. Это мне в ней нравится.

Ею движет только одно желание — уничтожить всё на своём пути. И это мне тоже нравится.

Потому что, только уничтожив всё вокруг, можно строить новое. Совершенное.

В свободное время она разводит разных лохов на деньги, притворяясь, что влюблена в них. Я сначала не верила, что такое вообще возможно делать (тем более, внешность у неё невзрачная — она напоминает чихуахуа. И не то что бы сама по себе Рената изысканная девушка). Но я быстро убедилась в том, что это коварное, хитрое создание послано на уродскую землю к людишкам, чтобы наказывать их за грехи. За то, что они все жалкие, тупые и мерзкие.

Рената может крутить людьми так, что они становятся похожи на бледных молей, обобранных до нитки, потерявших, наконец, себя. И никакая их любовь не спасала, и никакие чувства. Вся их дурацкая жизнь схлопывалась в миг. Всё, что они любили, желали в своих мелких ничтожных жизнях, было растоптано. Они наконец-то становились достойны смерти.

Меня это Ренатино умение просто заворжило. Она была ужасна, но гениальна во зле.

Но это было зло, что совершает благо. Рената, сама, возможно, до конца не понимая этого, показывала всем эти людишкам, чего они на самом деле стоят. Она показывала им, кто они на самом деле есть.

Мусор.

Вонючий гнилой мусор, который мне приходится видеть почти каждый день.

Я извожу людей просто ради развлечения. Никогда не думала, что за это ещё и деньги можно брать. Поклонников у меня много, но меня от них всех тошнит. Ну, или сначала они мне интересны, но потом всё равно противны.

Влюблять в себя идиотов — легко. Притворяться, что дружишь — легко. У всех этих баранов всё написано на лице. Знай повторяй одну и ту же чушь, веди себя, как надо тому или иному дураку — и всё, он твой навеки.

Только они мне к чёртовой матери не нужны. Скучотища, всё одно и то же.

Я мучаю их, заставляю думать, что они лохи и неудачники. От скуки. Чуть ли в петлю не лезут. Чуть ли из окон не выпрыгивают.

~~Хоть бы раз кто-то выпрыгнул! Я что, по их мнению, не достойна этого? Слабаки. А ведь так про свою любовь заливают, слезами обливаются, беееее.~~

У меня была одноклассница Алёна. Дико вздорная и всегда уродливо накрашенная. Что-то там у них в семье было ненормальное, что она вела себя как неадекватша. И один додик в неё влюбился. Она его охмуряла — ну, ничего интересного, никакой тонкости в этом не было, никакой грации.

Но после выпуска из колледжа она ему изменила с его лучшим другом. Так вот, этот додик себе в лицо выстрелил из батинного служебного пистолета.

Раньше я в сторону этой дамы даже не смотрела, я глядела сквозь неё, она для меня была такой же биомусор, как все остальные. Но после этого случая я даже её зауважала. Недавно встретила её на улице, улыбнулась и кивнула. А она отвернулась от меня, ха-ха-ха.

Парень этот не умер, кстати. Живет теперь с развороченной челюстью. А она, говорят, даже навестить его не пришла.

Обычно же мужчины бесчувственные и жестокие. Это неинтересно. Интересно, когда женщины уничтожают.

Так вот, Рената последние два года работала над очень сложным проектом — пыталась заставить двух совершенно придурковатых увальней финансово её содержать.

История великолепная, я в восхищении.

Кратко можно описать так — она свела с ума двух трудоголиков и жила то у одного, то у другого, заливая им в уши такую несусветную чушь, что, чтобы поверить в неё, кажется, нужно иметь отставание в развитии. Но весь фокус как раз в том, что люди эти относительно нормальные, взрослые и очень богатые. Рената заставляла их целыми днями бросать в неё деньгами, при этом практически ничего не давая взамен. Этим двум идиотам она пле-ла про свою асексуальность, и они жрали это.

В какой-то степени Рената, конечно, асексуальна (а кто нет?). Раньше, если уж сильно прижмет, то могла и своё тело использовать. В какой-то момент она научилась обходиться без этого.

Правда, всё равно умудряется ныть, что эти жалкие содержатели требуют от неё хоть какие-то эмоций.

Говорит: «Просят эмоций — закатай им скандал. Чтoб боялись потерять. Вот и вся наука».

А я говорю: «Мне кажется, к каждому всё равно нужен немного разный подход».

А она: «Просто каждому козлу нужна своя истерика. А потом можно сказать им, что это они эмоции не выражают. Вот это у них лица после этого! Я еле сдерживаюсь, чтобы не за-ржать, умора!»

Мы с Ренатой всё время веселимся над этой чушью про «женственность», ну, когда говорят, что есть какие-то там «настоящие женщины».

Нет. Есть только прекрасные, точные, как часы, мозги и полное отсутствие эмоций.

Всё, что люди принимают за «прекрасную, тонкую женственную натуру», можно вылепить за секунду, выучив тупую методичку. Все люди простые до невозможности, от скуки хочется лезть на стены, разбирать людей на кусочки стало так легко, после того как изучил простейшие социальные маски — смотри, что человеку надо, да изображай. Ничего в жизни нет проще.

Но Ренате не скучно, у неё есть цель. Ей нужны деньги.

А мне нужна тишина.

Рената сказала: «Я в детстве себе поклялась, что не буду работать ни секунды. Пусть работают рабы».

Сейчас ей двадцать семь, она не работала ни разу. Интересно, получится ли так прожить жизнь.

Её подход меня, конечно, веселит. Но чувствую я, что ничем хорошим это не закончится. Она слишком жадная.

Вот те двое взяли да раскрыли её. Ещё чуть-чуть, и она бы завела ребёнка от мужика. Тогда можно было бы им вертеть ещё и с помощью этого ребёнка.

Но всё обвалилось. Рената чего-то не учла, увлеклась. Её первый дружок познакомился со вторым дружком, и вместе эти тугодумы наконец-таки сложили два и два. Оказалось, что вещи, которые она вымогала для своей мамы у первого, она носила в дом ко второму, и наоборот.

История, конечно, восхитительная. Может, кто-то другой напишет про неё повесть. Мне эти копания в помойке самой неприятны, но, с другой стороны, не поделиться своим преклонением перед криминальным, антиморальным умом моей любимейшей Ренаточки я не могу.

Я хочу, чтоб было предельно ясно, почему это единственная моя подруга. Потому что в ней тоже звучит ничто. И нет звука лучше.

Я всегда говорю Ренате, что она в своих коварных схемах просчитывается, потому что не может остановиться. Главное в социальном мире — это не переигрывать. Не кусать больше, чем можешь прожевать.

«Понимаю, я всё это знаю. Но у меня просто крышу сносит. Надо бороться с этим. Всё время думаю — в этот раз буду осторожнее. Пока ни разу не получилось всё сделать правильно».

Ещё я у неё спрашивала, не боится ли она, что ей кто-нибудь отомстит. Она говорит, что нет.

Я спрашиваю: «Почему?»

А она говорит: «Они меня любят».

И закатывает глаза.

Мы познакомились с ней в консерватории — очередной идиот оплачивал ей там обучение. Она мечтала стать певицей. Только учиться Ренаточка не способна, так что через два года ей всё это надоело.

«Это только мужикам надо учиться, они сами ничего не могут», — сказала она тогда. Я на неё не обиделась, а сказала только: «Конечно, родная моя Ренаточка. Ты просто звезда».

Слуха у Ренаты нет, но её последний друг — тот самый, который по незнанию делал Ренатину неземную любовь с ещё одним мужиком — оплатил Ренате запись альбома на студии. Теперь у Ренаточки на спотифае семь тысяч подписчиков, притом что петь она не умеет.

Периодически она меня специально доводит своим завыванием, знает, что у меня идеальный слух.

Мы иногда цапаем друг друга. Но нежно.

Таких, как ты сам, нужно беречь.

Держи врагов ближе? Нет. Держи злых и опасных ближе. Это главное правило жизни номер два.

Встречаемся мы с Ренатой редко — я постоянно занята в оркестре и на учёбе. Мы накапливаем сплетен, отвратительных историй и ужасных событий и вываливаем всё это друг на друга. А потом идём в какой-нибудь клуб танцевать. Рената надеется подцепить денежек, а я?..

Вот сейчас — прислала мне афишу какой-то дыры. Выступают разные местные группы. И подписала: «Я сейчас одного челика-музыканта обрабатываю. Пошли со мной, плиииззз».

Почему бы и не сходить. Иногда нужно сопоставить что-то своей идеальной гармонии.

Иногда после уродской дешевой музыки ко мне приходит истинное ничто.

* * *

— Сегодня будет не совсем обычный сеанс.
— Да Вы что? Наверное, новые вопросы придумали, поинтереснее?

— Нет. Я бы хотел привлечь Вас к участию в эксперименте. Если Вы не против.

— Смотря в каком.

— Ничего сложного. В ходе этого эксперимента я бы хотел бы пригласить Вас поработать с вашей социальной ролью.

— Ролью? Нужно что-то изобразить?

— Нет-нет. Я хотел бы узнать, ведёте ли Вы какие-либо социальные сети.

— Ну... веду, конечно.

— Какие?

— Я веду Фотограм. В остальных соцсетях у меня ничего нет, просто общаюсь.

— Вы пишете подписи к постам в Фотограме?

— Ну... иногда. Очень редко.

— Очень хорошо. Это существенно облегчает задачу. Могу я вас попросить описать некоторые фотографии вслух? И прочитайте подписи, если есть. Любые, на Ваш выбор.

— Что, серьезно? Мне читать свои посты из Фотограма Вам вслух?

— Да, если Вам не сложно. Можете представить, что меня здесь нет.

— Это обязательно делать?

— Если Вы не захотите, я не вправе Вас заставить.

— Это как-то должно мне помочь?

— Не знаю. Вы же говорите, что нет смысла помогать Вам. Что Вас заставил сюда идти Ваш отец и у Вас нет никаких проблем.

— Ого, Вы запоминаете, что я говорю?

— Что ж, это профессиональная деформация.

— ...Это глупо. Насчёт фоток.

— Что ж, я не настаиваю.

— Или всё-таки... Давайте попробуем. Даже интересно, что Вы этим хотите добиться.

— ...Итак, Вы готовы?

— Да, сейчас... Мда.

— Что-то Вас смущает.

— Да. Глупо себя чувствую.

— Не бойтесь, это безопасное место.

— Кхм, ну, вот например. Фотография. Давняя. Мы выступали в Греции. Выиграли грант. На фото я со скрипкой. На пляже. Подпись, кхм: «Море — это оркестр».

— Какие чувства в Вас вызывает это фото?

— Я... не знаю.

— Вам нравится Ваш образ на этой фотографии?

— ...

— Вы долго всматриваетесь.

— Да.

— Опишите себя на этой фотографии. Как будто это другой человек.

— Ну... Красивая девушка.
 — Так.
 — Я не знаю, что ещё сказать.
 — Присмотритесь и подумайте.
 — Ммм. Красивое фото. Мне тяжело на своё лицо долго смотреть.
 — Почему?
 — Я... я не знаю.
 — Вас что-то в Вашей внешности расстраивает?
 — Нет. То есть да. В том числе. Как будто смотришь, и оно рассыпается. Размывается. Моё лицо.
 — С Вами всё хорошо? Мы можем прекратить эксперимент.
 — Нет-нет. Я не слабачка.

* * *

После этого тупого сеанса мне всё время снится этот идиотский психолог. Мне снится разная бредятина, что я иду по улице и все деревья выворачиваются под землю. Оказывается, что под землёй — не земля, а изначальный мир. Я хочу в него заглянуть, но меня почему-то эта земля выталкивает, как батут.

А потом я подхожу к зеркалу, оно просто висит в пространстве. Я гляжу в него, а там этот Валерий Степанович. Вместо меня. Он вместо моего отражения. И я подхожу и начинаю перед этим отражением раздеваться, а этот ублюдок не раздевается.

Иногда я с ним и целоваться начинаю.

Он заставил меня описывать словами вслух мои фотографии из Фотограма. Тупизна.

Он наверное хотел, чтоб я себя чувствовала душой. Я его ненавижу.

Ему удалось, но виду я не подала.

Но теперь мне просто противно всё. Я не могу эту скрипку в руки брать. Утром смотрела в зеркало часа два, так что зашёл отец и начал на меня шипеть, что я опоздаю.

Мне всегда казалось, что мы с отцом как две капли воды похожи, а теперь мне кажется, что вообще нет.

У него на лице как будто маска такая — японская злобная.

А у меня тоже маска, но без всего. Без черт, без глаз, без губ. Пустота.

Я смотрела на эти свои фотографии, я их вслух описывала, и перестала своё лицо понимать.

Мне всегда казалось, что оно красивое, это лицо. Да, смотреть не хотелось на него, чтоб не увидеть в нём человеческой гнили, а теперь я могу часами на него смотреть как на вещь, смысла которой я вообще не вижу.

Я играла на репетиции дерьмово, и Имагин позвал меня в кабинет.

Он был в каком-то расписном халате. На репетиции он ходит чёрт-те в чём. Волосы у Имагина совершенно белые, это он так поседел. Когда-то его волосы были светло-русые. Ну, хоть не облысел, а то был бы совсем финиш.

В нём человеческое вообще всё, это меня убивает.

Он налил мне чаю. Всё время ведет себя как добрый дедушка Мороз, слизняк.

Отец вечно тряндит, что Имагин практически единственный, кто музыку слышит.

Я что-то не верю в это ни фига. Мой отец иногда раздражает.

Мы пили чай, а Имагин смотрел куда-то вверх и улыбался. Мне пофигу, куда он смотрит.

Меня вдруг пронзило, словно холодной иглой в спину.

Мне всегда казалось, что это отец его к рукам прибрал. Имагина. Что он ему на уши навешивает свои правила.

Но вдруг почему-то я подумала, что нет. Это Имагин. Приручил отца, как дикого зверя.

Не знаю, из-за чего я это подумала.

— Владочка, ну что же ты глазёнки так вытаращила?

Действительно. Я проморгалась и уставилась в кружку с чаем.

Имагин всегда говорит так, слово река журчит, но для меня сегодня это как ножи в сердце.

— Родная моя. Ну нельзя же так себя загонять. Ты играешь на целую голову хуже, чем раньше. До этого хотя бы была чёткость, внятность, рационализм.

Я вдруг подумала, что, когда Имагин крикует, хочется застрелиться. И его застрелить. А когда отец — нет. Хотя отец в гневе ужасен, хотя он душу из меня готов вытрясти, он мне кажется иногда самым Дьяволом (что, вообще-то, довольно захватывающе).

Дело, наверное, в том, что душу он из меня давно уже вытряс.

— Я с тобой разговариваю сейчас как со взрослым человеком. Отдельным от Яна.

Ян — это мой отец. Ян Владимирович Теньшов.

— Владочка, ты, наверное, думаешь, что я взял тебя в оркестр, потому что мы с твоим отцом друзья. Ну, так или нет?

— Ну... Наверное. Надеюсь, Вы не слишком сильно разочаровались.

— Что ты, что ты, нет, конечно. Открою тебе секрет — я взял тебя сам. Потому что захотел.

Я молча смотрю в кружку, и моё лицо в ней похоже на развороченное лицо моего одноклассника, который выстрелил в себя из-за несчастной любви.

— Ты, как и твой многоуважаемый папа, обладаешь неким совершенным внутренним ритмом. Видимо, у Вас это семейное. И отец твой, Ян Владимирович, сделал всё, чтобы и в тебе свою способность сохранить. Я в твоём отце, как в музыканте, ценю сердешно этот дар — создать каркас для наполнения. Позвоночник моего оркестра. Когда есть точная, выверенная система, на которой всё держится, можно подумать и об органах — о сердце, о мозге... О душе.

На слове душа я слегка дёрнулась, и чай пошёл волнами. Надеюсь, Имагин не заметил.

— Я ценю это невероятно. И в тебе это тоже есть. Вы вдвоем укрепляете основание. Тело. Понимаешь?

Несёт, как обычно, свою чушь. Киваю.

— Я никогда бы в тело своего оркестра не пустил никаких лишних людей. Никаких вирусов. Да, в ком-то я вижу потенциал, приглашаю в оркестр, но они не могут вынести напряжения. Некоторые, знаешь, созданы не для того, чтобы в организме существовать, а для того, чтобы над водой носиться, прости Господи. Это нормально, я никого здесь не держу. Но я вот тебе, дорогая, о чём хочу

сказать... Ты себя губишь и надрываешь. Я понимаю, твой отец — совсем не сахар. Мне с ним тяжело очень. Понимаю, что тебе тяжелее, раз ты — его ребенок, плоть и кровь. Но я тебе совет хочу дать — не загоняй себя так ради него. Музыка, Владенька, — это блаженство. Это уход от прозаических вещей. Хотя бы на мгновение. Но, губя себя ради отцовского одобрения, ты губишь скелет оркестра. Ты, Владочка, создаешь его основу — точную, чёткую. Если она развалится, что мы будем делать?

Я наконец-то отпиваю из кружки, и не чувствую ничего.

— Вот, положи сахарок и возьми печенье. Послушай, что скажу: я знаю Яна много лет, и отношения у нас непростые, несмотря на то что это один из самых моих близких друзей. Иногда ему нужно дать ощущение того, что он всё контролирует. Что без него никто не может справиться. А самому под шумок делать своё маленькое дельце.

Я подавилась чаем и закашлялась, как в самых тупорылых американских ситкомах.

~~Мне нравилось в детстве смотреть ситкомы, потому что в них нет ничего настоящего.~~

Имагин учтиво постучал мне по спине, потом проводил до выхода из своего кабинета.

— Учись расслабляться и получать удовольствие от музыки. Понимаю, что сложно такое представить, но если перестараться с идеальностью, можно ведь и сорваться. Вниз.

Он прищурил свои светло-серые глаза. Я наклонила голову на правое плечо и чуть-чуть улыбнулась.

— Всё, девочка, отдохни. Прогуляйся. Подумай о Вечном. А на своего папочку внимания не обращай.

У Имагина столько морщин на лице. Когда-то, наверное, был красивым.

Нечего всё время лыбиться, ха.

Домой мы ехали в гробовом молчании. Когда приехали и поели, отец позвал меня в кабинет.

Он глядел на меня с ненавистью.

— Ну, что он там тебе сказал?

— Чаю налил.

— Ну, разумеется.

У отца на лице тоже была улыбка, только такая, какая бывает у зловещих психопатов в кино.

— Папа, хватит такое лицо делать, а то будут морщины, как у Имагина.

— А ну молчать!

И бьет по столу с такой силой, что даже странно, как такими тонкими ручками можно такой звук создать. Как можно этими тонкими ручками делать что-то, кроме игры на рояле?

Молчит и смотрит, как змеюка.

— Да, знаю. Прости. Я буду стараться ещё лучше.

— Тебе нужно начать стараться прямо сейчас, иначе ты вылетишь к чёртовой матери из оркестра. И из этого дома.

Ну и придурки. Играют в доброго и злого полицейского. Идиотизм.

У отца есть интересная способность — он, не повышая голоса, разговаривает так звонко, что в голове потом гул ещё дня три стоит.

— Мне неинтересны причины этого провала. Пойди вон с глаз моих, делай что хочешь, но чтобы в понедельник играла идеально.

— Они тебе не интересны, но они есть. Это из-за этого психолога.

— Что там с ним?

— Я не могу к нему больше ходить.

— Но будешь. До свидания.

— Он мне снится. Что я перед ним раздеваюсь. И что он как бы в зеркале, и я с ним целуюсь.

Отец посмотрел мне в лицо впервые за долгое время. Потом рассмеялся. Я тоже засмеялась.

— Я плачу деньги, чтобы ты рассказывала свои сны ему, а не мне.

— Так что мне делать?

— Пойти и рассказать ему лично. Это твои проблемы и его. Всё, выйди и не беспокоь меня сегодня. Мне нужно работать.

Не знаю, в чём его работа заключается, но мне и не особо интересно.

— Что-то на репетиции не заладилось?

Я смотрю на мою маму. Мне кажется, она меня боится. Мне кажется, она скучает по Алисе.

Интересно, я бы ощутила хоть что-то, если бы мать взяла сейчас да и исчезла? Что бы

изменилось? Почему она находится в моей жизни просто как предмет, или как обслуга, просто как движущаяся картинка?

Она и в жизни отца присутствует так же.

— Мама, почему ты вышла замуж за отца?

Я делаю большие глаза, улыбаюсь и выражаю заинтересованность. Изображаю ей Имагина во всей красе.

Она сначала застыла, открыв свой огромный рот. Слава богу, в моей внешности нет практически ничего от неё.

~~Я вру, на самом деле она красивая женщина. Но этот рот меня просто раздражает. У Алисы такой же. Я просто не хочу выглядеть как они, и всё.~~

— Ну, полюбила его. Вон он какой...

— А он тебя?

— Да. Тоже, конечно. На руках носил. А что это ты спрашиваешь?

— Стало интересно, как можно любить таких людей. Как он. Или как я. Мне стало интересно, почему.

— Ну... пф... Очень легко, Влада.

Очень легко.

У психолога я теперь стараюсь не светиться особо. Я сижу и смотрю ему в глаза, и он всегда их отводит. Отвечать стараюсь нейтрально.

На последнем сеансе он сказал: «Мне кажется, мы с Вами потеряли контакт. Расскажи-те, что произошло?»

Я сказала, что не имею понятия. И сказала: «Вам же платят деньги? И ещё заплатят. Можете не беспокоиться».

«Я заинтересован в Вас и Вашем благо-состоянии».

Тю-тю-тю. Чушь собачья. Никто ни в чем не заинтересован, я это знаю точно, я вижу суть людей, и она такова: им на всё настрять, кроме себя.

Сны с психологом продолжаются, я хожу в ужасном настроении. Научилась аккумуля-лировать это в музыку. Я играю так, словно падаю в обморок. Ничто заполняет меня ещё

сильнее, так, что мне даже тяжело потом притворяться, что во мне есть ещё хоть что-то.

Имагин после репетиции похвалил меня. А потом сказал: «Но выглядишь ты, деточка, как будто померла вчера. С папой всё будете?»

Я сказала ему: «Я так выгляжу, потому что только что играла на скрипке».

Имагин сделал странное лицо, как на меме. Я улынулась и пошла пешком в свой семейный склеп. Не поехала на отцовской машине. Нужно было выветрить из себя немного «ни-что».

~~Меня волнует, что теперь это делать труднее.~~

Отец всё ещё не разговаривает. Мне всё равно, я всю жизнь живу с его шизанутыми приколами, ему меня не напугать.

Сегодня мне идти с Ренаточкой на этот тупой концерт. Может, Имагин в чём-то и прав. Нужно пойти посмотреть на людишек и потрястись. От этого тоже очень хорошо можно словить ничто. Главное — не перестараться.

~~А то можно повеситься.~~

Мне никогда не хотелось повеситься. Я знаю, что моя тётя покончила с собой. Отец как-то не особо о ней говорит, а спрашивать у него — себе дороже.

Я себя очень сильно люблю, не понимаю, как можно нанести себе вред. В школе со мной подралась одна дура, она поцарапала мне лицо своим вонючим дешевым ногтем. Я тогда сломала ей нос.

Мой отец по этому поводу сказал, что я молодец, и всем в школе это насадил, когда его вызвали.

Всех этих кудрявых старух убедил, что та дура с когтями сама во всём виновата. В итоге её выперли восвояси.

А когда я ударила смычком этого Квазимоду Тимура, отец прямо недоволен оказался.

Не то чтобы мне нравится людей бить. Лучше их морально мучить. Но иногда приходится их учить уму-разуму. Приходится им показывать, кто здесь главный, у кого их жалкие жизни в руках находятся.

Дома я уже совсем не ничто, я готова избивать кого угодно. Я собираюсь на отстой-

ный хипстерский концерт, но решила одеться так, чтобы сжечь всех этих неудачников в пыль. Чтобы они жалели, что не родились мной.

Я могу быть лучше всех в помещении, даже не стараясь.

~~Но сегодня стараюсь.~~

Духота и куча народу. Рената в восторге, чуть ли не подпрыгивает. Когда она в компании людей, неважно каких — ей хорошо. Они заполняют пустоты своими праздными разговорами и своей тупой эмоциональной беззаботностью.

Я принимаю вид самого красивого существа во вселенной, и люди в это верят, и смотрят на меня, и не в силах оторвать глаз.

— Смотри, как все на нас пялятся! — говорит Рената, и её голос тонет в лязгающей какофонии окружающего мира.

Я отстранилась от тела, потому не слушаю этот невозможный шум, я — ничто, ничто, ничто, и мне не плохо и не хорошо, мне — никак. Я не слышу уродства. Я почти мертва.

Рената знакомит меня со своим парнем, точнее, своей новой жертвой, и лицо его такое же скучное, как у всех кругом.

~~Иногда мне интересно, как все остальные люди могут чего-то ждать, радоваться, веселиться? Я не понимаю. Я не могу этого понять.~~

Ренатин парень смотрит на меня, потому что нет ничего приятнее, чем смотреть в пустоту, чем смотреть в красоту, которая ничего не выражает. Но полюбит он Ренаточку, потому что она всё для этого сделает. А потом его растопчет.

Группы выходят одна за другой и играют ужасно, и песни ужасные, мне от этого как будто весело. Веселье это словно где-то вдали, как что-то отдельное, но привязанное ко мне.

Мы с отцом ездили однажды в горы зимой, он хотел, чтоб я научилась преодолевать себя, и мы шли так долго, что всё прошло. Всё прошло, вся жизнь прошла. Я видела только белый снег, и мне было так грустно, что я

не сверкаю так, как этот снег. Мне были невыносимы огромные сосны, растущие под углом. И вид следов, которые мы оставляли за собой. Я бы не хотела оставлять никаких следов. Я подумала, что хочу замерзнуть насмерть, стать природой, её частью. Я была чужеродная и ужасная, и вот тогда мне стало весело. И я засмеялась. Отец смотрел на меня какое-то время, а потом сказал: «Ты надышишься холодом и заболеешь. Закрой рот».

Я после этой поездки лежала с воспалением лёгких и плакала. Мать думала, что мне плохо из-за болезни, но я плакала потому, что мне было себя жалко. Мне было жалко, что я не могу быть чем-то другим. Чем-то лучшим, совершенным, великим, как этот снег. Поэтому я ненавижу природу.

Я отключаю голову и танцую. Если бы мой папочка услышал эту музыку, он бы отказался от меня. От этого мне тоже весело.

В перерыве между выступлениями этих неудачников мы пошли взять по коктейлю.

К нам подходят и пытаются знакомиться, Рената уродливо флиртует, но мужикам такое нравится. Всё кругом такое пошлое.

Я не хочу никаких мужиков.

Вдруг я замечаю что-то знакомое. Мелькает на сцене.

— Ого, Рената. Смотри-ка. Это же тот придурок, про которого я тебе рассказывала.

— Кто? Где? Какой? Какой?

— Этот... Тимур.

— Кто?

— Которого я ударила смычком.

Рената прыснула, чуть не выплюнув свою любимую водку с апельсиновым соком. Я театрально скривила лицо.

Какой-то мужик за сорок спрашивает, не думала ли я о карьере актрисы.

— Нет, а вот о карьере набоковской Лолиты думаю сейчас, и что-то меня не прельщает.

Рената говорит: «Уйди, изврат».

— Капееец, играет в этой рыгаловке на своём дуде, а ещё тебя доставал!

— Вроде это то, чего он хотел, ха. Боже, как же низко он пал. Ой, извини, твой Гарик ведь тоже тут выступает.

— Да, но он это делает по приколу, его батя центр города застраивает, потому Гарик обе-

спеченный человек. А этот Тимур же в магазине работает, ты говорила. Фу!

Мне очень хочется подойти к Тимуру, сбить его с толку, чтобы испортить выступление, но я решаю подождать, пока он сыграет. Всё равно создать звуки хуже, чем все эти отбросы общества, уже не получится.

— Слушай, этот чел же из группы «Колкость».

— Кто?

— «КОЛКОСТЬ». Там же этот играет, чувак такой длинный. Аркадий или как там...

— Глеб Липеровский, — сказал сорокалетний.

— Я впервые слышу.

— Как — впервые? Он, между прочим, местная знаменитость!

— Я разговариваю не с Вами. Идите на детские утренники, — я наклонилась к Ренате, — Какая ещё знаменитость?

— Ну, в узких кругах. В андеграунде. Фигня.

— А этот мужик прямо оскорбил. Папашка его, что ли?

Загремела музыка. Словно взрывы. Я поморщилась. Потом вдруг услышала Тимура. Он играл на гитаре.

— Даже не так паршиво, как я ожидала. А кто из них этот Лепрекконский?

— Хи-хи, он Липеровский. А он всё время всяко странно появляется.

— Что?

— Сейчас, смотри.

На сцену повалился черный дым, а из дыма показалась длинная фигура. Этот самый Липеровский. Он подошёл к микрофону и закричал в него. Я дёрнулась.

Потом он стал петь какую-то чушь.

Мне показалось, что всё происходит в каком-то бредовом сне.

Липеровский выглядит странно. У него были очень большие глаза, волосы блестят от геля и заправлены за уши, а уши у него были большие. Длинное лицо, очень выпуклое. На нём майка в сетку и легкий черный пиджак, огромные закатанные брюки. Я смотрю на него, и мне тошно.

— Это группа «Колкость», сегодня мы споём вам четыре песенки из альбома «Шипы Шпионы». Первая песня называется «Нет прощения». Посвящается Леониду Андрееву.

Он выглядел словно какое-то непонятное существо, вылезшее из леса. У меня заболел живот. Мне стало плохо.

— Я хочу выйти, — сказала я Ренате. Решила пойти, постоять на свежем воздухе. Этот Липеровский выглядел как болезнь.

~~У меня никогда раньше не болел живот, меня никогда не тошнило.~~

Мне стало противно от того, что я ощутила своё тело. Я почувствовала себя гнилой.

Я была уже на полпути к выходу, как вдруг я что-то уловила. Услышала его голос.

Вдруг меня словно разжало.

Я повернулась и посмотрела на сцену. Я прислушалась.

*«У тебя в волосах сладкие бантики
У тебя в руках сладкие слова
Тебе бы от конфеток сворачивать фантики
Но ты считаешь что не так уж проста*

*Я слежу за тобой я слежу за тобой
Может завтра ты проснешься на другом
берегу
Может завтра ты проснешься
совершенно другой
Подмигну тебе «беги» и ты ответишь —
бегу*

*И нет мне прощения нет мне прощения
Реснички трепыхаются от ужаса звенят
Просто такое развлечение —
Терять себя. Я хочу потерять себя*

*Тебе полезен взор сквозь синее стекло
Тебе полезен воздух скованный от жуты
Тебе ещё долго не будет тепло
Научу тебя бояться до самой сути*

*Я иду за тобой я иду за тобой
Ты должна быть благодарна за своё
приключение*

*Я дарю тебе кошмар я дышу темнотой
Я пугаю тебя разве это преступление*

*И нет мне прощения нет мне прощения
Каблучки по мостовой от страха звенят
Просто такое развлечение —
Терять себя. Я люблю терять себя*

*Догоню догоняю не спасут фонари
Свернёшь в переулочек: виден твой дом
Говорила тебе мама: «Одна не ходи»
Будешь слушаться маму, но когда-нибудь
потом
Ты сказала «Подлец» и захлопнулась дверь
Ты оставила меня одного с темнотой
Я не знаю теперь человек или зверь
Что во мне живого и кто я такой*

*И нет мне прощения нет мне прощения
Мысли в голове рассыпаясь звенят
Плохое ощущение плохое ощущение
Терять себя. Я боюсь терять себя»*

Тимур бросил гитару и заиграл на кларнете соло, и мне показалось, что сцена светится. Может, она и действительно светилась.

Внезапно я увидела Глеба резко, чётко.

Я поняла.

Не знаю, сколько всё длилось. А когда кончилось, я побежала к сцене.

Глеб спустился с неё наполовину, и я слегка врезалась в него. Он остановился и посмотрел на меня большими, почти бесцветными глазами. Я не знаю, сколько мы так стояли.

Я услышала вдалеке голос Тимура:

— Э! Ты чё здесь забыла?

Нельзя было ждать. Мне нужно было знать.

Я знала и так, но хотела подтверждения.

— Что ты чувствуешь, когда поёшь?

Лицо Глеба не поменялось, но на глаза словно упала тень. Он ответил не сразу. Тимур что-то кряхтел рядом, размытый, ненужный.

— Ничего, — сказал Глеб.

Ничего. Ничего. Ничего.

В груди зажгло, я повернулась и пошла к выходу.

НИ-ЧЕ-ГО.

Я пошла домой пешком, не помню, сколько я шла. Только я чувствовала ничто так сильно, что не могла вместить. Я задыхалась пустотой, и мне было плохо, я почти умерла.

Как в такой дерьмовой музыке может скрываться такое?

Дело в нём, в Глебе.

Это он — настоящее ничто. Я шла и хохотала от этой нелепости.

Я всю жизнь положила на то, чтобы играть на этой долбаной скрипке лучше всех на свете. А чувак просто орёт свою бездарную хрень в микрофон и... получает всё.

Получает всё. Получает всё.

Я не могу понять. Я не могу этого понять.

Я хочу понять.

Мне несколько раз звонила Рената, потом два раза звонила мать.

Я сижу на детских качелях в своём дворе. Уже два часа ночи.

Если меня сейчас убьёт маньяк, мне будет пофигу.

Я закрываю глаза и вижу это почти уродливое, но в то же время странно притягательное лицо. Почему оно притягательное?

Я никогда не думала о том, что такое талант. Я знаю, что отец много об этом думал.

Глубоко в душе перекачивается знание о том, что он любит Имагина из-за этого. И не навидит.

А теперь думаю, и понимаю, что нет никакого таланта. Есть другое.

У меня, оказывается, текут слёзы из глаз.

Спустя какое-то время я увидела в темноте фигуру, приближающуюся ко мне. Ну вот и моя смерть пришла. Мне теперь всё равно.

Я говорила психологу, что вообще не ощущаю, что умру. Я просто этого не ощущаю. Я стану наконец-то пустотой, когда это произойдет, и это будет сладко, но хочу ли я умереть? Нет.

Человек приблизился ко мне и ударил меня ладонью по лицу.

Это мой папочка со своими тонкими женскими ручками. Завтра ему будет больно играть на пианино для своего любимого Имагина.

Я даже боли уже не чувствую. Я улыбаюсь.

Если бы отец ударил меня до этого вечера, я закатила бы ему скандал. Я бы сказала, что моя внешность для меня — важнее всего, кому как не ему об этом знать. Сказала бы ему, что жду не дождусь, когда трупные черви сожрут его идиотское лицо садиста.

Но сейчас я знаю, что нет никакого смысла с ним говорить.

Они уже его едят изнутри.

Он сотрясает воздух. Говорит, что я больше не выйду из дома.

Мне и не надо, дурак.

Я улыбаюсь. Я думаю про Глеба, всё думаю и думаю, я пытаюсь ухватить...

— Ты хочешь сорвать мою репетицию?

«МОЮ». Ха-ха-ха.

Всё о себе да о своих проблемах. У людей ведь нет других интересов.

А что до репетиции, то я не хочу ее срывать. Я хочу взорвать сраную Филармонию со всеми этими неудачниками и лохами, которые занимаются черт пойми чем. Бренкают, дудят, стучат, воют, мучают звуки.

И всё зря.

Всё зря.

Я не спала всю ночь. Я переживала снова и снова пустоту, которую почувствовала на концерте. Пустота эта была невыносима, но мне её хотелось.

Если пустота тяжёлая, это всё ещё пустота? Или нет? Разве ничто имеет вес?

Я встала с кровати ровно за пять минут до будильника. Мать с отцом смотрели на меня молча, пока я ела яичницу с бобами.

— Ты сегодня прямо светишься, солнышко, — осторожно сказала мама. Она меня боится, я теперь совершенно точно это поняла.

— Да. Сны приятные снятся, — ответила я. Посмотрела на папочку. Он дёрнул бровью и отвёл взгляд. Иногда я думаю, что он из последних сил сдерживается, чтобы не убить меня.

Иногда я тоже сдерживаюсь, чтоб не ткнуть ему вилкой и ножом в его прекрасные голубые глаза.

Я говорю отцу в машине:

— Предложи Имагину отправить меня на конкурс скрипачей от нашей шарашки. Он же всё решить не может, кого туда послать.

— Тебя? С чего бы это?

— Я сыграю вам двоим сегодня. Всё равно до того, как остальные соберутся, куча времени. И он отправит.

— А если я решу, что плохо?

— Мне кажется, Алексей Фёдорович нормально слышит.

Отец осклабился. Ясно.

— Хочешь меня перед ним опозорить? Валий. Только позорить ты будешь себя, потому что я за тебя не отвечаю.

— Конечно же, дорогой папа.

Я знаю его как свои пять пальцев. Ему нравится, когда я наглая. Он тогда чувствует, что я точно такая же, как он. Что он не одинок в своём мудизме. Ему нравится мне палки в колёса вставлять, чтобы смотреть, как я выхожу сухой из воды. Он в этом видит свою заслугу.

Но все мои заслуги всегда только мои.

Отец насмешливо объясняет Имагину мою идею. А я уже готова разорваться от *настоящего* ничто, тяжело дышать.

Они садятся в пустом зале. Двух моих жалких коллег-скрипачей, пришедших рано, прогоняют со сцены. Я поднимаюсь на неё, и думаю про Глеба, про его ужасную музыку. Я вижу его даже слишком реально перед мысленным взором, а потом как бы становлюсь им. Мои руки вытягиваются и становятся неестественно длинными, плечи распрямляются, глаза наливаются бледным огнём, кости начинают выпирать из лица. Отвратительно быть таким, но, может, в этом всё дело?

— Альфред Шинке, «Посвящение Паганини для скрипки соло», — говорю я тёмным, плотным голосом Глеба.

Я играю с закрытыми глазами, и НИЧТО разливается по всему моему телу так, что я становлюсь безмерно счастливой. Ничего и счастье, казалось бы, несовместимые вещи. Но получилось так, что я счастлива только когда меня нет. Вместо меня — другой.

Я не контролирую себя больше. Мне всё равно. Я корчу рожи, как поющий Глеб, потому что меня не существует, существует он, а я — мёртвая и счастлива. Я больше не захлёбываюсь пустотой. Она меня поглотила, и слава Богу. Спасибо тебе, Боже.

Когда всё кончилось, я вернулась в обычную невыносимую жизнь. Все молчат, и я какое-то время могу не открывать глаза, только счастливо улыбаюсь. А потом один из двоих горе-скрипачей хлопает. Я открыла глаза, и свет порезал меня.

Имагин сидел в первом ряду, закинув ногу на ногу и глядел на меня задумчиво, чуть улыбаясь.

Отец кашлянул и пробурчал, что хочет выйти покурить.

Курит он редко. Хороший знак.

Имагин подошёл ко мне, опёрся локтями на сцену, словно кокетствующая девица. Всё время он себя ведёт, как чёрт пойми что.

Внезапно я подумала, что он мне, вообще-то, нравится и не всегда бесит.

— Ну, дорогая моя красавица. Совсем другое дело. Расслабилась, как я и говорил?

— Сходила вчера в клуб.

— В таком случае скажу твоему батеньке, чтобы почаще тебя отпускал. Ты посмотри-ка, а?

— Я хочу на конкурс.

— А на конкурсе так же сыграешь?

— Могу ещё лучше.

— Ну, лучше не надо, а то начнут все реветь, как в фильме этом, про гения из деревни, которого все там не любили... Не смотрела ты, наверное. Вроде «Сестра сна» называется? Всё время думал, какая ещё сестра, что к чему, вообще там никакой сестры нет... Ну, это не важно. Пусть лучше не режут, а слушают. Я пойду подготовлю заявку на конкурс. Теперь нужно выстроить программу, чтобы ты в оркестре не убивалась и больше внимания уделяла конкурсу. Выберем произведение. Мы с отцом твоим поговорим, как лучше твои тренировки организовать, он же всё-таки тебя курирует. Ну, молодец. Я горжусь тобой очень!

Он забрался на сцену и обнял меня. Я поняла, что у меня вспотел лоб.

— Благородный пот! — сказал Имагин, смахнув с моего лба прядь волос.

Я никогда до этого не потела.

Отец курил в окно в коридоре, чуть опираясь своим гениальным задом о подоконник. Курить в Филармонии запрещено.

— Ну и как?

Он сделал длинную затяжку и потушил бычок о стекло.

— Здорово. Молодец.

У него был взгляд как у потерянной игрушки.

* * *

— Значит, Вы ощутили нечто вроде вдохновения?

— Да, да! Нечто или ничто. Не знаю, как правильное выразиться.

— Потому что послушали музыку в клубе?

— Да. Не совсем. Там был определенный человек. Он пел и играл.

— Вас это поразило.

— Сначала — да. Тем, насколько это плохо. Мне трудно представить, что кто-то вообще такое поглощает. Ужас.

— Тогда что же Вы испытали?

— Ничего. Понимаете? По-настоящему. Я поняла, что он обладает тем, чего я пыталась изо всех сил добиться. Всю жизнь. А он это просто так в себе носит. Он может ничего не делать, а в нём это будет. Ха, насколько же это несправедливо.

— Вас расстраивает, что Вы, как Вам кажется, не обладаете неподвластными вашему описанию качествами, которыми обладает другой человек?

— Да. Расстраивает. Но, с другой стороны, он ещё и другое может.

— Другое?

— Да. Он может отдавать это. У него переизбыток.

— Могу ли я уточнить, как бы Вы назвали то, о чём Вы говорите? Переизбыток чего?

— Ничего.

— Простите?

— Ничего.

* * *

Как меня всегда веселила фантазия о том, что после смерти мы получим всё, что захотим. Этим утешаются неудачники, которые не имели ничего при жизни.

Я думаю, жизнь дана для того, чтобы получить всё, что только можно. Всё, что хочешь. А после смерти исчезнуть к чёртовой матери, слиться с миром, и это будет высшее счастье.

Глеб лежит на кровати и смотрит в потолок своими рыбьими глазами. У него шрамы на груди, его мать ошпарила кипятком в детстве.

В целом, я иногда её понимаю, в некоторые моменты я бы его сварила заживо.

Я мечтала о том, чтобы он принадлежал мне с первого мгновения, когда увидела его на сцене. Точнее, чтоб мне принадлежало всё, что у него внутри.

Он сказал мне где-то неделю назад, что ему со мной — практически как одному. А это для него — лучшее состояние. Я поняла это, как только решила его себе забрать. Разгадала, как тупой, неинтересный ребус, как можно разгадать совершенно любого человека в мире. Да, другие мужики мне были скучны. Но этот нужен позарез.

Я поняла, что его Бог почему-то выделил. Почему-то он его наградил. Также я поняла, что он сам этого не видит. Не понимает. Какой он, в сущности, идиот, но как я влюблена в него. До боли. Я готова себе лицо соскрести и смеяться как ведьма, глядя на него и чувствуя этот свет.

Бог мне на Глеба указал, это не зря. Не зря.

Иногда мне кажется, что я практически становлюсь Глебом. Например, всякий раз, как играю на скрипке. Я умею с ним сливаться так, чтобы он этого не заметил. Я умею брать у него изнутри светящийся воздух и наполняться им. И мне от этого так хорошо.

Я знаю, почему и ему со мной хорошо. Потому что у меня нет этой чувственной гнили. Я тоже пустая, как и он. Но только у нас пустоты в душе разные. У него она как бы с воздухом. А у меня — вакуум. Как и у его мамашки, видимо. Которая его кипятком облила. Она много ещё чего интересного делала.

Зачем заводить ребёнка, если ты его уже заранее ненавидишь? Психолог пытался меня подвести к мысли о том, что мой папочка не то чтоб меня очень любит. Я ему возразила, конечно. Мой папочка мною гордится. И вложил в меня кучу сил. Он видел, что я его не разочарую, не предаю, в отличие от коровы Алисы.

Тогда этот шарлатан спросил: «А разве любя за что-то?» Конечно. Как можно любить не за что-то? Все, кто думает, что любого кривого уроды можно любить за то, что он просто существует, кретины. А кривые уроды — это практически все.

В общем, отец меня любит. И я люблю Глеба.

Ему, должно быть, льстит, что на такого странного мужика запала такая, как я. Он ниже уровнем, конечно. ~~Это неправда, он в каком-то смысле выше, меня это раздражает. Мне это нравится.~~

Меня многое не устраивает. Но ради любви чего только не стерпишь. Ради света.

Глеб, например, может голову не мыть три дня. И на работу идёт. Меня от этого тошнит. Я говорю ему: «Фу, у тебя же волосы длинные, Глеб. Побрейся налысо и тряпочкой протирай свой огромный череп. Ты так ходишь к людям, а мне стыдно за тебя».

Я много чего ему говорю, но знаю, что он терпит. Он меня полюбил за то, что во мне пустота. Остальных тупых людишек ему сложно переносить, потому что они всё время моросят. Со своими глубинными чувствами. И чувства их — как огромные камни, или кучи гнилых листьев или тряпок. А они швыряют всё это в душу друг другу. И Глебу особенно. Тяжело такое в себя вбирать, когда в тебе только невесомый для тебя свет содержится.

Кто его туда поместил? Бог? Чтобы надо мной издеваться? Чтобы я терпела этого инопланетянина?

Иногда во мне ненависть просыпается холодная. Потому что он всем подряд этот свет раздаривает, как полный дурак. Он ничего не понимает. Мне жалко этого света. Мне его не хватает. А он этим гнилым, неподъёмным людишкам его со сцены поёт. Через уродство им вливает тонны света. Я его тогда ненавижу.

Вообще странно, что его немойтой башки, или торчащих костей, или отсутствующего, как у дебила, взгляда никто больше не замечает. Из-за этого наполнения. Все готовы его в жопу целовать.

Я вижу, что он всем нравится. Мне это ненавистно.

Есть ещё такие, которые его ненавидят, хотя он им ничего не сделал. Мне над ними смешно. Идиоты даже не умеют из-за своего самомнения себе плоды Божьи собирать. Хотят их раздавить, ну и смехота. Я, когда вижу этих мужиков, смеюсь над ними громко, и у них глаза кровью наливаются. Надеюсь, что лопнут.

Мне приятно ходить с Глебом, приятно всем этим лохам показывать, кого создание Божие выбрало. Кому весь этот свет достанется.

Мы уже четыре месяца вместе. Жить у него не хочу. Бардак полный. Я ему сразу сказала — хочешь, чтоб с тобой жила — прибери этот сарай. У него вещи лежат как попало.

Пока не особо изменилось что-то. Ничего, изменится. Хочет моей мёртвости — сделает всё как я говорю.

Правда, месяц назад произошло кое-что. Он на дня три пропал. Нигде не было, на звонки не отвечал. А потом оказалось, что уехал в другой город к своему другу. Пил с ним.

Когда вернулся, я ему сыграла сценку: «Мне вообще насрать, жив ты или нет».

— Глебушка, у меня куча других интересов помимо сидения в твоей заваленной хламом помойке.

~~Он дёргается, когда я зову его «Глебушка». Видимо, мамулька так называла. Может, ему за его мучения воздалось? А?~~

Я умею так сказать слова, что даже у таких, как он, не останется сомнений, что мне всё равно. Я ведь сама пустота. Изображу что угодно. Я умею с любым шизофреником обращаться.

Но вообще меня это разозлило до белого каления. Что он уехал. Я ему это припомню, я ему всё припомню. Вот подождет немного.

Когда он в третий раз не ответил на звонок, я позвонила Тимуру. Заодно чтобы его взбесить. Тимур, к слову, дико унижен тем, что Глеб в меня влюблён. Я же его, бедного, огрела смычком по его обезьяньей шее.

Ничего, скоро мы от Тимура избавимся. Я пока ничего про него не говорю, строю виноватый вид. Вся эта фигня типа: «Да я просто отца своего защищала. Перестаралась. Хожу к психологу. Таблетки пью».

Никаких таблеток я не пью, психологи их не выписывают, ха. Я купила витамины и положила в стеклянную колбу без надписи. Хожу и томно их жую при Глебушке.

Всё-таки повезло ему со мной. Кто-то же должен за ним следить, а то он сам плохо соображает. В материальном мире вообще не ориентируется.

Разговаривает такими телегами, что ничего невозможно понять.

Как заладит часа на три про свои абстрактные смыслы. Такими предложениями, что, уверена, никто на самом деле его не слушает. В смысле, слушают из-за света. Но не понимают. Никто, кроме него, не понимает.

Я делаю вид, что слушаю. Я такое умею изображать. Играю ему его самого, а он радуется как ребёнок. Думает, что наконец-то родственная душа.

Его кто угодно может обмануть. Лучше уж это буду я. Я хотя бы знаю, как с его прекрасным светом поступать.

Конкурс я, кстати, не выиграла. Заняла второе место. Всё равно все радовались. Думала, отец меня раздавит. А он меня обнял. Впервые в жизни.

У него вообще-то проскальзывают эмоции иногда. ~~Как это не прискорбно.~~

Я это поняла недавно, когда с собой соотнесла.

Был однажды момент в Филармонии. Имагин рассердился на отца. Не знаю из-за чего, не обсуждали это.

Мы стояли на лестнице, отец разговаривал со мной и ещё с другими оркестровыми марионетками. Как вдруг с лестницы слетел Имагин, как попрыгунчик. У него эти белые его волосы в разные стороны. И злость прямо из глаз на лестницу чуть ли не лилась, как магма.

И как заорал: «Ян Владимирович!»

Мой отец с каменным лицом к нему повернулся.

И Имагин сказал ему, уже спокойным голосом, но злобно: «Зайдите в кабинет, у меня к Вам разговор!»

Моему отцу было всё равно, он опёрся локтем на перила и усмехнулся:

— Что такое случилось?

— А то, что я тебя... Вас... сотню раз попросил не лезть в мои дела. Я попросил Вас Ваши действия со мной обсуждать. Просил или нет?

— Не понимаю, о чём Вы.

Отец умеет улыбаться очаровательно, так, чтобы на лице всё равно ничего не было ясно. Я так тоже умею.

— Поймёшь, когда по миру пойдёшь!

Но и тогда ничего в отце не поменялось. Имагин злобно затопал вверх по лестнице, а потом обернулся и сказал, уже словно и без злости, как-то бесцветно:

— Вообще больше никаких дел с тобой иметь не хочу.

И вот тогда я уловила. На одно мгновение, одну миллисекунду, когда отец смотрел вслед Имагину. Я тогда это не распознала. Чувство это.

А потом ощутила его сама, когда Тимур мне по телефону сказал, что Глеб уехал в другой город. Тимур ещё потом что-то на меня шипел, но я повесила трубку.

Это ~~ужас~~.

Меня парализовало от мощной вспышки, словно от меня оторвали кусок моего тела, и мне ещё не стало больно.

Всё внутри сгорело. У меня закололо в груди, и я села на пол. Потом пришла ярость. Такая мутная и тягучая, вперемешку с нежностью.

И сейчас, глядя на Глеба, я ощущала, как нежность то переходила в жалящий кошмар, то плавилась, как масло на сковороде.

Всё это творилось глубоко-глубоко в душе, в том её кусочке, который ни Глебу, никому другому не был доступен. ~~Может быть, он недоступен даже мне.~~

Глеб посмотрел на меня и улыбнулся, как улыбаются только живые люди, и поцеловал моё фарфоровое лицо, оно показывало ему пустоту, о которой он так давно мечтал.

— Давай ложиться. Спокойной ночи, Влада.

— Спокойной ночи, Глеб.

Смотрю на него. Я вижу его даже в темноте.

Я думаю о том, как здорово было бы убить его и забрать весь свет себе. Вырезать из груди ножичком. Но дело было в том, что свет — это его часть. Если он умрет, свет исчезнет. Я могу брать свет только вместе с Глебом.

Я влюблена, как жалкая дурёха. Как это глупо. Ренаточка не может в это поверить. ~~Не может понять, что с людей можно брать что-то, кроме денег.~~

Я смотрю, как Глеб засыпает, и как на самом деле красиво его нескладное лицо, и как иногда двигаются под веками его чудесные глазные яблоки со светло-серыми радужками.

Наверное, ему снится Бог.

Ян Кунтур

У виноградовой башни Урбана

Этой ночью
я исходил много дорог
проселочных мощеных висячих
побывал во множестве мест
навсегда ставших мной

Весело пьянствовал
где-то на незнакомой террасе
парящей над родным городом
с вийоновской компашкой старинных
друзей-литераторов
еще живущих и уже не существующих
которые то и дело превращались
в еще более доисторических
одноклассников
еще живущих и уже не существующих

Катал по осенней берёзовой аллее
засыпающей листьями воспоминаний
в коляске двухгодовалую дочь
размахивающую
подобранным с асфальта забытым сюжетом

Пробивался сквозь сугробы отчуждения
и густой ельник обмана
с одиннадцатилетним сыном
к истоку заброшенной речки
отчаянно пытающейся выжить

Снова любил прежних
еще совсем юных
женщин
дам былых времен
доходя порой до безумия
экстаза
отчаяния

Сажал никому ненужные сады
бесплодно пытаюсь добиться
предела их красоты

Писал на манжетах письма
в какие-то мифические редакции
и редакторствовал в них самостийно
бесплодно пытаюсь добиться
предела жизненной правды

Этой ночью
Этой ночью я снова жил
Этой ночью

Кошице

Корзина города полна цветных плодов
груш готики
фисташек рококо
ампирных яблок самых роковых сортов
предназначенных для выбора
но не между трех самовлюбленных теток
а между одноглазым северным генералиссимусом
и фельвидекским обновителем языка
ставшим гимном

А также полна она
сецессионных артишоков трюфелей и каперсов
всевозможных стручков барокко
от самых гороховых спиралей до паприки и чили

Как неожиданно вдруг увидеть в чисто романском бисквитном пироге
начинку из черники-голубики
совсем другой эпохи

А вневременное лоно города
интимно знавшее всех главных
зачинщиков праведных восстаний
и упокоившее главнейшего из них
а также 25 тонн провокационных авиабомб
вечно рождает готическую жемчужину
святой мадьярки дарующую экстаз

Оно милосердно кормит сегодня
всех заблудших странников
превосходным мороженым
булыжниками фундаментов барбакана
и его предполагаемыми видами

И пусть сегодня неожиданно высохла
центральная струя воды проточной
и все её бредовые-брендовые фонтаны
в том числе зодиакальный
их звучание слышишь
слышишь слышишь и слышишь
в скрипке словацкого трио
перед входом в ресторанчик
возникший на фундаменте средневековых палат
старых венгерских королей

А также в стоическом молчании ренессансного колокола
у виноградовой башни Урбана

На том свете
папа стал хозяином и директором
книжного магазинчика
не очень доходного но крепкого
а главное — для души

Они купили с мамой
квартиру

в том микрорайоне на Старой Егошихе
где прошли мои детство и юность

Мы шагали с ним
локоть к локтю
по знакомой-незнакомой улочке
разговаривали о его будущих проектах
развитии
Он был такой важный серьезный и довольный –
маленький но всё же Лев

Я виделся с ними
прошлой ночью

Бросая их в огонь
меня не нужно бояться
Робкие запуганные эфемерные создания
плачут положив руки на мои плечи
Всегда остается надежда на что-то
но для нас с тобой
уже никакой
только смерть страха
и никакой
и никакого
жизненно важного
уединения

Моя нынешняя немота
делает меня загадочным меритократом
лишая того что могло бы принести вред
Пользу же приносит сегодня
только бессловесное доблестное
стахановство
Работа в работе ради работы
ради забытья
забыть себя и не жалеть себя
Не жалеть это капризное
болезненное тело
Даёшь – каждый день трудовой подвиг!
Пусть каждый день будет
предельно коротким и быстрым
и несёт головоногое почтение
Может быть это
скостит срок
принесет досрочное освобождение

Время уже умерло
 утрачено навсегда
 и диккенсовские
 злодеилицемерылжецыстяжатели
 снова измываются над блеющей массой

Любляна это

Любляна это
 сладкое белое вино с цветочным ароматом
 который тебя переполняет сутки напролет
 и переливается через твой край
 а еще это
 легкий сквозняк с гор замкнувших
 как когда-то Аттила круг осады
 пахнувший снегом и
 тем же сладким белым вином
 превращающий через ожидание
 приверженцев и почитателей Живы
 в невольных подданных Морены

но

Любляна это
 вечный поэт позеленевший в бронзе
 с не менее вечным взглядом неразделенности
 взглядом Антэроса
 на ложное окно майоликовой красотки
 Причем
 церковь освятившая своими колоколами
 это первое мучительное виртуальное
 вонзание
 бронзы в керамические выпуклости
 благоденствует под патронажем Крестителя
 до сих пор
 и пусть будет так
 ведь в этом еще один корень литературы
 Хотя бронзе так несладко

Любляна это
 древнеримские
 валуны фортификаций Эмоны
 неожиданно превращенные всемогущим создателем
 несоздаваемого Йоже Плечником в Египетскую пирамиду
 чтобы все смертные помнили как катились транзитные янтарные
 колеса прокладывая путь для торжества жестких легионерских калиг

Любляна это
старинная сахарная фабрика
летально переплавившая
в леденцы классических созвучий
двух друзей
чудных бедолаг-туберкулёзников
одного за другим
через трехлетие
в одной и той же комнате
на одной и той же кровати
чтобы перенести потом их неприкаянные поэтические мощи
волей всемогущего создателя несоздаваемого Йоже Плечника
приплюсовав к ним спустя долгое и не очень время
еще двоих таких же
в единое вечное четырехспальное ложе Модерна
на огоньковой Желе
где пичуга в темноте молит детским голосом «Пить-пить-пить...»
а также
в словенскую часть мировой литературы
Да воздастся каждому
по заслугам его

Любляна это
тихий словесник-францисканец
просветитель добудивший окружающих
до своего парадного монумента
на овощном базаре своего имени
разбитом на месте старинного лица
где ему пришлось когда-то директорствовать
к которому он обращен задом
но при этом несёт на своих плечах
весь град со всеми его фуникулерами деревьями и башнями
и печально смотрит на книжную лавку своего имени
где нет сегодня ни одной его книги

Любляна это
изумительная
то есть уменьшенная до Акмэ
и отшлифованная до желания остаться
копия всех центрально-европейских городов
с невзрачным провинциальным вокзалом
запирающимся на ночь на ключ
с чудом единой и неслиянной троицы мостов
всемогущего создателя несоздаваемого Йоже Плечника
и прочих его авангардных святых с их приютами
и экстравагантными прекрасными
как и сама Любляна
светильниками

Солнце встает
через триумфальную арку Келети

Ярко-оранжевая
прямолинейная интервенция
сквозь стекла и изгибы
старинных решеток

Я же наоборот
опускаюсь всё ниже
в тьму
под Дунай
чтобы метро унесло моё тело
по трассе долга
и продления
пещерного существования

Руслан Комадей

Две тысячи я один, но с бабушкой

(2000–2001)

Отец умер, и меня с ватными ногами больше суток везли от Омска до Нижнего Тагила. Там ждала бабушка. Похороны уже закончились, но ее лицо всё еще было черным.

Она работала директором клуба в санатории «Руш» под Нижним Тагилом. Санаторий для детей и отъезжающих. «Руш» — это моя сердцевина/Нарния/колодец/поддон/веревка детства. Место, где было всё, чтобы укрыться от скорби.

На входе под ржавой табличкой с названием стояли хозяйственные постройки. При-

плющенные гаражики, котельные с дымком, слегка позади — баня, без вывески, только для своих. В нее водили редко, но с удовольствием.

Бабушка работала на всех сменах от июня до августа. На выходные мы выбирались в Тагил, и это было приятно. Можно было помыться получше и отлежаться на более мягком лежалище.

«Руш» состоит из маленького пляжа, на котором валяются дряхлые лодки перевернутые, иногда появляется кабинка с мороженым и ныряет со спины гаражей недоступное мне кафе с кириешками. Мы почти не купаемся.

За ним — повернутые друг к другу деревянные домики — они стоят через каждые 200–300 метров, поэтому между ними садики, деревца, просторное — чтобы перемахнуть, подышать немного.

Домики синего цвета — в два-три этажа, снаружи уютные, внутри холодные, даже летом; маленькие пауки по ним ходят; из деревянных окон утекает тепло.

От домиков идет вправо дорожка вдаль — основная; небольшой асфальтовый кусочек, она дурацкая, на ней все встречаются, не хожу там. Зато она уводит к мосту над рекой.

Справа и вдоль от тропинки — самое ценное для меня: заросли волчьей ягоды; они ровные, подстриженные, но примерно моего роста, я вешу 28 килограммов. Между их упругими ветвями можно протиснуться и будет моя дорожка — нежно-узкая, зеленая, справа от нее — еще деревца, за ними — крутой, но невысокий спуск к реке. Я всё время ныряю в волчьи ягоды и иду там, мне спокойнее.

Бабушка мне рассказывает, указывая в кусты пальцем: в детстве объелась и долго рвало.

Я хожу по своей дорожке всегда, когда неудобно идти со всеми; просто ныряю вбок — и я один, мне уютно. Там даже никто не гадит, не сорит. Это слепое место. Зелень просто идет вперед, а я по ней, за ней. Она нескоро кончается. Впереди — мост.

Если идти по дурацкой дорожке — чуть в серединке слева — клуб, где бабушка главная; она раздает распоряжения; знает, как сделать так, чтобы меня везде пустили; со мной здороваются все вахтерши и бабушкины коллеги; я чувствую себя мягкой выскочкой: я выскочка, но вполне оправданная, я активист, я во всех конкурсах. Но не в отряде.

В глубине клуба оранжево-темно. Там по спуску киноклуб наполоам с актовым залом. Мероприятия совсем скучные, я маленький, стараюсь от них ускользнуть. Возможно, не получается, не помню. Но кино там идет на ура. Полудранные сиденья, синий цвет, обшарпанность и непонятность в том, где размещено время. Смотрим «Восставший из ада». Девочки впереди кричат раньше ужаса. Мне так трудно смотреть на обнаженную голову со спицами, я забываю. Много лестниц и болезненных выходов, это сильное кино, я не думаю о нём.

У бабушки есть то ли молодые друзья, то ли ее театральные ученики. У них очень пыльная, грязная, захлавленная каморка в правом краю клуба. Я туда хожу, когда хочу отстраниться от ровесников, посмотреть кино с видика. Они смотрят «Челюсти», они воздействуют. Это ужасное стояние перед водой, я так устал ждать появления этой рыбы, мне тяжело! Оно всё между синим и красным, болезненно. Диван там желто-прокуренный, какие-то куски чайника, пакетиков, очень жарко, телевизор вписан в какой-то шкаф, правее — технические детали, инструменты для настройки, что-то паяют. За этой комнаткой — лестница, по ней можно вдаль выбраться за сцену клуба, я туда хожу редко, видимо — наказали.

Впереди каморки хорошенькие кусты — в них можно потрепать ранетки и какие-то ягоды, там иногда что-то прячут, а иногда дневают кошки. Я люблю следить за местными кошками. Я знаю, где гнездятся все они, я слежу за ними. Вот справа от столовой клуба есть полуовальная труба — там кошки чаще всего кормятся. Я хотел бы их поймать, поддержать в руках, но в этой части они особенно ловкие, сразу разбегаются, сразу в трубу.

Но один раз я набрал команду, и мы чуть отманили кошек от трубы даже вместе с котятами и закрыли им вход в подвальную трубу, потом с ребятами начали наступать, и кошки разбежались, многие вдаль, а маленькие — в боковые кусты за клубом, там я и другие пошли выслеживать. Это опасно — эти кошки безумно царапучие. Я внимательно оглядываю каждый кустик, вижу деревца. Обходя одно из них, наблюдаю затаившегося тихонько, нервно-испуганного котенка. Он существенно выше меня вцепился, мне нужно сильно подтянуться — я тянусь, он оттягивается, я напирая сильнее — и хватаю его под лопатки. Зверь сильно дёргается, я сжимаю изо всех сил, спускаю вниз, несущая в позе Симбы, очень горжусь собой, все смотрят, отпускаю — и он в трубу.

* * *

Иногда под большими сланцами из-за осыпающегося камня вылезают огромные черные муравьи. Я их боюсь. Они крупные и ходят сами по себе. Однажды мы с моим новым приятелем Сашей нашли под камнями особенно большое собрание муравьев и с ними была огромная-преогромная, с овальными крыльями матка, очень страшная. Мы решили победить муравьев и бросили в нее камень и быстро-быстро побежали по берегу от муравьев. А однажды в лесу увидели маленьких рыжих муравьев и решили посмотреть, как они будут воевать с черными. Они дрались, когда мы подкинули их друг к другу в муравейники.

* * *

У бабушки болят ноги, это тромбоз. В юности, зрелости она много занималась танцами. Сейчас на голених у нее фиолетовые линии, иногда они разрешаются красно-синими сгустками опухшей крови. Мази не помогают. Она решает лечиться пиявками. Мы живем в корпусе, стоящем ближе всего к пляжу. Всё внутри цвета грязной морской волны. Пиявки живут в огромной 5-литровой банке, она накрывается марлей. Они мне не нравятся, хотя я и смотрю на них искоса, они живые, жирные и живут по каким-то своим законам. Иногда я подсыпаю им травки с газона вокруг. Один раз мы приходим с мероприятия — пиявки сбежали, разбрелись по комнате, я оглядываю их везде, под кроватью, на столе, на полу, брезгливо собираю обратно. Кто-то пропал окончательно.

* * *

Я люблю спускаться к берегу сквозь кусты волчьей ягоды. Берег обычно крутой, каменистый. Я знаю только несколько менее шатких тропок. Все края у берега — это сланцы. Ты их вынимаешь слоями и расщепляешь на более мелкие, на еще более мелкие. И кидаешь лягушками в воду. Мой рекорд — девять прыжков.

* * *

Бабушка не любит, что мы ходим на мост. За мостом — сбита земля, в ней — дырки; они непонятные, мы с Сашей удивляемся. Бабушка рассказывает, что там старатели были, рыли золото. Смотрю в черные ямы — не верится.

* * *

Мне стали интересны камни; не те, что в начале лета — сланцы, а другие, поделочные, минералы, самоцветы. Я ищу о них книжки. Показываю разные камешки цветные бабушке и ее мужчине, дядя Толе, актеру — он не знает. Это меня раздражает.

Я выписываю из какой-то книжки название, получается «флюфит». Пишут, что это полупрозрачный сиреневый камень. Очень хочу найти его, но флюфита нигде нет! Это опечатка, он — флюорит.

У бабушкиных знакомых дочка, моя ровесница, ведет себя как стильная; иногда ходит со мной. Мы едем в Тагильский краеведческий музей. Там экскурсия про Черепановых. Я хвастаюсь пересказанным от бабушки: ну, они построили паровоз раньше, чем Стефенсон, просто узнали об этом позже. Экскурсовод что-то отвечает. Ровесница замечает, что я знаю больше экскурсовода. Наверное, горжусь собой.

Скоро осень, мы всё чаще уезжаем на выходные из «Руша». Дома гораздо теплее. Там можно долго лежать в ванной. Еще остался мой детский синий горшок с ёжиком, теперь я в него набираю воду, если грею в кастрюльке.

Я решил сделать в маленькой комнате себе стену с рисунками и надписями. Начал с рубрики «Мои стихи». Вот первое стихотворение:

*Тонет Титаник,
Волны смеются,
Люди, едва поспевая,
Мчатся на полном ходу.
Эдвина с криком врывается в шлюпку —
Тонет Титаник, помогите ему!*

*Подоспел бы Олимпик,
Но вот далеко он...
Страстные волны всё топят Титаник,
Топят и топят, и топят Титаник!*

Написал его первым, но было нужно и новое стихотворение. Написал про наш

несостоявшийся переезд во Владивосток (бабушка посоветовала):

*Вот приехал я во Владик,
Здесь моря, вулканы, горы.
Вот глядишь на синие просторы,
Смотришь вдаль и видишь там
Бесконечный океан!*

Думаю, какие еще стихотворения можно написать, но пока не получается.

Начинается учёба. Бабушка взяла меня учиться в гимназию №86, где работает сама. Там она ведет театральный кружок. Первый день страшный. Она купила мне черный костюм — гимназический пиджак с высоким воротом, под монаха. Он идет к моим черным волосам. Я совсем не расчёсываюсь, много кудрявых волос, закрывают глаза. Хочется спрятаться поглубже в пиджак.

В новом классе — это мой 5-й, многие ребята уже знакомы друг с другом — они перешли из 43-й школы, говорят, она хорошая.

Первый урок истории: рассказывают про ее отца, про развитие человека, про древние культуры. Я постоянно тяну руки. Учительница очень быстрая. Когда заканчивается урок, она говорит: сегодня моим заместителем был Руслан. Я очень доволен.

Бабушка хочет сделать спектакль «Держись, султан». Она его уже делала раньше. Мне она дает главную роль. Пьесу бабушка написала сама. Она о ленивом мальчике, ко-

торый бы хотел, чтобы за него всё делали. И вот ему везет, и он превращается в султана, все его одноклассники — в слуг. Большую часть спектакля я сижу на троне-стуле и даю указания.

Продолжаю заниматься камнями. Завел отдельную тетрадь для рассказа о них. Пишу название камня и дальше определение. Начинаю с простого: отмечаю, каких цветов и оттенков бывает. Со временем понимаю, что этого мало. Начинаю добавлять физические и химические характеристики: какая плотность, твёрдость, в каких месторождениях бывает, какие формы, состав и т. д.

Мой дядя возвращается из тюрьмы. Он что-то украл, в последний раз я его видел в первых классах. Он встречается с девушкой Леной, она живет недалеко от нас. Она курит тонкие сигаретки.

Прошу бабушку сводить меня на отвалы горы Высокой. Она отправляет со мной дядю. На отвалах немного страшно, очень сухо и солнечно. Мы идем с дядей вдоль огромной ямы, рассматриваю камешки — только раз падается нечто зеленое, немного похожее на малахит. Останавливаемся поесть огурец, яйца. Доходим до музея краеведческого — у него огромные булыжники. Один из них — кажется, медь, на ней тоже окисленное, зеленое — почти малахит. Прошу дядю разрешить мне отколотить кусочек, отколачиваю.

Бабушкины ученики уже взрослые. Иногда бабушка где-то работает, они приходят к нам

в гости. Как-то они решают посмотреть порнуху. Просят не рассказывать бабушке. В видео люди занимаются сексом на пляже и ходят. Я всё-таки рассказываю бабушке.

Стараюсь писать в дневник часто, но иногда забываю. Не нравится писать карандашом, ручкой тоже, только фломастером. После одного из пропущенных периодов называю следующее «События минувших дней».

В классе мало с кем общаюсь. Там есть еще мальчик не очень разговорчивый, высокий. Ему идти в другую сторону, он живет в Северном поселке, но я иду с ним, провожаю. Расспрашиваю. Мы расстаемся у начальной школы.

У бабушки связи в начальной школе. Там очень вкусно кормят. Я хожу туда после учёбы. Моё любимое блюдо — азу в горшочке, это тушеное мясо с картошкой, морковкой, луком и соусом. Самое дорогое блюдо, а еще беру пиццу.

Я хожу во много кружков. Самый суровый — кружок камнерезов во Дворце детского творчества. Там грязно, пыльно и мокро, все стоит у станков, руководитель кружка — в больших прямоугольных с мягкими краями очках. Надеваю синий фартук. Первое занятие — сделать из змеевика, черного с зелеными крапинками — сердечко. Самое сложное — выточить впадинку. Получается коряво и долго. Другие показывают более изысканные — сердечки закругленные по всей поверхности, тоненькие, гладенькие. Быстро перестаю ходить в камнерезку.

Еще начал ходить на «Послушную глину» — это кружок подальше, нужно перейти в самый угол двора напротив от Дворца творчества, в угловой подъезд. Там за кабинетом для рисования и комнатой с гобеленами много мягкой пахучей глины. Тем, кто делает, хорошо — работы обжигают. Сначала я делаю только человечков и животных, хожу с перерывами. Один раз слепил много зданий с вытянутыми башенками, «Сказочный город». Его тоже не обжигали, но показали на выставке. Узнал я об этом через год.

В классе я стал общаться с девочкой Аней. Она желтоволосая, стройная, закрытая. Я ей что-то дарю. Это не чувства, это просто столкновение. В одну из перемен она подходит и жалуется, что её называют моей фамилией.

Рядом с домом, там где был детский мир, а теперь продают сантехнику, набросано много камушков — они серые с серебристым, иногда там кусочки пирита, очень радуюсь, это открытие. Называю это месторождение «Анно-Руслановским». Прихожу в гимназию и посвящаю Ане.

У меня есть приставка. Возможно, она еще из Челябинска, где мы жили раньше. Это Sega MegaDrive 2. Садиться за нее можно только урывками, я прихожу из гимназии и кружков поздно, не раньше 4 или 5. Играю чуть-чуть после уроков. Иногда немного больше. Бабушке не сильно перечу.

Осенью она решает поехать в Челябинск — там у меня живут друзья с предыдущей школы, Рома и Илья. Рома с темным ёжиком волос, смешные вытянутые глаза, доверчивые. Илья с широкой улыбкой и распахнутыми ушами.

Рома живет с отчимом и сестрой, они рады меня видеть. Оказывается, у его отца тоже есть камни, мне их показывают. Мы с Ромой идем гулять. Нас у рынка преследует гопник, хочет отобрать деньги, мы заходим в кафе какое-то переждать. Рома звонит отчиму, тот пинает гопника и радуется, мы успокоились. Отчим подбадривает нас.

А еще мы идем по темной дороге, бабушка идет сзади нас.

У нас мало денег на еду — многое ушло на похороны отца. А еще бабушка ввязалась в финансовую пирамиду, в которой участвовал наш директор. Там нужно вложить 20 тысяч, привести еще человека или двух, денег будет больше. У бабушки не получилось, у нас долги. В один день я понял, что денег мало, когда она заварила лапшу быстрого приготовления, но так, как будто это было солидное блюдо — аккуратно разложенное по тарелке, светящееся желтым.

К нам часто заходит дядя Толя, он мне нравится, он актер, в больших очках. Но он пришел пьяный и принес деньги. Денег много. Но бабушка выгнала его. Я говорю: «Почему? Денег же было много?» Она говорит: «Это всего лишь десятки».

На Хэллоуин я сделал у себя комнату страха. Повесил какие-то игрушки в темноте, сделал веревку, которую если задеть, полу-

чишь водой по лицу. Сделал первую версию, совсем нестрашную, позвал бабушку и еще кого-то. Кажется, она не хотела заходить. Послала мужчину. Второй раз посolidнее. Третий раз было мощно, но никто не хотел заходить, были какие-то ловушки.

А еще меня отправили в художественную школу. Она на другом краю района. Мне нравится рисунок — сидишь заштриховываешь широко на больших листах. У меня особенно получаются динамичные рыцари. А живопись дается тяжело — пока мы рисуем акварелью, она всё время течет, особенно синее. Одни размазывания остаются.

Особенно не люблю скульптуру — это темный, жирный зал с зелеными пластилиновыми головами. Они восхищают: неужели такое можно вручную сделать? Не люблю скульптуру из-за преподавательницы — это директор художественной школы. Она строгая и неинтересная. Мы хотим над ней поиздеваться. Мы лепим из пластилина унитаза, ставим ей на стол в переменах и убегаем.

У меня есть друг в художке, Толя, он сын преподавательницы по живописи и рисунку. У него аккуратные светлые волосы, есть маленькая сестра. Рисует он гораздо аккуратнее меня.

Из занятий люблю еще музыкальную литературу. Там слушаем композиции, обсуждаем, представляем образы, мне это дается легко.

Во дворе у меня тоже есть друг — Женя, он живет в доме напротив. У него светлая маленькая комната, а у родителей огромная аудиосистема и телевизор. Играть в компьютер у Жени приятно, расслабленно.

Антон живет в конце двора, если пройти за мой дом и следующий. В угловом подъезде, к нему обычно не ходим в гости. Обычно он сам что-то выносит.

Осенью проходят районные и школьные конкурсы. У меня три основных: чтецов, театральный и поэтический. На всех показываюсь отлично. Особенно сложный — чтецов. Там нужно читать в одиночку перед комиссией. Я читаю про какую-то кошку, может, Мусю. Получается артистично, все умиляются.

У меня есть соперник: Саша из соседнего класса. Он читает чуть картаво, но очень уверенно, какую-то общегражданскую лирику. Мы идем нос в нос.

Зимой нас впервые везут показывать спектакль в городской дворец творчества. У бабушки там много друзей, они меня знают. Вот дядя Серёжа, главный актер с рыжей хрупкой бородой. Он выпивает, ушел от семьи. Его сын — внук бабушкиной подруги.

* * *

Дворец творчества очень разный. Там есть угловой спуск на несколько этажей, выемки между ними, можно пролезать. В подвале есть боковые ходы, можно пролезть сквозь хозяйственные комнаты. Люблю подниматься на четвертый этаж, там можно скользить по полу. Большие окна с железными рамами, за ними что-то недоступное — какие-то камни.

Внизу — аквариумы зеленые. Если пройти по третьему этажу за сценой, можно увидеть звукооператорскую рубку, она удивительная. В краю здания много еще этажей и маленьких лесенок, они почти все открыты. Но подвал я люблю больше всего. По нему как будто мало ходят, но я хожу, и мне нравится.

* * *

На истории добрались до древних греков, их боги и герои — удивительные. Изучаю. А еще дома есть книжка мифов Куна, читаю ее постоянно. Фиванский цикл и историю Трои не люблю, нудно, а вот мифы Геракла, Ясона, Тесея, Персея — обожаю. Но главный — Геракл. Особенно много перечитываю про его смерть, про ядовитый плащ, про отдираание вместе с кожей и мясом, про сожжение.

* * *

Перерисовываю богов, особенно стараюсь с Зевсом, получилось убедительно. В какой-то момент психанул: если обычный Бог не смог оставить моего отца в живых, буду молиться древнегреческим, они интереснее, настоящее.

* * *

Ставлю изображения богов в свою кровать.

* * *

Записываю в дневник про мальчика Ваню, который еще беднее меня и ему родители даже 10 рублей дать не могут. Ваня высокий, крепкий, с изогнутым позвоночником, в большом рыхлом костюме, с синесерыми грустными глазами. Иногда я его тоже провожаю домой, но иногда и он меня немного.

* * *

Я пытаюсь в крупную поэтическую форму. Пишу любовную сказку. Принцесса, драконы или призраки, какие-то спасители-богатыри, всё на пяти страницах, горжусь получившимся.

* * *

Заморозки, мы с Леной идем домой, поскользнулась и падаю, сильно-сильно болит рука, очень ною. Идем от моей художественной школы. Когда до дома остается всего лишь перейти дорогу, мне кажется, что это очень далеко, я снова реву.

* * *

Начинает теплеть. Мы с бабушкой идем от дворца творчества, падает тяжелая ледышка, бабушка загораживает меня, и ей попадает на руку. Сильный ушиб, не перелом.

* * *

У меня (возможно, от тесной обуви еще со времен родителей) большой палец на ноге протыкает кожу, всё время болит. Бабушка советует распаривать в воде с марганцем. Разводим каждый день в тазике, отогреваю.

* * *

Конкурсы переходят из районных в городские. Мои стихи попадают на уровень даже области. Меня зовут в Екатеринбург. Там в большом зале Союза писателей поэт Николай Мережников разбирает в том числе и мои стихи. Про «волны смеются» говорит, что это уже было.

* * *

В малом зале мы сыграли спектакль «Держись, султан». Было тесно и нервно, но во время спектакля успокаиваешься. Мне дали лучшую мужскую роль. Наверное, я радовался.

* * *

Самый сложный конкурс — чтецов. Там мы выступаем в кукольном театре, там пышная сцена, я в костюме, очень нервничаю, руки трясутся, но стараюсь смотреть вбок света от ламп, чтобы не в зал. А еще Саша Елсаков тоже сильно читает. Но мне дают гран-при, это высшее, вот тут я чувствую полную победу.

* * *

Выхожу с бабушкой на улицу — со мной рюкзак, вокруг уже сильная весна, держу диплом в руках. Очень радуюсь, настолько, что когда приезжаем на Вагонку, показываю диплом пробегающей мимо собаке со словами: «Смотри, собачка, а у тебя есть такой диплом?»

* * *

Из уроков в школе нравится только история, хотя по ней к концу года начинаю сообщать хуже, мне почти поставили четверку. А еще — риторика, ее ведет молодая девушка Екатерина Викторовна. Она мягко с нами разговаривает, при объяснении выставляет руку вперед, раскрывая ладонь. Занятия идут на втором этаже в правом крыле.

* * *

Меня признали активистом. Настолько, что предложили летом поехать в Болгарию. Это очень меня радует. Я настроен серьезно.

* * *

Мои любимые группы «Отпетые мошенники» и «Руки вверх». У первых есть песня «Люблю», в ней такая же мелодия, как в песне, которую слушал во Владивостоке «туду-табуди-дабудаи, тудабудидабудаи». Слушаю ее раз за разом, переписываю текст. Там парень из такси гонится за девушкой, но не успевает, она всё время скрывается. Кассету в кассетник ставлю на подоконнике, смотрю за окно.

«Руки вверх» люблю меньше, но тоже — знаю их по песням с дискотек. Особенно нравится «Песенка», незабываемая.

* * *

На юг мы едем снова с моим соперником Сашей, я не против. С нами еще учительница химии — у нас она пока не ведет, рано. От нее сильно пахнет духами, у нее очень цветастое окрашивание, пышная речь.

* * *

Мы живем под Варной, это рядом с берегом. Кругом заросли алычи, никто ее не ест, кроме меня. А мне нравится: бесплатно и легко мыть. Меня предупреждают про понос. Мы живем на третьем этаже, жарко. Меня поселили с девочками. Возможно.

* * *

На пляже строю домики, ем мороженое. Завел себе словарь болгарских слов, пытаюсь покупать продукты через «колло струва». Словарик в блокнотике с изображением «Иванушки International».

Саша как-то говорит: «Давай поменяемся, там прикольно, будут давать всякие ништяки». А он жил с 10-классниками. Я соглашаюсь и переезжаю.

Они курят в комнате, много матерятся, обсуждают девушек, много прикалываются надо мной, что-то заставляют делать, я плачу, понимаю, что Саша меня подставил, мне обидно и тяжело. Я не знаю, кому пожаловаться, чтобы стало легче.

Мы едем в Софию, очень большой город, пытаюсь учить новые слова, не помню, кругом рынки, бродим по ним, боюсь потеряться.

Больше понравился Несебыр — там столько греческого, какие разрушенные храмы, не верится в связь Болгарии и Древней Греции. Покупаю у местного в каморке очень древнюю монетку грязно-синего цвета, на ней плохо-плохо видно изображение, зато она дешевая, прорезаю гвоздиком изображение так, чтобы было чётче. Бабушке купил керамическую картину с разрушенным храмом и названием города.

А еще мы ездили в место, где много парков, каменных проходов и трон румынской королевы. Видел там, как по открытому водотoku плыла змея, не видел их раньше.

Нас возили поздно ночью за город смотреть битвы рыцарей, а потом все сидели у двух огромных бочек: в одной красное вино, в другой — белое. Я тоже его пробовал, пил. Хотелось спать.

Денег не хватает, всё время путаюсь, пересчитывая рубли на левы и стотинки. Один раз кажется, что у меня на сто левов больше, я что-то нашел на лестнице. Саша замечает: «Дуракам везёт».

Нас возили на плантации персиков. Мы приехали поздно, нам достались уже сильно ободранные ряды, ищу хоть что-то спелое, нахожу мало, очень жарко.

Еще я познакомился с мальчиком Артёмом, он из Махачкалы, это где-то на юге. Нам обоим нравится танцевать. Мы учим движения брейк-данса. Скоро у нас будет финальный вечер — там можно показывать номера. Мы приходим к диджею и показываем Fire группы Scooter, говорим, вот под него хотим танцевать, она ритмичная. Он качает головой и показывает нам Bomfunk MC's Freestyler. Я слышал ее раньше, но не обращал внимания. Он говорит, это то, что надо. Мы с Артемом научились делать дорожку, немножко черепаху на руках, можем встать на руки и скрестить ноги, а еще прокрутиться, взявшись за руки. На вечере ценят именно это последнее движение.

* * *

Возможно, меня отселили от 10-классников, стало полегче.

* * *

Я не очень хочу начинать следующий год после возвращения, мне не очень нравится мой класс.

Дебора Гринберг

Женщины умеют исчезать как пар на зеркале в ванной

в каплях на потолке звёздное небо
звёздное небо во сне путь млечный
разлито молоко на столе дорожкой
вот же он млечный путь вот он

белые разводы на кране как облако
с грязно-серыми перьями на брюхе
в кромке ослепительно белой
как накрахмаленная наволочка в деревне на белорусском юге

в заламах на ткани одежды на стуле
движения рук и глаз и шаги на цыпочках

женщины умеют исчезать как пар на зеркале в ванной
 сколько на него ни смотри не заметишь как его не стало
 так исчезают из памяти сны
 когда лёжа в кровати держишься за тонкую ниточку
 одной картинки и она выскальзывает из пальцев

так исчезает снег в москве и лёд
 на реке и на масляной коже луж
 в марте с утра как выходит солнце

так в одну ночь исчезает надежда
 если уснуть и проснуться в россии

туда где ресницы примерзают друг к другу по дороге от дома до школы
 не ходит метро и мы тоже больше не ходим
 залезть в огромные варежки получить в подарок шерстяные носки
 получить позволение не хотеть быть нигде

сапоги со снегом кладёшь в пакет с них капает бурая грязь балетки туда не положишь
 больше

баба маша плетёт из пакетов коврики и ругается когда мы не вытираем ноги
 оттаивают ресницы
 моргаешь
 иней течёт по щекам
 слезами обиды
 слезами радости
 слезами детской тоски

смерти нет
 сказал бы это снаряду разбивающему окно было бы не так больно

нет смерти вчера я говорил это огню сегодня скажу свинцу и если они поверят мне
 мы встретимся снова

нет смерти завтра я скажу это ледяной воде в лёгких и раковой опухоли

нет смерти через неделю я скажу это своей бабушке и она посмеётся и уйдёт печь блины

нет смерти это мы говорили отцу зачерпывая его горстями и бросая в воду

нет смерти сказало мне дерево вырванное с корнем и рассыпалось
так же как отец так же как пепел от снаряда так же как кленовый лист так же как горсть
песка

нет смерти говорили солдатам потому что если умер за родину значит смерти нет

поэтому так легко мне было солгать тебе когда ты приснился чтобы снова обнять меня
и пах куркумой и маслом как наша ванная

нет ты что я не плачу
я же знаю что смерти нет

Николай Тцаров

Труп

Мраморной плитой придавлены все мои горести и радости, но открой её — ужаснешься вдвойне. Уже от вида, как горести и радости иссушены и изъедены червями. Тут именно главное, что горести были там. Человек этот сам опускался и опускался... Впрочем, не в этом дело. Я стоял возле могилы значимого мне человека. Это было совсем недолго, ведь я услышал, как плачет вся процессия неподалеку. Больше всего был слышен женский плач, мне стало невыносимо жалко. В конце концов, я знаю, каково это. Я пошёл к ним, встал рядом и стал разглядывать виновника слёз и стенаний. Лицо у него было пусть и не очень миловидное, тут и там оспины, синяки под глазами и в целом он был несколько рыхловат, но трудно всё-таки было определить, что он мёртвый... Живой ведь будто бы ещё. Ужаснулся. Подошёл к рыдающей женщине, склонился над нею и тихо спросил, мать ли она его. Ответи-

ла, что мать. Посочувствовал. На похоронах присутствовало довольно много людей. Быть может, с десяток, а то и больше. Все были разношёрстные настолько, что я тотчас про себя подумал: «Да неужели у него в знакомых могли быть вот эти пропитые лица и тот пузатый богач? А та красotka что?» Неясно. Любопытство меня душило, поэтому я всё-таки подошёл к той девушке и задал вопрос: «А кем вы приходитесь ему?» Ответила, что и вовсе его не знает. И снова неясно. Я встал поодаль могилы и стал разглядывать труп. Внезапно донеслись оттуда фыркание и сопение, я стал озираться по сторонам, ища в лицах намёк, что это сделано ими, — ну хотя бы одна рука принялась тереть нос! И принялась всё-таки. Только рука мертвеца. Ошалев, я стал на всех смотреть, заметили ли они, что труп двигается. Мать пристально глядела налитыми слезами глазами на труп своего сына, не замечая, что он фыркал. Труп зевнул, а мать точно и не за-

метила это. Я гаркнул: «Да он же живой!» И все обратили на меня внимание, начиная шептаться между собой. Мать тяжело встала и сквозь слёзы стала молвить: «Да как же живой? Вот же лежит, мёртвый ведь!» И ей стали вторить остальные: «Вот-вот, как же живой, если вот лежит мёртвый?»

Раздражению не было предела. Я окликнул самого трупа, и он даже ответил мне, сначала кашлянув и смочив языком губы: «Не живой, не живой». Остальные стали на меня укоризненно смотреть, приговаривая: «Ну вот видишь, вовсе не живой! Что ты городишь?» Одна девушка, к которой я подходил, даже заглянула в могилу и стала нюхать и разглядывать его, говоря: «И пахнет вовсе не как живой. И выглядит некрасиво. Я бы его не любила. Значит, мёртв», — всё это было сказано крайне простодушно.

Она отошла вглубь толпы. Я стал замечать, что людей стало ещё больше. Подошёл к могиле тучный и розовый, как поросёнок, мужчина в костюме, сначала утирая слёзы, а потом начав басить: «Что ж, потерял человек. Матери — сочувствую! Этот человек явно мёртв, тут никаких сомнений не может быть, как утверждает некто рядом. Выглядит он неработоспособным, недееспособным, пользы никакой он не принесёт». После того как мужчина всё это сказал, мертвец жалобно замычал: «Да-да, я недееспособный, ох! Жалко, жалко... Пользы от меня никакой, я действительно мёртв». Подошёл молодой человек, приятно одетый, протирая свои очки в круглой оправе, и тоже начал говорить: «Я даже не представляю, как можно быть живым и не изучать искусство. Этот человек не знал ни про Матисса, ни про Родена... С ним ведь даже не обсудить концепции Малевича и весь гений иконы супрематизма — чёрный квадрат... А что уж там про литературу? Он не знает, кто написал «Обломова». Нет, нет, мёртв человек! Очень мёртв» — и тоже ретировался, скрывшись в глубине толпы. Потом подошёл ещё один, мало отличающийся от предшествующего, и заговорил практически тем же тоном, разве что в руках у него не было очков: «Вкусы у этого человека были сомнительны. Скажем так, он вообще был не-

далёкий. С ним ведь и ничего даже обсудить нельзя было. Определенно мёртв». И мертвец залепетал тем же жалобным тоном: «Да-да, всё так. Я безыдейный и никудышный. Всё так, я мёртв». Я снова зло гаркнул на всех: «Да что вы, не видите, что ли, что живой он?!» и все вновь укоризненно на меня глянули, начиная роптать: «Да как жив, если с ним не о чем поговорить? Да и пахнет от него. А ещё вот она сказала, что не полюбила бы его. Да как тут жив-то? Мёртв уже». Так мы простояли с минуту в безмолвии, пока не решился подойти ещё один человек, на вид чистейший бюрократ: «Послушайте, он потерял паспорт и не восстанавливал его. Ещё, когда ему исполнилось сорок пять, он не сделал новый. Ну как после такого можно считать, что он живой? Мёртв ведь определённо... И СНИЛС не было у него... Ну нет, нет, определённо мёртвый».

Мертвец жалобно вздыхал и даже переворачивался у себя в гробу, ища позу поудобнее, но, так и не найдя её, лишь усиливал свой стон. Но никто всё равно и не слышал, как он стонет. Наконец вся толпа стала говорить о трупе. Кто-то критиковал факты из его жизни, кто-то критиковал его внешность, его вкусы насчёт кино или музыки, и наконец, довершили свой гам тем, что сошлись на едином, обобщающем мнении: «Человек этот очень ненужный, пользы он не принесёт нам, никому он не нравился, следовательно, он непременно мёртв. Тащите землю». И внезапно мать вспыхнула, вселив в меня надежду, что она осознала, о чём я неустанно твердил, но увы, с её уст слетело следующее: «Да подождите! Подождите!» И она припала к могиле: «Что ж ты, Сашенька, меня-то не слушал? Я же говорила, надо детей заводить, а ты что? Не завёл. Я же говорила, что на доктора нужно было идти учиться, а ты тят-ляп, непонятно куда захотел! Перед соседями стыдно было! Нет, непременно мёртв». И его, плачущего и рыдающего при всех, засыпали песком. Впрочем, примерно то же самое было и когда я хоронил значимого мне человека. Один подошёл и стал всех уверять, что мертвец непременно жив, но то глупости, ведь я-то видел, что мёртв. Я ушёл с кладбища.

Нежность

Безукоризненная кожа чуть выглядывала из-под длинных черных перчаток, обволакивающих хрупкие, тонкие руки, чуть выступая над очертанием плоти, как бы подчеркивая тонкость; руки застыли в экзальтации, держа на весу черный, бархатный атрибут счастливой, буржуазной жизни, некогда висевший на стеллаже в дорогом магазине, вызывая обильное слюноотделение у бедняков, грезящих о богатой жизни, распираемой всяческими безделушками, напоминающими то бегство за пестротой у примитивных племен, навьюченных золотыми кольцами, колоритными камушками и трофеями с охоты, свидетельствующими превосходство обладателя в их иерархической системе; руки нежно опустились, слегка коснувшись стройной талии, обтянутой тоненьким черным платьицем. Судя по всему, судя по дефектам пленки, судя по аскетичной работе кинооператора, этот фильм был старенький: судя же по старости фильма, он был снят тогда, когда царствовало маленькое черное платье от Шанель; сменился ракурс, теперь все неприятельное пространство позади, в расфокусе, оттеняло миловидное, симметричное женское лицо. Небольшие ноздри вздернутого носа чуть сужались при вдохе. Сквозь темные очки в прямоугольной оправе проступали вальжанные глаза, слегка скрытые уставшими веками, но сохраняющие женские робость и наивность, так излюбленные в те года. Актриса, сыгравшая в этом фильме, стала навсегда предметом вождения, навсегда увековечила свое хрупкое и молодое тело, вопреки тому, что могла давным-давно обратиться в иссохший труп. Однако не было важным, что она уже труп, ее и не существовало в принципе: оставалось запечатленным на экране ее тело, ее лицо, ее манеры, пусть театральные; оставалась навсегда скульптура, изваянная не из мрамора, но из двадцати четырех кадров в секунду. Иначе говоря, был симулякр, был нерушимый, непостижимый идеал, не подвергнутый старению, не об-

ремененный плохим характером, каковой мог бы быть у актера-человека.

Симпатичное лицо исчезло, началась реклама.

Отличная от руки нимфы, морщинистая, землистого цвета конечность потянулась за пультом, схватила его в капкан из неужоженных пальцев, кое-где пожелтевших от табака, испещренных темными пятнышками и родинками. Бесформенный палец сделал небрежное движение вперед, утопил красную кнопку в корпус. Телевизор погас. В рекламе тоже были красивые лики, чьи рты змеились в напускной радости. Но эти лица старую женщину уже раздражали. Ее одолевала зависть; ее обуревало раздражение, что это вовсе не она улыбается, прильнув к мужскому телу, как та модель из рекламы духов. С актрисой из кино ее связывало больше, по-сему она не испытывала той ревности и могла вполне спокойно созерцать кино, проецируя себя на героиню. Там была драматургия. В рекламе же ее не было.

Ее звали Катерина. Прибавьте к этому отчество, получите обращение к ней, заслуженное ее возрастом. Но она сопротивлялась ему: она навязывала всем по-отечески слетевшее с языка, полного эмпатии и любви, детское «Катенька». Даже если не спросят имя, она все равно будет насаждать именно такую форму своего имени. Кое-кого это пугало. Кто-то уже привык к такой особенности. Однако все поголовно угадывали подступающее помешательство, если уже не наступившее. Соседи привыкли и больше не дивятся ее контрастирующим с возрастом манерам девочки. Соседям было мерзко, но больше — флегматично. Другие люди рассказывали своим друзьям о ней, что было хорошей причиной для гомерического смеха. Смеялись и ей в лицо. Но из-за престранного внутреннего барьера, то есть защитного механизма, она не могла адекватно оценивать тот плотоядный хохот над ней: вместо этого она раздражалась смехом со своим визави, наивно полагая, что смеется он,

быть может, оттого, что она хороша и что их смех легитимно дружественный. Ее не смущал алогизм. Ее ответный смех еще больше раззадоривал людей.

Телевизор она выключила, и не только из-за мучающей рекламы, но и по причине того, что ей пора сходить на прогулку. Завсегдатай близлежащего парка, она любила неспешно семенить по главной аллее, пытливо заглядывая молодым парам в лицо; ей нравилось присесть на скамейку напротив парочки, где она могла бы свободно окинуть их взглядом, где могла бы каждый жест, каждое движение ноги или заигрывание лицевых мышц, каждое мление девушки или победоносный вид парня присвоить себе, мечтательно утонуть в своих фантазиях, используя живой референс для конструирования своих грез. И сейчас она сидела на скамейке, поглядывая на парочку со странной улыбкой. Бывали дни, когда она до агонии не могла наблюдать пары. Проекция отступала, замещалась ревностью, злостью к себе. Эти-то дни голова как бы прояснялась от тумана и она даже могла грамотно себя оценить, вспоминала, какие унижения перетерпела, какую глупость натворила, от этого впадала в депрессию, но это состояние быстро улетучивалось, уступая место туману и сумбуру. Тем охотнее ее бред вновь расцветал, чем мучительнее становилось осознание.

Пара заметила эту старушку, пристально впившуюся в них взглядом. Лицо девушки было усыпано блестками возле глаз. Женщину эта деталь привлекла больше всего. Блестки так подходили ей: они подчеркивали молодость и бунт тела, означали живость и креативность ума, принадлежность к поколению; они являлись символом, что она существует. Катерина неотрывно смотрела на ее блестки; девушка что-то прошептала своему парню. Вид парня сменился на несколько плотоядный. Они слились воедино в поцелуй, который в себе имел какую-то нотку злорадства. Катерина ужаснулась, ей стало худо. Смотреть на пары было упоительно, но когда эти пары начинали делать то, что недоступно Катерине, ей нестерпимо хотелось убежать. Она завидовала. Она не завидовала Одри

Хепберн, которую облекла в своего кумира, ведь видела в ней больше себя. В поцелуе парочки ее совсем не находилось: поэтому-то ей становилось физически невыносимо.

Она помчалась обратно домой. На лестничном пролете она столкнулась с усатым соседом, презрительно на нее покосившимся. Респектабельный вид вперемежку с консервативной слепотой разума. Дома ей хотелось плакать. В голове кристаллизировались воспоминания. Она вспоминала, как пыталась выудить из отца толику нежности. Тщетные были попытки низвести его обнять ее и сказать доброе слово. Ей вспоминались укоры одноклассников — она была страшненькой, оттого никогда не испытывала радость от сознания симпатии мальчика. Ей часто приходилось видеть веселье чужих людей, необузданное ею. Всеобщая нежность ускользала от нее. Вся человеческая любовь с презрением отворачивалась. Причина одна: она не котиновалась. Ее лицо не побуждало к нежности людей. Может, она заслуживала эроса больше, чем кто-то еще. Когда она была еще в себе, у нее была интересная теория насчет этого: «Возможно, все дело в инстинктах... Половом отборе... Все дело в том, что человеческая любовь — совершенный механизм природы, преследующий единственную цель: дать совершенное потомство, развиваться виду, достигать качества. Именно ведь поэтому меня не любят, я неудачное тело». Мыслила она, конечно, не так складно, такие думы размеренно простирались во всю ее жизнь, не приходя в четкую форму, но тем не менее она об этом думала. И тем ужаснее становилось для нее, что все закрыто. Но фонтанировать слезами она не начала, предметы зависти и ненависти к себе исчезли, позабылись. Позабылись как бы силой. Они были вытолкнуты из головы.

Приободрившись, она наскребла последние деньги с пенсии. В холодильнике было пусто, она решила пойти и купить продукты. Выйдя на лестничную площадку отрадной поступью, она вновь столкнулась с усатым соседом. Его взор был полон отвращения, она же в нем угадывала симпатию; улыбка зазмеилась у нее на лице. Ей в самом деле казалось, что в его посуровевших при ее виде бровях,

гримасе антипатии сквозила симпатия к ней; она тотчас представила, как он говорит ей доброе слово, по-отечески обнимает, а она ребячески от него ускользает, кокетничает. Она посмеялась. Соседу стало еще больше противно.

Ей казалось, что ее руки точь-в-точь руки Одри. Они такие же женственные, тонкие, желанные. Руки выныривали из карманов, превозмогая стужу на улице, чтоб покрасоваться. Проступала краснота, постепенно от ветра леденели и деревенели. Желание комфорта разбивалось о нарциссизм. Уверенный шаг. Высоко задранный нос, испещренный огромными порами. Ей казалось, что все смотрят на нее с вожделением, и ей это нравилось. Мимо нее прошла миловидная девочка, чье лицо также было усеяно блестками. У нее была нежная и белая кожа. Это омрачило Катерину.

Она миновала продуктовый магазин, зайдя в тот, где продается всякая контрафактная дрянь. Блуждая по магазину, она пыталась найти косметику.

— Простите, а где у вас косметика? — сказала она продавцу, сидящему за кассой. Он указал ей пальцем на стеллаж.

Встав рядом с полкой косметики, она долго выискивала те блестки. Заприметив пудру, руки робко потянулись к ней, но осеклись... Катерина вновь спросила продавца нарочито высоким и неорганично милым голосом, вызывающим вовсе не умиление, а омерзение:

— Простите, а Катеньке что лучше подойдет?

Продавец развел руками, вяло и нечленораздельно промывчав, что не знает ведь, какая у нее внучка.

— Да это не для внучки, а для Катеньки. Что лучше взять? Какая пудричка (она так сказала) сейчас более модная? — твердила она.

Продавец уже ничего не понимал. Ему становилось не по себе. Она наугад взяла и пудру, и блестки. Варикозные ноги поволоклось к кассе. В флегматичном взгляде кассира ей тоже чудилось умиление; она тянула улыбку перед ним. Расплатившись, она снова вернулась к себе домой, где, встав возле зеркала, начинала изучать свою покупку. Живот бурлил. Отыскала и старую помаду. Пудра лег-

ла на ее морщины неравномерным слоем. Кое-где морщины скрылись, а кое-где еще больше выступали, подчеркнутые безобразно положенной пудрой. Губная помада комками обволокла потресканные губы. Блестки вокруг глаз довершили ее чаяние помолодеть и стать поистине желанной. Она долго стояла и созерцала свое отражение. Улыбка во все тринадцать пожелтевших зубов. Улыбка содрогалась, поникала, хотела совсем исчезнуть, но нет, она становилась непоколебимой и в какой-то момент стала точно цементированной.

Катерина держала курс в парк, где сможет покрасоваться своим макияжем. Гордо и самонадеянно шагали ее ноги. Люди оборачивались на нее и дивились. Кто-то за спиной шептался, а кто-то с компанией бесцеремонно разражался смехом.

На скамейке сидел молодой, худосочный паренек. Стройные, худые ноги с длинными бедрами обволакивали обтягивающие штаны. Пышные губы. Ровный, правильный нос. Волосы у него были македонские, один выющийся локон ниспадал на лоб. Он самозабвенно предался телефону, поэтому не заметил, как к нему подседа Катерина. Она все-рьез строила глазки.

— Приветик, — молвила она. — Познакомимся? Я Катенька.

Ощетинившись, он взглядом робко окинул все ее неестественно намалеванное естество. Парень скрытно включил камеру и решил ее заснять. Она видела телефон, но не боялась его.

— Будем обниматься? — сказала она.

Ему хотелось то ли рассмеяться, то ли ужаснуться. Немного сняв ее, он решил безмолвно уйти. В фантазиях у себя она представляла, что понравилась ему. Все ее тело облило теплой лимфой. Ей было отраднo. Становилось совсем холодно, она решила пойти домой, храня в себе теплое ощущение собственной привлекательности.

Сосед стоял возле подъезда, копошась в своей машине. Заметив ее периферическим зрением, ему на долю секунды почудился клоун. Удивленный взгляд устремился на экспрессивное безобразие.

— Взрослая женщина, а что творит! — гаркнул он.

Она подошла к нему, ни на толику не колебавшись из-за его тона и слов. Она стояла словно вкопанная.

— Что ж ты делаешь-то, а? Только позоришься-то ведь. Смотреть на тебя страшно уже. Куда ж ты катишься-то? Смой, говорю, эту ерунду!

Улыбка ее все ширилась и ширилась.

— Безобразие-то какое, ей-богу. Ну вот зачем это все? Что ты вообще хочешь этим?

Она хихикнула. Что-то промычав, он отстранился от нее и занялся своими делами.

Его тошнило от нее. В дальнейшем она все так же и будет влачить свое существование в попытках регрессировать к тому детскому состоянию. Заклейменная позором, она не отступит от навязчивых действий. Соседи будут больше дивиться. Прохожие больше смеяться. Возможно, кто-то уже заберет ее в психбольницу. В моменты прояснения рассудка она будет плакать. Иногда даже задаваться философским вопросом, что является самым главным мучением, застилая собой унижение: если мир ужасен, то единственное спасение — нежность. Что делать, если ты его справедливо не заслуживаешь?

Грибочки

По бездонному ночному небу скользили густыми клубами тучки, обильно исходя рвущимися обратно к земле каплями воды, окропляющей шелестящие под свистящим ветром кроны деревьев. Капли разбивались о листья, но выполняли свою главную цель — возвратиться вновь к земле, соединиться с нею, наполнить её. Земля была благодарна тучам, — она радостно приняла влагу, и наутро, чуть свет, из её плоти возникло несколько белоснежных грибов, прорвавшихся сквозь опавшие листья и веточки, что расстелились по земле.

Родились они впритык к друг к другу, посему шапочки их были слегка помяты, но никто из них не роптал, а наоборот, наслаждался близостью, теплотой и единением со всем, что их окружает. Разве что один грибочек находился на некотором отдалении от всех и чувствовал он, что ему не нравится близость братьев. Он анализировал, взирал на их помятые шапки и думал, что излишняя их близость только вредит, — ему очень не хотелось находиться возле них и смотреть, как они мнутся из-за друг друга, но ничего не хотят с этим делать. Находясь подальше них, он имел право каждое движение своих братьев увидеть и раскритиковать, видя

в них единственно что-то угнетающее и неправильное: то один грибочек прорастёт повыше и одновременно глубже своего брата и отнимет у него всю влагу, вдобавок испортив ему шапочку; то другой грибочек займёт куда более выгодное положение; то, в целом, грибочки будут выглядеть так, словно кто-то из них страдает и мучается, а кто-то побеждает. Нашему грибочку всё это не нравилось — ему становилось зябко, страшно и противно смотреть на удовольствие или несчастье своих друзей.

В какой-то момент наш грибочек, устав смотреть, как все то мнутся, то соединяются, то хиреют, то слишком возвышаются над всеми остальными, — воскликнул своим собратьям, что залезет на исполинское дерево, взмывающее ввысь к небесам:

— Я устал смотреть на вас! Я хочу вон то дерево. Мне не нравится, что вы близки, вам от этого плохо, плохо и мне. Поэтому я вырвусь из земли и постараюсь взобраться на него, на самое острие, на самый верх. Мы на самом деле далеки! Мне не нравится, что мы на самом деле далеки друг от друга. Я хочу на самый верх. Я вижу ваше невежество: вам кажется, что всё это — нормально. А мне кажется, что кто-то из вас сильный, а кто-то сла-

бый! Кто-то делает не так, как надо, а другой слишком делает так, как надо. И я боюсь диких зверей, они тут, они везде. Поэтому я хочу подальше от вас и от них, на высоту.

И исполнил грибочек то, что всем пообещал. Вырвавшись из земли, он почувствовал, как приятна свобода, — и он удалился ещё дальше, не озираясь назад, и подступил к тому дереву, на которое хотел залезть. Многие грибочки — и те, что были задавлены, и те, что были возвышены над всеми, — заинтересовались авантюрой своего друга и поспешили сделать то же самое, что и их друг. И несколько грибов тотчас вызволились из земли и поспешили к тому дереву. Наш грибочек заметил, что за ним мчатся его друзья, — и решил поскорее залезть на дерево, чтобы никто его не обогнал, не перегнал, не оставил позади, потому что ему не хотелось возвращаться к той тягостной и неприятной роли, в каком он был, — в роли того, кого перегнали.

Один из грибов — огромный, сильный, могущественный, — быстро идя к дереву, всем говорил:

— Я ему верю. Я самый сильный, значит дерево будет моим, потому что я самый сильный и хочу дерево! Вы все слабые, а я самый сильный, поэтому дерево должно достаться мне.

И кто-то очень худосочный, бледноватый, совсем хилый, идя поодаль могущественного гриба, промолвил:

— Я ему тоже верю. Нет, там звёзды наверху, а звёзды только для тех, кто имеет ум. Тебе там нечего делать, потому что там звёзды, а для звёзд нужен ум, а не сила. Поэтому дерево должно быть моим и тех, кто как я, оно для умных, ведь только умный может узнать тайну тех звёзд, что сияют на небе.

Наш грибочек слышал их разговоры и уже насторожился, ускорил свой ход и поднимался всё быстрее и быстрее, но, взглянув назад, обнаруживал, что его уже почти все настигают. Он потел, превозмогал, начинал страдать от мысли, что его скоро настигнут. Остановившись, грибочек попытался спихнуть всех тех, кто подступает к нему, но неудачно. Попытка

была неудачной, но не бесплодной: многие грибочки разозлились на него, но ещё и узнали, как можно делать, как можно поступать, посему начали спихивать друг дружку. То удачно, то неудачно. Одним грибам удавалось спихнуть своего собрата и низринуть его обратно на землю, но другие, попытавшиеся совершить подлость над своим бывшим другом, сами же теряли устойчивость и падали вниз. Так весь день, что уготовила им жизнь, они и проводили в изнуряющем всех бегстве за вершиной. И к концу дня кое-какие грибочки достигли высоты, но только не наш грибочек, что потерялся где-то внизу, но был всеми увековечен, кто достиг вершины.

Грибочки стали там жить и смотреть на всех тех, кто оставался внизу и даже не подозревал, что за ними наблюдают. Достигшие высоты стали чувствовать досаду за своих друзей внизу — земные условия их казались мучительными, угнетающими, неправильными для всех, кто достиг высоты. Но что-то во всех земных было заманчивое, о чём стали сетовать и сокрушаться многие грибы на высоте: они стали отлично понимать, что хотели бы вернуться на землю, но и отлично понимали, что их желание вернуться на землю связано только с тем, что они по своему естеству являются грибами, — они все отлично всё понимали, понимали свою некоторую любовь к земле, но критиковали её, вспоминая слова того самого первого грибочка, что решил взбунтоваться. Грибочки отлично понимали, что их страсть вернуться обратно — это большая дикость, которую нужно пресечь. Больше всего им, конечно, нравилось смотреть наверх. И их сильно тяготило, что ночь длится совсем недолго и они не успевают вдоволь насладиться звёздным небом и изучать его, — им всегда приходится возвращать из-за этого свои взоры вновь к земле, потому что было слишком скучно днём.

От некоторой скуки, одолевающей их, они постарались поговорить с теми грибами, что внизу:

— Грибы внизу! Вы выглядите плохо, вы мало живёте и давите друг на друга. Вас

могут скушать звери. Почему вы всё ещё там, если вас могут скушать звери? Они страшные и всегда голодные, они ходят и всё нюхают, они могут к вам прийти. Поднимайтесь к нам, мы теперь всех впускаем сюда! Больше не то время, когда надо было постараться залезть на дерево, теперь мы спокойно всех впускаем.

И другие грибочки, что внизу, обдумали совет брата сверху и приняли решение, что оставаться там и вправду небезопасно, поэтому они все тоже оторвались от земли и поспешили наверх к дереву.

Прошёл ещё один день и наступила ещё одна ночь. Многие грибочки обнаружили, что видят в звёздах различающиеся друг от друга картины, и стали долго спорить о том, что же истинно изображено и значит на звёздном небе. Многие грибочки, имея стойкое чувство правоты, но не имея аргументов, начинали сильно и глухо злиться, отчего сильно начинали страдать и завидовать тем грибочкам, чьё видение небосвода принимали все остальные и без каких-либо аргументов. Спорили они очень долго и тягостно.

Один из тех, кто сильно завидовал всем и проигрывал в споре, начинал досадовать из-за всего этого, смотря на грибочки внизу, и говорил своим собратьям, что они зря послушались того грибочка, что всех низвёл к бунту, но ему на это отвечали:

— Как это зря? Он всё сформулировал и сказал как есть. Взгляни: там дикие звери! Мы не могли там оставаться, потому что там злые и голодные звери.

И не знал грибочек, что ответить на всё это, но стал он замечать, что выглядят грибочки, что на высоте, намного хуже, чем те, что снизу. И самому ему становилось очень дурно с каждым днём. Он стал прохаживаться взглядом по земле и размышлять о том, что это действительно было всё зря, но ему было плохо от мысли, что грибочки были правы насчёт диких зверей. И с каждым днём он замечал, что грибочки,

окружающие его, всё чаще и больше начинают спорить и друг друга ненавидеть. И не знал грибочек, что же делать, ежели и снизу и сверху все друг друга начинают ненавидеть за любую мелочь: то за то, что кто-то слишком близко подошёл, или за то, что кто-то выглядит не так, как надо выглядеть. В какой-то момент грибочек, вновь смотря на остальных, что снизу, попытался с ними поговорить:

— Теперь мы как вы! Мы вздорим и друг друга ненавидим, мы тоже мнём друг другу шляпки.

И услышали грибочки снизу его, чутка негодую:

— Нет! Нас едят звери, мы растём иногда неправильно по вашему мнению, но мы не спорим. Наши шляпки бывают такими же мятыми, как у вас, бывают и надкусанные, но вы оторвались, вас ничего не связывает, а под землёй мы все связаны нитью. Вы нас не уважаете, мы это поняли. Кто-то из нас ещё хотел к вам, но теперь никто не хочет. Вы оторвались, вас ничего не связывает, поэтому вы вздорите.

— Где же ваша нить? Я её не вижу! Вы ошибаетесь, ведь не видно вашей нити.

— Мы её чувствуем, — отвечали хором грибы снизу, — а вы оторвались, поэтому вам становится плохо, ведь вас ничего не питает, а нас питает.

— Я её не вижу! И её нет.

— Но мы её чувствуем.

И не верил наш грибочек словам тех, что снизу, но очень сильно хотел им поверить, ведь ему было очень скучно и досадно наверху, поэтому решил слезть с дерева. Пока он слезал, все, кто сверху, ругали его и называли глупым, потому что он не понимал, что делает. Но, миновав и высоту и укору других грибов, он оказался вновь на земле, от которой давным-давно бежал совсем молодым и наслушавшимся слов тех, кто сверху. Снизу его дожидались грибочки, крепко держащиеся за землю, и он совершенно случайно, будучи подвижным, всех задевал и этим сильно грубил. Попытавшись где-нибудь притиснуться, где-нибудь укорениться, он только мял сильнее всем шляпки, кого-то даже случайно вы-

рвал из земли, кого-то обидел, но сумел всё-таки найти своё место рядышком со всеми. Но плохо ему становилось всё равно, как бы глубоко он ни пытался погрузиться, и вопрошал он у всех:

— Я же рядом! Почему же я хирею, почему же я становлюсь более болезненным, если я рядом с вами?

— Ты же уже оторвался, а мы все связаны! Поэтому тебе становится всё хуже и хуже,

ведь ты однажды оторвался и уже не можешь вернуться по-настоящему.

И посмотрел наш грибочек с досадой наверх и обнаружил, что все там давным-давно уже засохли, но он кое-как сам держится. И держаться он, конечно же, долго не мог: в какой-то момент и он засох, но засох он, кажется, с ещё большею досадой, чем те, что были сверху.

Терентий Кондратенко

Мальчик в красивом мундире

у них-то было что-то действительное
кровь и почва
кровь и молоко

и боги у них были громкие и грозные
не то что наши молчаливо смотрящие
с маслянисто лоснящихся
икон

вкушать крови вкушать тела
вот и вся предельность беспредельного

слышишь карканье ворон
это я

смеюсь ухохатываюсь

в сплетениях неба
и веточек да листиков
которые легко так ветром
колышимы

ветром вольным разумеется
настоящим
не то что я

мне только с воронами
и каркать

так стирается самость я
в это хочется верить хотя и страшно
и глупо наверное
так глупо что хочется сразу извиниться

будто это не текст а что-то вроде
исповеди
или допроса

меня иногда как будто слишком много
и в тексте и вообще в жизни
человек мера всех вещей но
человеческого при этом ощущается
недостаточно что ли

а иногда меня наоборот мало
как будто я остаюсь в пепле
всех недокуренных сигарет которые
просто роняешь без причины

иногда такое случается и
пальцы сами разжимаются

и вот так же как с сигаретами что-то
перестаёт держать и я так же
роняю эту вот самость за отсутствием
лучшего слова

повезло когда ты родился в России
и гусеницами танков по тебе едут
и сам ты сидишь в этих танках
и сам ты гусеница

повезло когда эти танки родные

повезло когда где-то не разорвётся снаряд
в целом ты и сам снаряд только пороха
недодали

повезло когда с тобой на ты говорят
пусть и не знаешь это от доверия или
просто констатация твоего положения
подчиненного разумеется

повезло когда Россия пишут с заглавной
буквы

так ведь уже не везде и не всегда принято
слово родина вот я например
очень редко пишу с заглавной

повезло когда мысль формируется складно

повезло когда родные танки по тебе едут
гусеницами
и сам ты гусеница и сам ты внутри этих
родных до боли танков

повезло когда кровь и внутренности
размазывают по мостовой
так будто и надо чего церемониться
с гусеницами
это и декабрь двадцать пятого
и октябрь девяносто третьего

повезло когда ты родился в России
и знаешь какие танки до боли
твои и родные

повезло гусеницам

я циник и мизантроп с непотушенной
сигаретой меж пальцев
и пепел с неё падает на рукав серого
пальто

я театрал который ни черта не смыслит
в искусстве
но каждую пьесу хранит в сердце
что-то ведь в этих вещах меня все равно
тронуло

я худенькая студентка с томиком Ницше
под мышкой
бегаю путаясь в юбке

за мальчиками красивыми и умными
только мальчики всегда выбирают

мальчиков

и Ницше женщин ненавидел

я липкий и жаркий август в сыром Петербурге
из-за меня голова болит
и дышать трудно

я Иуда и предаю Христа
и вся моя ценность в том что Христом
без меня он не станет
а так же обычный продажный скот

я вырюсь и патриот
даже один раз была мысль
купить какую-то книжку в магазине Листва

я даже помню грохот маршей и топот
марширующих сапог
и сам бы помаршировал
только не строим
строим ходит стадо а

я индивидуалист
я личность
я не боюсь в этом признаться

только собой быть почему-то страшно
до боли в животе

и хочется сжать ладони
вокруг собственной шеи

я состоялся в своей многоликости
но это всё не я и это стыдно

разговоры о насилии в полночь
война справедлива её оправдает
мальчик в красивом мундире
и протянутые ему цветы

уже мёртвые но пока источающие
запах гнили и почему-то мёда
мальчик в мундире спотыкается
его научили дисциплина и шпицрутены

у мальчика голова смешная круглая
а глаза небесно голубые
под фуражкой волосы русые
и даже начинает расти борода

вот начинается марш он тянет
левый носочек и идёт ровно прямо
война справедлива её оправдает
разорвавший мальчика снаряд

Алексей Каменский

Есть мнение

Весна в Москве была непохожа на весну в Париже. Вчера дул такой холодный ветер, что Антуан, открыв на секунду окно, решил не выходить из гостиницы. Утром позавтракал — превосходная красная рыба, кофе, взбитые сливки с черносливом, — а вместо обеда к нему потянулись русские литераторы. Авербах, Кольцов, Ясенский... Все они говорили по-французски, но как-то одинаково нелепо и смешно. Он слушал их только из вежливости, время от времени машинально соглашаясь. Голова была занята совсем другим. Завтра утром за ним придут...

И вот утро настало! Как волшебю пере-менилась погода! Антуан пожалел, что мчит-ся в большом черном автомобиле, а не идет пешком. Ласковый майский ветерок пошеве-

ливал юные листочки. Люди на улицах улы-бались, подставляя лица лучам солнца, как подсолнухи. Вот милиционер в белом кителе, вот девушка о чём-то задумалась... С ними, с ними надо говорить, а не с этими скучными писателями. Люди живут своей жизнью, а пи-сатели чужой. Но всё-таки главный разговор у него впереди. Через четверть часа.

Своего будущего собеседника Антуан де Сент-Экзюпери представлял уже очень хоро-шо. Он был везде. В каждой из книг, которые ему вчера принесли надоедливые литерато-ры, были его портреты. В каждой газете. Пор-трет маслом висел в фойе гостиницы. Даже сейчас, из окна машины, он видел громадные изображения этого человека, которые закры-вали собой целые здания. Мужчина с черны-

ми усами, с черной, зачесанной назад шевелюрой, в зеленом полувоенном кителе. Его глаза — рыжие? желтые? что за цвет? — как будто о чем-то спрашивали Антуана, он смотрел в них, но не мог ничего сказать. Скоро он их увидит. Какой он в жизни, Сталин?

Путешествие в Москву получилось незапланированным. Две недели назад позвонили из редакции «Пари-Суар». Под секретом сказали, что намечается какой-то важный советско-французский пакт, министерство иностранных дел очень заинтересовано, нужно дать серию очерков о Москве. В благоприятных, дружественных тонах, чтобы показать публике: большевики не звери, с ними можно вести дела. Но, конечно, вы свободный публицист, никто вам не запрещает собственные мысли. Билеты и пять тысяч франков на расходы от министерства, плюс гонорары от газеты — по высшей ставке.

За неделю Антуан уладил дела, получил визы, купил билет на поезд через Берлин. Лететь одному на самолете было нереально — это уже совсем другой бюджет. Да и не разглядишь с высоты, как живут в этой стране. Впрочем, и из окна поезда было мало что понятно. После пограничной станции (то ли Погорелое, то ли Негорелово) наступила ночь. А днем вокруг был только лес.

Лес был вокруг и сейчас. Машина выехала из Москвы и свернула с шоссе на лесную дорогу, притормозив у милицейского поста. Дорога все время петляла, но неуклонно поднималась по лесу вверх. Тут и там стояли люди в штатском, очевидно, охранники, с которыми молчаливый офицер, сидевший рядом с Экзюпери, обменивался какими-то знаками. Через несколько минут автомобиль въехал в ворота высокой каменной ограды, окрашенной в тот зеленый цвет, который бывает только у железнодорожных вагонов. За оградой Антуан увидел одноэтажный дом такого же цвета. О нет, это не золотые купола Кремля.

Дверца машины отошла назад. Антуан вышел и потянул плечами. Природа!

— Allons, — сказал офицер. — Camarade Staline vous attend.

Антуан прошёл мимо небольшого фонтана к зеленому дому. Спинай он чувствовал, что

сопровождающий идёт сзади. Кто-то открыл дверь между зелеными колоннами. В большом фойе стоял другой офицер, по виду рангом повыше. Как будто случайно касаясь карманов пиджака, он помог Антуану снять плащ, жестом показав, куда нужно направиться. Экзюпери, едва успев посмотреть в зеркало, вошел в кабинет Сталина.

Кремлевский вожь стоял посреди комнаты, поразительно похожий сразу на все свои портреты, которые Антуану приходилось видеть. Было непонятно, то ли каждый из портретов писали с живого Сталина, то ли Сталина создал какой-то пролетарский Пигмалион из многочисленных портретов.

— Здравствуйте, господин Экзюпери! — дружелюбно произнес Сталин. — Присаживайтесь.

Сталин опустил в полукруглое кресло у небольшого столика, который располагался у стены, отделанной деревянными панелями. Второе кресло стояло напротив, но не было обращено на Сталина, а смотрело в середину комнаты. Когда Экзюпери, поздоровавшись, туда сел, ему пришлось сместиться на краешек и повернуться вполоборота, чтобы смотреть собеседнику в глаза. Вся обстановка randevу подозрительно напоминала кабинку для исповеди, но тайне исповеди здесь не было места: рядом на стул присел прекрасно сложенный человек в дорогом пиджаке и галстук, с ухоженными усами, подходящимися в стороны. Он источал аромат хорошего одеколона.

— Это товарищ Аросев, председатель Всеобщего общества культурной связи с заграницей, — пояснил Сталин. — Он будет переводить.

Аросев поднял умные глаза и деловито кивнул.

— А это товарищ Мехлис, Лев Захарович, — Сталин показал на человека с карикатурно узкими плечами и шевелюрой, похожей на взрыв в банке сапужного крема, который сидел в углу за письменным столом. Экзюпери заметил его только сейчас — главный редактор газеты «Правда». Видите, у вас в газете редактор русский, Пьер Лазаревф. А у нас — француз. Так сказать, культурный обмен.

— Француз? — Экзюпери недоуменно покосился на шевелюру.

— Шучу, — Сталин улыбнулся в усы. — Французом мы его называем условно.

Мехлис нервно дёрнулся.

— Я пригласил вас, господин Экзюпери, — продолжал Сталин, — потому что знаком с вашим творчеством. Читал вашу книгу «Планета людей».

Антуан вытаращил глаза. Несколько секунд он не мог ничего сказать: горло как будто кто-то сжал.

— Но я... ведь я её ещё не опубликовал! И даже не дописал!

Сталин улыбнулся:

— У меня свои каналы.

Экзюпери пересохшим голосом начал говорить заранее придуманную речь:

— Я благодарю вас, что нашли время со мной поговорить. Мне чрезвычайно интересно посмотреть этот дивный новый мир, о котором у нас так много говорят и так мало знают...

— Не стоит злоупотреблять аллюзиями, — прервал Сталин. — Аллюзии могут быть опасны. Что вы уже видели у нас?

Аросев быстро перевёл. Он всё же неплохо говорил по-французски. Антуану даже показалось, что у него валлонское произношение.

— Пока ничего. Я приехал только вчера утром. Шёл дождь, я почти не выходил из номера, а потом ко мне приходили ваши писатели.

— Наши писатели, наверное, показались вам неинтересными. Это поправимо. Мы недавно открыли в Москве первый в мире литературный институт. Там учатся на писателя так же, как учатся на архитектора или инженера. Скоро у нас будет целый легион высокопрофессиональных писателей. Согласитесь, в буржуазных странах о таком институте и помыслить нельзя?

— Да... — признал Экзюпери. — Это большое достижение нового общества. Но как же индивидуальность писателя? Неужели такие писатели не будут все одинаковыми?

— Индивидуальность — это отличие. Отличие человека от других людей. Чтобы было

отличие, нужны другие люди, нужен коллектив. Если не будет коллектива, не будет и отличия. Поэтому только в коллективе возможно подлинное отличие писателя, подлинная индивидуальность. Диалектика!

Сталин говорил с расстановкой, обдуманно и веско. Его слова были похожи на мерные удары машины для забивания свай.

— Скоро мы откроем в Москве метро. Советую задержаться и посмотреть. Это будет лучший в мире метро.

— Вы знаете, что я лётчик, — напомнил Экзюпери. — Мне бы хотелось посмотреть самый большой в мире самолёт «Максим Горький». Я слышал, что он уже летает.

Сталин, казалось, предвидел и этот вопрос.

— Такая возможность вам будет предоставлена.

Мехлис в своём углу что-то записал. Сталин посмотрел на Антуана своими глазами, которые теперь выглядели почти черными, без бликов.

— Ну а что вам у нас не нравится? Говорите прямо, не стесняйтесь.

— Я, возможно, не всё правильно понимаю... Нашей прессе, тому, что пишут о вас, не всегда можно доверять. Эта нескончаемая борьба, постоянный надзор, внутренний паспорт, порабощение человека коллективом — разве это путь к свободе личности? Ваши достижения прекрасны, но коллектив — это могучий баобаб, он может задушить личность человека, как хрупкую прекрасную розу.

Сталин усмехнулся.

— «Фиалка победит машину»? Где-то я это уже слышал. Вы ведь учились в колледже иезуитов?

Экзюпери вздрогнул.

— Да, но... Это всего лишь эпизод моего детства.

— Не скромничайте, господин Экзюпери. Бывших иезуитов не бывает. — Сталин назидательно погрозил пальцем. — А что говорил основатель вашего ордена, Игнатий Лойола? «Цель оправдывает средства». Всё, что вы перечислили — только средства. Цель выше — это строительство нового общества, строительство коммунизма.

— А строительство коммунизма — это не средство? Ведь цель — это всеобщее добро, разве нет?

В руках Сталина появилась откуда-то — Антуан так и не понял откуда — изогнутая трубка.

— Не возражаете, если я закурю? — спросил Сталин. Экзюпери кивнул. Сталин, раздумывая, насыпал в трубку табак и чиркнул спичкой. Вверх поднялась струйка сизого дыма. Сталин начал говорить.

— Что такое добро? И что такое зло? Говорят, что добро — это всё хорошее, а зло — это всё плохое. Мы, марксисты, в таких случаях задаём вопрос: для кого хорошее и для кого плохое? Ведь одно и то же событие может быть для одного хорошим, а для другого плохим. Не существует ничего, что было бы хорошим для всех. Всегда найдутся негодяи, завистники, которые не рады чужому счастью. Поэтому не существует всеобщего добра, нет такой вещи, как абсолютное добро.

Сталин затаился.

— С другой стороны, абсолютное зло существует, потому что любой негодяй может сделать такое зло, от которого будет плохо для всех, в том числе и для самого этого негодяя. Разве не ясно поэтому, что добро относительно, а зло абсолютно? Разве не ясно поэтому, что зло первично, а добро вторично?

Экзюпери слушал с широко открытыми глазами. Аросев с трудом подбирал слова.

— Такая разница в характере добра и зла проявляется не только в философии, но и в жизни общества. Если какой-то человек просто добросовестно трудится, это поощряется обществом, но всё-таки не называется «добром», а сам он «праведником». «Добро» — это только тогда, когда он делает что-то хорошее, но не обязательное. Например, переводит старушек через дорогу или жалеет сирых и убогих. Сделать зло гораздо легче. Ассортимент зла, если можно так выразиться, гораздо шире: от мелкой зависти до массовых убийств. И как я уже сказал, даже самое доброе дело для кого-то будет злом. Вот почему зло не только первично по отношению к добру, но и сильнее, ощутимее, конкретнее добра.

У Антуана начали открываться не только глаза, но и рот.

— Как соотносятся в человеке добро и зло? Одни говорят, что человек по своей природе добр, добро абсолютно и создано Богом первоначально, зло появилось позже и когда-нибудь будет побеждено. Другие говорят, что зло — это просто отсутствие добра. И то, и другое, по-моему, неверно.

Сталин выпустил новую струйку дыма.

— Поскольку абсолютного добра не существует, то всё, что делает человек, есть в какой-то мере зло, а в какой-то добро. Вопрос только в том, куда направлено добро и куда направлено зло. Если человек направляет свое зло на что-то плохое — мы получаем то, что называем добром. Если же человек направляет свое зло на что-то хорошее — мы называем это злом. Злом в его обычном, обывательском представлении. Вам говорили, наверное, в вашем иезуитском колледже: *Nullum malum sine aliquo bono!*

Последние слова Аросев переводить не стал — Экзюпери утвердительно закивал головой.

— Итак, добро и зло диалектически связаны. Невозможно любить хорошее без того, чтобы ненавидеть плохое. Следовательно, делать добро можно двумя путями: либо делать что-то хорошее, не препятствуя злу, либо активно бороться со злом. Ясно, что первый путь — это добро, так сказать, пассивное, потому что уклоняется от борьбы со злом. Ясно также, что второй путь — это добро активное, потому что не только не уклоняется от борьбы со злом, но активнейшим образом борется со злом. Спрашивается, какой же путь в наших условиях предпочтительнее?

— Как я уже говорил, зло в наших условиях чрезвычайно сильно. Уклоняясь от борьбы со злом, его не победить. Великий Ленин, — Экзюпери посмотрел на большой портрет над головой у собеседника, — учил, что нет ничего хуже слащавого интеллигентского непротивления злу. Наше общество нуждается не в пассивных наблюдателях, а в активных участниках великой стройки, в активных участниках борьбы со злом. Даже если эта борьба со стороны выглядит как зло.

Экзюпери напряженно думал. Сталин продолжал.

— Вот почему мы не просто помогаем человеку, не просто создаем материальную базу коммунизма, но активно боремся с теми, кто мешает строительству коммунизма. Вот почему мы не делаем слащавое интеллигентское добро, а активно уничтожаем зло.

Сталин замолчал, предоставляя слово Антуану.

— Ваши рассуждения, товарищ Сталин, совершенно неожиданны... Вы говорите не как большевик, а как проповедник, учитель, махатма. Я поражен, я взволнован!

— Он сагитирован! — взвизгнул Мехлис, перебив Аросева.

«Вот дубина, — подумал Аросев. — Услышал «agitant», и давай буквы переводить. Не доучка!»

Сталин, казалось, не обратил внимания на реплику Мехлиса.

— Это не случайно, товарищ Экзюпери. Мы с вами коллеги, вы иезуит, а я семинарист, в духовной семинарии учился. Одно дело делаем.

Сталин поднялся с кресла, за ним вскочил Экзюпери. Сталин протянул ему руку.

— И не читайте буржуазных газет, там пишут о нас неправду. О вас, иезуитах, тоже в своё время много неправды наговорили. Но ветер истории всё развеет.

— Я напишу... напишу книгу о Вас. Я уже придумал название: «Le Grand Prince du Moscou».

Мехлис, не дожидаясь, пока Экзюпери закончит, начал переводить:

— Он хочет написать о вас книгу, товарищ Сталин. Под названием «Большой принц Москвы».

«Опять не так перевёл, надо было «Великий князь Московский», — подумал Аросев.

Сталин задумался, сделал несколько шагов по мягкому ковру, постоял у окна. Внешне он был совершенно спокоен, волнение проявилось лишь в том, что у него внезапно усилился акцент.

— Ест мнэные, товарищ Экзюпери, что надо быт пАскромнее. Я всего лишь ученик Ленина. — Сталин поднял свои желтые глаза к портрету на стене. — Нет, даже не так. Я ещё только учусь быть его учеником.

Сталин помолчал.

— Назовите книгу «Малэнький прынц».

Попытка волшебства

Памяти Юрия Асланьяна (1955–2024)

В апреле ушел из жизни Юрий Иванович Асланьян, писатель, поэт, журналист, общественный деятель, член Союза российских писателей. Асланьян — автор многих книг; в разные годы он участвовал в различных поэтических объединениях: «Времири», «Политбюро», несколько лет возглавлял пермское отделение Союза российских писателей. Но в первую очередь он запомнится своим поклонникам как удивительно цельная и сильная личность, бескомпромиссный борец за справедливость против неправды, искренне переживающий судьбу страны и народа на затаяншемся сломе эпох.

В номере мы публикуем фрагменты незавершенного романа Юрия Ивановича. Он не успел дать ему название. Отдельные главы сгруппированы по имени главного героя будущего произведения: Юрий Колясников. Выбранный жанр, сплав художественного и публицистического, интервью и рассказа, характерен для многих произведений Асланьяна. И помогает лучше раскрыть затронутую тему истории человека и космоса, взаимосвязи личности, общества и мира в целом.

Также мы предлагаем читателю несколько стихотворений и выдержки авторского предисловия из книги Юрия Асланьяна «Печёрский тракт». Книга была издана почти пятнадцать лет назад и, возможно, не знакома читателям нашего журнала. Полагаем, что и человек, знакомый с этими стихами теперь, после кончины автора, увидит в них новые аспекты, сможет переосмыслить ранее прочитанное. Подборку предваряют воспоминания Анатолия Субботина, пермского поэта, друга Юрия Асланьяна.

Редакция

Чайка речного севера

В 1975 году я поступил в Пермский университет на филологический факультет. Приезжих первокурсников поселили в общежитии № 8. Чуть ли не в первый день в вестибюле ко мне подошёл юноша в армейских брюках и гражданской летней куртке. «Ты Анатолий Субботин?» — спросил. «Да». Познакомились. Это был Юра Асланьян.

Мы любили стихи и сами что-то уже писали. На втором курсе к нам присоединился ещё один поэт — Юрий Беликов. Участвовали в литературном кружке, который вела известный пермский редактор Надежда Гашева. По инициативе Беликова образовали группу «Времири» для совместных выступлений.

Юра Асланьян был общительным, весёлым человеком. А между тем за плечами его уже лежал страшный опыт: он служил во внутренних войсках, охраняя эзков на зоне особого режима. Он не писал тогда об этом стихов и вообще не любил вспоминать; рассказывал только, как, стоя на вышке в пятидесятиградусный мороз, читал наизусть «Евгения Онегина». Видимо, старался забыть свою армейскую жизнь, но душевная рана не заживала и требовала выплеска на бумагу. И позднее, в середине 1980-х, он принялся за прозу.

В 1985 году мы обитали с ним в общежитии ПАКБ (Пермское агрегатное конструкторское бюро). Юра приволок пишущую машинку и стал вечерами после работы что-то стучать. «Что пишешь?» — спрашиваю. «Повесть», — говорит. Это был «Сибирский верлибр» — первая из трех его повестей об армии. Слово «верлибр» в названии не случайно, ведь за прозу взялся поэт. Он работал над повестью довольно долго, оттачивая каждую фразу. Он один из первых (если не первый) в России написал о «дедовщине».

Если б житейские невзгоды Асланьяна исчерпывались одной армией! Смерть одного сына, болезнь другого, долгое обитание в коммуналке, работа журналистом, в которой постоянно сталкиваешься с людскими проблемами. Прибавьте к этому общественные коллизии (особенно в 1990-е, когда зоной стала вся страна) и мировую нестабильность. Согласитесь, трудно в такой атмосфере оставаться весёлым. Тем более если ты поэт и у тебя обострённое чувство несправедливости. Однако были и положительные моменты, которые помогали Юре стойко держать удар. У него была цель — стать писателем. И он стал им. У него были тёплые отношения с отцом, являющимся для него авторитетом и примером поведения. Наконец, у него было то, что называется любовью к малой родине. И в стихах и в прозе он воспел красоту Вишерского края.

В одноимённом стихотворении он назвал себя чайкой речного севера. Но я закончу цитатой из другого его стихотворения — «На берегу Вишеры»:

*Скудный свет миновавшего снежного дня
замирает на миг у вершины Полюда,
что когда-то к звезде возносила меня,
отчего моя жизнь никому не подсудна.*

Апрель 2024 г.

Мысли о жизни и ремесле*

О книгах и чтении

Долгое время в нашей семье не было даже маленькой библиотечки. Родительская жизнь в бараках, переезды с Урала в Крым и обратно, из одного жилища в другое, постоянная теснота и неустроенность не позволяли собрать ее. Книги стали появляться позже, когда мне было уже лет двенадцать. Чтение стало для меня главным интересом жизни. Это было похоже на волшебство русских сказок: только что ты был здесь — вот тебя уже нету, ты, допустим, в Англии XIX века. А через три года ты сам становишься волшебником: создаешь мир, которого до тебя не существовало! Ты бог, обреченный на вечную жизнь!

О поэзии шестидесятников

...Стадион «Лужники», где в шестидесятых годах собирались тысячи поклонников поэзии, оказался не ложей познания, гигантской лажей — имитацией поэтического мира древности. Через тридцать лет после стадионов поэзия была забыта — вместе именами тех, кто читал там поэму «Ленин в Лонжюмо». Про «Братскую ГЭС» вообще не вспоминаю.

Об эзоповом языке метафор

В те святые времена маститые профессионалы называли меня, участника семинаров молодых литераторов, графоманом, эпигоном, подражателем. Меня и других стихотворцев обвиняли в «идейно-тематической узости», зауми, даже — боже! — антисоветчине. Конечно, мы не любили советскую власть — не за что было её любить, — но сознательного противостояния ей не было. Нам, молодым, казалось, что империя вечна, как звезды над головой. Мы работали над созданием эзопова языка метафор.

О поэзии

Мне кажется, что качественный текст отличает не только «стилистическое единство», но он определяется такой чисто математической величиной, которую лично называю «коэффициентом ассоциативной сопряженности». Больше ассоциативных связей — меньше идейно-тематических фракций, — так понимаю поэзию. Тогда лазерный пучок чувства получается густым и целенаправленным. Такие тексты даются автору тяжелее, поэтому имитаторы поэзии разработали тома теорий, которые, казалось бы, оправдывают пустоту, разреженный воздух бездарных сочинений.

* Фрагменты из предисловия Юрия Асланьяна к книге избранных стихов «Сибирский тракт».

О медленной смерти

...поэзия поступка, открытия — это всегда риск оказаться в мертвом секторе мировой литературы. Например, риск быть непонятым. Вульгарный подход поэзии в советское время трактовал демократизм как понятность. В результате Союз писателей СССР стал кузницей графоманов, любое метафорическое творчество рассматривалось как антисоветское. Другим риском была возможность стать уничтоженным физически. Достаточно вспомнить Есенина, Маяковского, Мандельштама, Высоцкого. «Чем возвышенной жизнь, тем быстрее вечный ветер ее унесет», как написал замечательный поэт Игорь Шкляревский. Есть еще одна форма риска — это право на великую ошибку. Таковой для моего предыдущего поколения стала водка — как пассивная реакция на всеобщее ханжество и нивелировку личности. Этому российские поэты предпочитали медленную смерть от алкоголя.

О волшебстве

Конечно, со временем начинаешь понимать: важно не что, а как; если делаешь правильно, всё получается; высшая форма жизни — духовное самосовершенствование. Пусть человечество напишет еще миллионы книг, но то, что сделал ты, уже никто не повторит. Потому что это твой мир, другая жизнь, иной смысл. Хотя ты понимаешь всю обреченность своего существования. Поэтому называешь книгу только «попыткой волшебства», не более.

Юрий Асланьян

Главы из незаконченного романа

Братья

С Виктором Колясниковым мы познакомились в кузове грузовика, шедшего из поселка Вая к поселку Велс. Мы сидели под тентом, на тайгу спускались сумерки. Виктор — мужчина атлетического сложения в зрелом возрасте. Дорога была не столь долгой, сколь муторной — гравийная трасса в выбоинах, заброшенная властью, как и всё, что было севернее ее интересов. Значит, более половины страны.

Мы разговорились с Виктором. Он оказался ученым — кандидатом технических наук, преподавателем политехнического института. Был мастером спорта по гимнастике и путешественником. Он, можно сказать, относился к тому поколению, которое позднее назвали шестидесятниками. Они попали в оттепель — были свободными настолько, насколько им позволил генеральный секретарь, лысый и круглый, как Луна, которую он тоже собирался покорить. Первое послевоенное поколение, уже не голодное, образованное и более-менее одетое. Молодые люди занимались физикой, поэзией, туризмом и альпинизмом. Их несло в горы и выше. С космическими претензиями были люди!

Виктор шел со своим другом в тайгу. Рассказал о своем брате, тоже кандидате наук — только геолого-минералогических. Брата звали Юрий. Он был директором научного музея в Магадане. Стал создателем новой теории о воде.

— Сможете меня с ним познакомить?

— Осенью обещал приехать на научную конференцию в университет — я сообщу вам его телефон. Может быть, сможете договориться о встрече.

Виктор слово сдержал. В середине 1990-х мы еще не общались по интернету, поэтому встреча с ученым могла состояться только вживую. И это правильно!

Сотовых тоже не было. Поэтому я звонил Юрию Андреевичу из телефона-автомата, что на Городских горках у цирка. Людей в этот промозглый осенний вечер тоже не было. Поэтому никто не гнал меня из кабины. Желающих не было. А говорить пришлось долго, очень долго. Потому что ученый от встречи отказался, сославшись на занятость. Он был на конференции. Я, конечно, начал уговаривать его, приводя немыслимые аргументы о важности его теорий и гипотез. Но с магаданскими трудно, как я быстро понял — там же живут по правилу «не верь, не бойся, не проси». А тут какой-то звонок из холодной тьмы, где рэкет, убийства, чеченская война и голод. В конце концов он дал мне полчаса между какими-то заседаниями. Я приехал вовремя, с диктофоном, блокнотом и ручкой.

Удивился, что Юрий вообще не похож на своего брата Виктора. Это был человек небольшого роста, в костюме и галстук, далеко не богатырского телосложения, при этом нельзя сказать, что слабого — чувствовалась динамика геолога. А самое главное — лысая голова, с черепом, удлинённым вверх, напоминала образ инопланетянина. Ну или человека будущего, каким его рисовали в журнале «Знание — сила!». Объем мозга, видимо, был больше, чем у тех, с кем я встречался в жизни.

Я успел задать несколько вопросов, на которые мой собеседник ответил быстро, более-менее понятно и емко. Но ошибок в таком деле избежать сложно.

— Позвоните Виктору, — ответил он на мой последний вопрос, — брат в курсе всех моих теорий — он вычитает текст.

— Спасибо! — успел поблагодарить я. И Юрий Андреевич Колясников исчез за дверями какой-то аудитории второго корпуса университета — я когда-то учился в соседнем, но на гуманитарном факультете. Поэтому мне надо было расшифровать запись, понять, о чем идет речь, и написать внятный текст.

На это ушло две недели. Я встретился с Виктором и передал ему рукопись. Через пару дней он позвонил и сказал, что у него нет ни одного существенного замечания.

Текст появился в газете «Пармские новости» под заголовком «Человек, отменивший хиральную катастрофу». На черно-белом фото — Юрий Колясников с геологическим молотком в руке, который он держит перед собой, опустив его на каменную глыбу.

Через полгода текст стал победителем журналистского конкурса экологических материалов в столице.

Человек, отменивший хиральную катастрофу

Было пять часов десять минут местного времени, когда по предутреннему магаданскому небосклону промчался ярко светившийся болид — с северо-запада, от реки Омолон в верховье Кегали. С гулом и неземным громом.

Так описывали очевидцы появление метеорита 16 мая 1981 года. Один из них, Иван Тынавы, пастух оленеводческого совхоза, ближе других находился к месту падения космического пришельца.

О странной судьбе болида, получившего имя собственное «Омолон», мне рассказал директор Магаданского музея естественной истории Юрий Андреевич Колясников.

Минул год. Иван Тынавы шел по гребню одного из горных хребтов, когда увидел в лучах заходящего солнца черный камень с желто-зелеными глазками оливиновых вкраплений. Иван искал отколовшуюся часть оленьего стада и не знал, что такое оливин — космический брат

ювелирного хризолита. Метеорит лежал в метровой воронке, выдавленной ударом в мерзлом магаданском грунте. Тынавыи понял, что встретил того самого, который наделал много шума в прошлом году. Он притащил кусок, отколовшийся от метеорита, в поселок, где мужики разрубили его на крыльце совхозной конторы...

«Моя мама любила камушки и звезды», — эта фраза принадлежит Юрию Андреевичу. Он представлял себе потом, как разрубили топором кусок метеорита — вязкого космического металла, чистого, благородного, как золото, возникшего во Вселенной за полтора миллиарда лет до появления Земли!

Лицо Юрия Андреевича освещается тихой улыбкой посвященного. Как будто человек действительно может вообразить себе что-нибудь вроде ядерного взрыва планеты-гиганта, породившего метеоритный пояс.

Юрий Андреевич — потомок тех самых стрельцов Колясниковых, бунтовщиков, которых Петр Первый сослал на Урал. Дальше надо было... Через два с половиной века старший из братьев пермской семьи Колясниковых, Александр Андреевич, вернулся в столицу, окончил юридический факультет МГУ, жил в одной комнате с будущим президентом СССР. Следом поехал еще один брат — Владимир, ныне москвич, физик, кандидат наук, работающий в космической отрасли. В Перми живет Виктор, преподаватель политехнического университета, тоже кандидат наук. Младший, Николай, трудится инженером-технологом на Пермском заводе авиадвигателей. А гордость семьи — это Юрий, магаданский ученый, кандидат геолого-минералогических наук, охотник за золотом и метеорами, создатель поражающих воображение гипотез.

Во прет бунтарская кровь! И все вверх — в небо, к звездам. Ну, Петр I знал, кого отправлять на восток. Кому будет по плечу Магадан. Через два с половиной века.

Кто-то из тех мужиков высказал мысль, что это оплавленный кусок ступени ракетносителя. И тогда один из обрубков был отправлен в КГБ, специалисты которого, похоже, решили засекретить космического гостя, не обмолвившись с учеными ни словом. До сих пор.

...Наши руки одинаковы, согласитесь. Но если поднести ладони к зеркалу, то нельзя не заметить, что отображения друг с другом не совпадают. Это и есть хиральность — свойство той самой молекулы воды, модель которой создал сам Юрий Андреевич (одна из двадцати существующих в мире). Молекула имеет форму тетрамера. Который позднее и породил целое древо мыслей, называемых самим Колясниковым «крамольными».

Только в 1990 году в Магадане появился какой-то местный с куском метеорита и выдал себя за автора находки: там лес горел! Там воронка метров двадцать... Юрий Андреевич слушал его и тихо улыбался — он знал, что метеориты падают на землю всего лишь теплыми.

Вертолет приземлился километрах в пяти от хребта. И в тот день шел дождь — как всегда, в общем...

«Я — дитя войны, — говорит Юрий Андреевич о себе, — голода и холода...» Имея в виду свою неромантическую внешность: небольшого роста, худой.

Самостоятельную биографию начал автослесарем. Затем была археологическая экспедиция, в которой юношу за любознательность прозвали «младшим научным рабочим». На следующий год — геофизическая экспедиция. И в Пермском университете сначала решил специализироваться на этом предмете, но после первой же геологической практики понял — «мое дело — камни». Декан не разрешил — тогда Юрий взял и перешел сам. Три года отслужил в Германии командиром танка. Вернулся — и когда понял, что семейная жизнь не получилась, развернулся и уехал в Магадан. («Мой друг уехал в Магадан — снимите шляпу! Мой друг уехал в Магадан — не по этапу»). Поскольку знал азбуку Морзе, начал радиооператором в гидрометслужбе. Был рабочим геологического управления на Восточной Чукотке, в заливе Креста. А учебу завершил уже в Иркутском университете. Позднее защитил диссертацию по «Кремнисто-вулканогенным образованиям Корякского нагорья». Повидал страну человек, всё

может — руками и головой. Двадцать лет является научным сотрудником Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института.

Болид вывезли в Магадан. Он оказался весом в 250 кг, палласитом — редким железокаменным метеоритом. В настоящее время хранится в музее, который возглавляет Юрий Колясников.

В этом же здании находится позолоченный топор — нет, не тот, которым разрубали уникальный палласит на крыльце совхозной конторы. А другой, тридцать лет пролежавший в одном из магаданских рудников. Время сделало его золотым — и работа определенного рода бактерий.

О чем это говорит? Работать надо!

Еще 25 лет назад Колясников заинтересовался происхождением базальтовой магмы, а затем — ролью воды во всех магматических процессах. И последние пять лет одни в испуге отшатываются от него, а другие изумленно аплодируют.

— Самое главное качество камня заключается в том, что он не умеет говорить, — объясняет мне Юрий Андреевич, проявляя бесконечное терпение, — поэтому приходится говорить за него, что, конечно, развивает пространственное воображение. Так мне удалось создать новую модель воды — тетрамер, состоящий из четырех обычных молекул. Вода произошла из камня в самых недрах Земли — утверждает ученый. «Они сошлись — волна и камень...»

Над Магаданом часто идет то дождь, то снег. Вспомним сакраментальную фразу: снежинка рождается в результате конденсации морозного пара на неправильных кристаллах. А почему, спрашивается, тогда вырастает такая идеальная симметричная звезда? Модель Юрия Андреевича все объясняет по-своему: на высоте, где температура достигает –55 градусов, микрокапля воды покрывается ледяным панцирем, который с ростом внутреннего давления буквально взрывается! Благодаря структуре молекулы панцирь и сама микрокапля раскалывается на шесть правильных сегментов, наподобие разрезанного апельсина или распускающегося цветка лилии.

В одном издании я прочитал, это называли «сказочно красивой гипотезой, раскрывающей механику явлений, происходящих, как мы могли наивно предполагать, только в царстве Снежной королевы».

Вспомним загадку Лермонтова, который написал удивительную строчку: «Спит земля в сиянии голубом». Конечно, мы знаем, что небо бывает голубым, но кто мог 160 лет назад видеть Землю из космоса? Не буду утверждать, что поэт был прототипом собственного Демона, летавшего над грешною Землей. Но мысленно мы можем подняться на любую высоту и пройти сквозь время, минус пятьдесят пять, грозовое облако и ядерный взрыв Фаэтона, планеты-гиганта. Пройти насквозь.

Постоянное напряжение мысли порождает интуитивные прозрения.

Два года назад Юрий Андреевич просматривал геологическую карту окрестностей Магадана — и пришел к выводу, что она изготовлена неверно. Он взял с собой лаборанта, шофера с машиной, обыкновенный тазик, который использовал в качестве лотка для промывки грунта, и отправился в путь. Дорога шла между болотами, а потом стала такой, что водитель категорически отказался ехать дальше.

И опять над землей висел непрерывный дождь, как и тогда, вспомните, четыре миллиарда лет назад...

Правда, тогда это были горячие ливни, образовавшие кипящие водные бассейны. В которых и произошел синтез предбиологической органики на контакте с силикатным веществом, рождение живого белка и уникальная запись генетического кода в нуклеиновых кислотах.

Может быть, такие первобытные картины представлял себе Юрий Андреевич, когда лазил с лаборантом по окрестным хребтам и прикидывал, как формировался окружающий пейзаж. Затем вернулся к дороге и выкопал первый шурф прямо у машины. И в конце концов в лотке замерцал желтый металл...

После школы Юрий Асланьян служил во внутренних войсках МВД, охраняя зону особого режима в Краслаге

Поэтическая группа «Политбюро»: Владислав Дрожащих, Юрий Беликов и Юрий Асланьян

Понимаете, все дело в том, что тогда, четыре миллиарда лет назад, на Земле произошла хиральная катастрофа. Так считает группа ученых, которую возглавляет академик Виталий Гольданский, уже четверть века созидая пирамиду своей теории. В нас, оказывается, все аминокислоты имеют левовращающиеся цепочки, а сахара — правовращающиеся. Но куда делись правые у тех — и левые у этих? Они куда-то делись — четыре миллиарда лет назад — и это было названо хиральной катастрофой. Весь мир бьется над этой проблемой! А тут какой-то геолог, блин, с тазиком в руке... Золото он моет под Магаданом.

Результаты химического анализа были поразительны: желтый металл обернулся бронзой! Искусственным соединением. Юрий Андреевич тут же занялся архивами и разговорами со старожилами. И выяснил, что по этой дороге в сталинские времена вывозили бревна с лагерного лесоповала. И весь грунт был просто пропитан пылью, оседавшей с бронзовых втулок тракторов. Сколько же вывезено леса? А сколько погублено душ?

Хиральная чистота, правизна и левизна живого вещества, считается обязательным условием биопозза — сценария возникновения жизни. И тут Юрий Андреевич обнаруживает, что в его модели тетрамеры могут быть правыми и левыми. Не было никакой катастрофы! Ничто никуда не пропадало. В основе лежат правая и левая рука, дисимметрия молекул воды. Вода была матрицей жизни, генетического кода.

Второй раз по бывшей лагерной дороге Юрий Андреевич поехал один. Быстро соорудил небольшой кров из полиэтиленовой пленки и приступил к работе. В одиночку, вручную он выкопал глубокий шурф! И спустился бы дальше, но грунт пошел такой, что только буром взять можно (он всегда так: если берется, то копает до конца). Но сделанного оказалось достаточно, поскольку анализы показали: есть золото! За грунтом дороги, за бронзовой пылью, за неверными картами, за десятками экспедиций, поисков, ошибок, прозрений — есть золото!

Открытие месторождения запатентовано и в этом году получило имя «Вероника». В честь внучки магаданского ученого.

Все это происходило примерно в одно время — тогда, в самом начале, более четырех миллиардов лет назад: возросла вспышечная активность солнца, что привело к взрыву Фазтона

(Астерона), первому вулканическому пароксизму на Земле. Кроме того, процесс полимеризации белков и нуклеиновых кислот многократно ускорился жесткими излучениями взрыва Астерона.

Но меня волнует не это. С аргументами, будто с ножом к горлу, пусть подступают к нему узкие и пристрастные специалисты, академики, живущие в Москве, защитники химер хиральных катастроф.

Логичность и красота вытекающих друг из друга гипотез ученого является аргументом классического уровня. По крайней мере, они самодостаточны — и даже не требуют у государства денег на свою загадочную фундаментальность. Недаром Юрий Андреевич любит выражение Исаака Ньютона: «Природа проста и не роскошествует излишними причинами вещей».

Да еще в первой своей экспедиции, археологической, Юрий заинтересовался палеолитом. И недаром, наверное, ведь это каменный век! Каменный. Поэтому он знает, что и тогда уже были мамонты. Один из них, знаменитый мамонтенок Дима, сохранившийся почти целиком, живет в музее естественной истории. Ну а теперь — зубры, с которыми спорить бесполезно, про которых Макс Планк сказал, что надо просто ждать, когда они вымрут.

Кстати, в каждом из агрегатных состояний вода изменяет свою структуру, что позволяет иначе взглянуть на природу рака — и человеческой смерти вообще.

Юрий Андреевич иначе смотрит на сценарий возникновения жизни, грозового облака и шаровой молнии. Завершая свою книгу «Вода — всему начало», он пишет: «...если уж предполагать наличие во Вселенной Высшего Разума, то его материальным воплощением на Земле является мудро сотворенная природой конституция воды, которая играет роль главного дирижера буквально всех процессов, непрерывно идущих в нашей биосфере все четыре миллиарда лет ее эволюции».

— Когда я улетал из Магадана, там пошел снег, — обронил Юрий Андреевич фразу, почему-то показавшуюся мне немного грустной.

А я представил себе, как над Нагаевой бухтой одновременно взрываются миллиарды микрокапель, покрытых ледяным панцирем, и падают, раскрываясь белыми лилиями, в суровые волны Мирового океана.

Омолон

За окном шел теплый август... Я сидел в редакции и писал текст о том, что война — это преступление, каким бы бархатом наградных подушечек его ни прикрывали. Шла Первая Чеченская. Давным-давно Лермонтов написал об этом в стихотворении «Валерик»: «Хотел воды я зачерпнуть... (И зной, и битва утомили меня), но мутная волна была тепла, была красна». Э-э, людей по-прежнему резали тысячами.

Тут раздался звонок. Я сразу узнал голос человека, с которым разговаривал только один раз. Узнал — и удивился, что он мне звонит.

— Вы первый журналист, который написал обо мне и моих гипотезах без ошибок, — сказал Юрий Андреевич Колясников сразу после слов приветствия. Ну, поднял мне настроение, конечно.

— Вы пиво пьете? — спросил он. И поднял мое настроение еще выше.

Мы встретились с ним у кафешки «Блиндаж» и заняли столик.

Колясников был в хорошем настроении, а что — на родине, у брата, летом... В брюках и легкой рубашке навыпуск. Отпусник!

Я понял, что ему нужен был такой слушатель, как я — внимательный и доброжелательный. Только достаточно подготовленным назвать меня было нельзя. Но я все равно старался запоминать рассказы ученого. Тем более что он мне тут же подарил свою новую книгу. Потом я мысленно дописывал свой первый текст. Записывал, что запомнил.

Вертолет приземлился километрах в пяти от хребта. И в тот день шел дождь — как всегда, в общем... И тогда, когда на Землю упала первая капля воды, с которой все это началось.

Юрий Колясников шагнул за Иваном Тынавью и не думал о том, что он, Юрий Андреевич — геолог, что ему до неба? Тем более об этом не думали Тынавья и три других пастуха, шедших за ученым.

Они поднялись выше елового леса и двигались по едва заметной тропе в открытой, чудесной, ветреной зоне криволесья. Над перевалом и выше, над плоскогорьем, висел тот самый туман, из-за которого вертолет не мог подняться сюда, опасаясь неожиданно нарваться на какие-нибудь скальные выступы. Дождь продолжался с упорством, равным четырем с половиной миллиардам лет.

Колясников думал о том, как мог возникнуть во Вселенной шарик из сгустка горячей плазмы. Почему он, добела раскаленный, остывал полмиллиарда лет. И как более четырех миллиардов лет назад на нем начала образовываться литосфера — каменная кора. Он пытался представить себе это зрительно, и приходил в тихий восторг от фантастической картины. Это был самый неизведанный этап в истории Земли, над которым размышляли ученые всего мира.

Все это происходило примерно в одно время — тогда, в самом начале, более четырех миллиардов лет назад: резко возросла вспышечная активность солнца, что привело к взрыву суперпланеты Фаэтон (Астерон) и первому вулканическому пароксизму на Земле. Кроме того, процесс полимеризации белков и нуклеиновых кислот многократно ускорился жесткими излучениями взрыва Астерона, находившегося тогда в экстремальном предзвездном состоянии. Произошла гигантская космическая катастрофа — субъядерный взрыв планеты с образованием пояса астероидов, метеорных роев и долгопериодических комет.

Тогда, четыре миллиарда лет назад, начался тот самый биопоэз Земли, благодаря которому сегодня на ней существует все живое, в том числе и наше безумное человечество. Тогда формировалась твердая кора Земли. И наступил такой момент, когда на ее поверхность упала первая капля воды...

Это была отмашка Господа Бога — капля Жизни, с которой началось все. Первые дни творения... За первой каплей полетели другие, хлынули горячие ливни, создавая на Земле кипящие водные бассейны. И в этой экстремальной обстановке произошел синтез предбиологической органики, рождение живого белка и уникальная запись генетического кода в нуклеиновых кислотах.

Представить себе это, сидя в кафе в центре миллионного города, было невозможно. Но Юрия Андреевича было не остановить. Летел, как в космосе.

Самое темное время в истории Жизни. А потом уже появились протобионты, микросферы, коацерватные капли, вирусы и простейшие бактерии. Но как совершился этот переход — от первородного бульона к живому клетчатому организму? Колясников заметил, что не мог не согласиться с Вернадским, который утверждал, что этот бульон был «гипотетически особой, отличной от видов, неизвестной нам формой живого существа». Но ни один исследователь в мире не заподозрил, какую роль в зарождении жизни сыграло самое распространенное в мире вещество... Заподозрил в этом биопоэз геолог Юрий Колясников. Мой собеседник развил свою сказочную гипотезу до уровня Вселенной. Конечно, это был не собеседник, а профессор, читавший лекцию первокурснику.

В тот день Колясников рвался к седловине водораздела, предчувствуя самую главную встречу своей жизни. Предчувствуя, но не зная, что эта встреча была назначена ему Богом четыре с половиной миллиарда лет назад. И вот — свершилось.

Пастухи соорудили из жердей носилки, на которые уложили небесного гостя, оказавшегося самым большим из известных людям палласитов — промежуточного класса железокосменных метеоритов. Пять километров они тащили эти двести пятьдесят килограммов к ожидавшему

их вертолету. Посланец мировой вечности покачивался в их руках и таинственно мерцал на черном, как ночное небо, оплавившемся теле метеорита звездным, желто-зеленым светом оливины.

Точные сведения о времени и направлении полета палласита необходимы для вычисления траектории полета и возможной орбиты в Солнечной системе. «Омолон» догонял Землю на скорости не более десяти километров в секунду, и поэтому совершил столь мягкую посадку.

Позднее в архиве Комитета по метеоритам при АН СССР было обнаружено письмо техника метеостанции в поселке Омолон Константина Чередниченко о том, что 16 мая 1981 года, в пять часов десять минут местного времени, он наблюдал в небе яркий болид. Но комитет лапой не шевельнул, как мамонтенок Дима.

Кстати, метеоритам дают имена по названию ближайшего населенного пункта, поэтому палласит стал «Омолон». С четырьмя буквами, похожими на орбиту Земли.

В аэропорту Юрий и фотограф Владимир с помощью пилотов загрузили Омолон в машину и привезли его к зданию Академии, в котором находился геологический институт и музей. Колясников обошел все коридоры и кабинеты, открывая двери с одной искренней просьбой: «Братцы, помогите метеорит выгрузить, тяжелый!»

Он спустился на крыльцо, подождал, но ни один человек на помощь не вышел. Прошло четыре миллиарда лет. Над Магаданом висела белая водяная взвесь — завершались последние дни творения.

Юрий Андреевич грустно улыбался, глядя мимо меня — в бездну безглазого человеческого существа, имя которого тьма.

На тех самых коряжских носилках два невеликих человека стащили небесного гостя из кузова и с остановками, осторожно донесли его до музея, поставили в угол. Когда повернулись, увидели, что за их спинами стоит уже человек двадцать и с напряженным вниманием и удивлением смотрит на загадочный метеорит, похожий на кусок золота, похожий на гигантский самородок, только что добытый из недр черной Земли.

Вес самого Юрия Андреевича был шестьдесят килограммов. Позади всех Юрий Андреевич заметил полное лицо Василия Федоровича Петрова, его внимательный крысиный взгляд.

— А что с вашим месторождением?

— Конечно, два часа по трассе от Магадана — золото. Да, было — в мерзлоту вперся... «Ты че делаешь?» — говорят мне. Через полчаса — метровая глубина. А теперь создано российско-американское предприятие, говорят: «Но вы же соглашаетесь работать за эти деньги — триста долларов...»

Путь Юрия Колясникова к магаданскому золоту начался в верховьях Вишеры, на берегу ее притока, таежной речки Мойва, которая переводится с мансийского как «бобровая река»... Рядом работал ровесник — молодой Игорь Попов, который через полвека станет директором заповедника, куда войдет и Вишера, и Мойва, и Тулымский хребет с другими вершинами Северного Урала.

Юрий смотрел на золото восхода, стекающего со склона Тулымского хребта, и думал о том, что его ждет в большом мире, за этими камнями, которым миллионы лет... Это была его третья геологическая экспедиция. Он еще не знал, что это его последняя уральская экспедиция. Он думал о золоте, которое мыл на Мойве, о молодой жене, оставленной им в Перми. Иногда хмуρο вспоминал голодное военное детство...

В Магадане он узнал, что в тридцатом году начальником 4-го отделения Соловецких лагерей особого назначения был знаменитый чекист Эдуард Берзин, тот самый — из латышских стрелков. Один из создателей империи ГУЛАГ. Потом его отправили сюда, в Магадан, куда он попытался зазвать с собой и Варлама Шаламова, отбывавшего тогда на Вишере, в устье Вижи-и. Да, того самого Шаламова, беспощадного писателя. Тот самый отказался, будто знал, что его срок еще не пришел. Магаданцы, впрочем, как и вишерцы, запомнили Эдуарда Берзина

либералом — наверное, потому, что позднее познакомились с Петровым. А после Петрова любой маньяк и придурок покажется либералом. Получалось, что Колясников прошел по пути Берзина, создавшего на берегу Нагаевой бухты золотой город смертников.

Вижаиха, Вижаиха — речка моего детства... Кстати, кто такой Берзин? Официальная информация такая. С детства изучал в Риге малярное дело. Позднее окончил Берлинское художественное училище. В Латвии был призван на военную службу. Воевал на Первой мировой войне. После революции участвовал в формировании артдивизиона Латышской стрелковой дивизии. В 20-х возглавил строительство треста «ВИШХИМЗ» (Вишерские химические заводы) для строительства секретного завода по производству боевых отравляющих веществ на вооружение РККА и целлюлозно-бумажного комбината в посёлке Вижаиха. Работы проводились силами заключенных Вишерского отделения Соловецкого лагеря особого назначения, ставшего самостоятельным лагерем. В ноябре 1931 года он был назначен директором треста «Дальстрой». В бухту Нагаева прибыл на пароходе «Сахалин» 4 февраля 1932 года. Расстрелян в 1938 году в Магадане. Уже после смерти Сталина Эдуарду Берзину был поставлен памятник, который стоит и поныне, а его именем названы улицы города Магадана и Красновишерска. А в Перми он попал в золотой список почетных граждан области.

Магаданский друг Колясникова философ Борис Васильевич Григорьев видел выписку из протокола заседания комиссии об исключении Берзина из партии большевиков, подписанную «зам. вр. и. о. председателя партийной комиссии», что в переводе на русский язык может звучать так: «заместитель временно исполняющего обязанности председателя партийной комиссии». А это значит, писал философ, что самой комиссии или вообще не было, поскольку большинство магаданских большевиков к этому времени уже было арестовано, или то, что подписал ее человек, которого принудили под страхом ареста. Место легендарного Берзина занял его коллега Петров... Что Академия наук — это известно даже школьникам.

На следующий день после нашей встречи Колясников улетел в Архангельск на очередную научную конференцию. Вернулся в Пермь через год. Это я помню точно. А вот геология — далеко не точная наука. Пять миллиардов лет — и жизнь человека. Как это можно сравнить? Что скажут натурфилософы? Технократы? Геологический объект — одно уравнение со многими неизвестными. Человеческая жизнь тоже.

Опять были в «Блиндаже». Но на этот раз мы пили вино. Он рассказывал, как мыл в луже лотком пробу из шурфа. Отогревал руки — и снова мыл. 22 грамма на тонну грунта. Это называется золотометрия. Граммы на куб. Промышленная концентрация.

— Золото передвигается, — сказал он, — в этом году передохну.

Я не стал уточнять, куда движется золото.

— Что оппоненты? — спросил я.

— Я им сказал: вы в этой книге ничего не понимаете! Я устал бороться. В российской науке правит мафия. Впрочем, как и в стране... Я предсказал свойства нового элемента, назвал его юривер: Юрий — Вероника.

Да, чувствовалось, Юрий Андреевич устал.

Новый элемент? Это да... Мы сделали еще по глотку испанского вина за Дмитрия Менделеева с его таблицей.

— Есть конкретные люди, которые не дают вам жить?

— Есть, конечно... — ответил он не сразу. — Вспомнил, был у меня случай, когда я в Германии служил... У нас один капитан любил пошутить над солдатами... Шутник был. Незаметно подкрадывался в штабе части к посту №1 — у знамени полка. И если видел, что часовой заснул, то сдергивал у него с плеча автомат. Двух солдат отправил таким образом на гауптвахту, а последнего — в дисбат, дисциплинарный батальон, хуже которого в мире ничего нет...

— Да, если каждую ночь не спать, а днем бодрствовать, то с любым может случиться — заснет!

— Это точно, — согласился Юрий Андреевич, улыбнувшись, — солдат в карауле почти не спит, а нужно шесть-семь часов непрерывного сна, чтобы ничего не случилось. Не заладились у меня отношения с этим капитаном — и попал я в карауле на пост №1. А там всегда стоят с заряженным магазином. Воинское знамя части — святыня. Я заступил на пост в четыре ночи, через час, кто стоял — знает, в пять-шесть начинается самое сладкое время — часовой может отключиться незаметно для самого себя. Я опустил предохранитель и начал ждать нападения...

Колясников затянулся сигареткой, посмотрел во тьму, будто в сторону моря, выпустил дым.

— А он не пришел...

— Слава Богу... — покачал я головой. — А в Магадане тоже такой капитан есть?

— Имеется у нас один такой — заместитель директора по хозяйственной части, Петров... Все золото у меня выпрашивает, считает, что я богатый, коли месторождение открыл. Видимо, о моей домашней коллекции минералов что-то слышал. А минералы — это же не золото, не рубины с алмазами. Так, самоцветы... Правда, встречаются редкие экземпляры...

Колясников рассказывал мне о сыне легендарного Петрова... Потом о самом Петрове. Который начал с того, что сразу раскрыл в Магадане крупный заговор против советской власти. По «Делу о Колымской подпольной антисоветской троцкистской террористически-повстанческой вредительской организации» было организовано и осуждено более двухсот человек, в том числе и Берзин, уехавший тогда в отпуск. Всех обвинили в том, что они вывозили за границу и продавали японцам золото. Донос в органы подписала машинистка, которая якобы видела документы о вывозе и продаже золота.

На самом деле подпольную организацию создал сын Петрова — в мафию вошли сыновья чекистов, чиновников, эзков и сами эзка. Мальчики в дорогих черных костюмах. Чтобы советская сказка стала былью, понадобилось шестьдесят лет после того, как Берзина сняли с поезда под Москвой и расстреляли. В 1997 году магаданский губернатор продал иностранцам золотые прииски и произошло сращение администрации с уголовным миром лагерного края.

В своей магаданской квартире, закрыв глаза, он видел себя за Полярным кругом, севернее Корякского нагорья, в долине левого притока Колымы в ее нижнем течении. Он видел тамошние закаты, по причудливости рисунка и расцветки напоминающие сердолик. Наверное, потому что аллювий реки Седедемы имеет самую крупную и богатую россыпь этого камня. Он видел строевые лиственницы высотой более десяти метров и сохатых великанов, с хозяйским спокойствием подходивших к палаточному лагерю.

Северо-восток России — богатейшая провинция мира по запасам изумительных самоцветов. Одних проявлений халцедонов известно более пятидесяти.

Вспоминал, как ползал по речной гальке в поисках уцелевших образцов агатоносных вулканитов. Потом, изучая их минералогический и химический состав, он приходил к выводу о щелочной тенденции камешков, а следовательно, слегка повышенной радиоактивности. Аналогичные вулканиты на водоразделе с Индигиркой уже не агатоносны — редкий халцедон имеет там невзрачный цвет.

Юрий Андреевич говорил так, будто забыл про мое присутствие. Он видел не меня, он видел, как текла по горному склону багровая гранитная магла, пытался представить себе, как выделялась из нее вода с начальной температурой 650 градусов. Как проникала вода в микротрещины, поры и капилляры пород, богатых кремнеземом. Как возникали агаты и ониксы. Там, в глубине земли, под гигантским давлением, будто скручиваясь от него в концентрические круги, формировались рисунки агатов. Иначе — один из халцедонов, тонковолокнистой разности обычного кварца... Он же — сердолик, карнеол, сапфирин и так далее, если исходить из окраски халцедона, обычно имеющего серый цвет.

Концентрическая полосчатость агатов похожа на какую-то ритмику, как годовые кольца деревьев. Параллельная полосчатость ониксов связана с гравитационным осаждением геля кремнезема в условиях низкого, почти атмосферного давления.

— У вас большая квартира?

— Нет, — улыбнулся он, — однокомнатная, жена умерла... Действительно, я живу во дворце из книг и самоцветов, один, как бог.

— Понятно... В наше время надо иметь стальные двери и сигнализацию, вы знаете об этом?

Юрий Андреевич молчал. Может, он думал о том, что железные двери не помогут, если что. Если что... Если как... Мой друг приехал в Магадан не по этапу. Даже могущественному Берзину и его подручным нашли место в земле.

Место там всем найдется...

— На Петрозаводской конференции меня пытались критиковать: солнечное воздействие на Землю — вулканы... Понимаете, земля прозрачна для нейтрино — и они работают в нашем ядре, в нас. Магнитные бури напрямую влияют на эритроциты, которые начинают перестраиваться. Ни электромагнитные, ни корпускулярные частицы так не действуют. Эта компонента — нейтрино — была обнаружена только в 1956 году, около атомных реакторов. А вот как ведут себя квантовые жидкости с нейтрино, никто не знает. Ионные насосы в нас — кальциевые насосы в мембранах эритроцитов — скорость три миллиона ионов кальция в секунду. В эритроцитах — пять тысяч — невозможные масштабы, невообразимые. Представляете?

Я не представлял. Но кивал головой. Я вообще не понимал, о чем он говорит. Но слушал, как мамину сказку в детстве.

— И каждый раз переключение должно происходить с помощью нейтрино. Реликтовые излучения, изотопные, также в нас работают. Опыт Дэвиса показал, что ночная сторона Земли имеет меньший уровень нейтрино. В два раза. Детектор... Крутится вместе с Землей.

Мне, конечно, очень интересен был опыт Дэвиса, но я не знал, что это такое. А прерывать ученого боялся.

— Кстати, пермский профессор Тестов сказал, что в Средние века я был бы почетным алхимиком! — неожиданно рассмеялся Юрий Андреевич, заметив мое изумленное лицо: по моим глазам, видимо, можно было понять, что я переполнен реликтовыми излучениями.

— Конечно, чтобы одна скважина дала нефть, нужно пробурить сто скважин. 99% наших знаний — гипотезы, пустое, придуманное. Организаторы конференций... Они выходят на меня потому, что мне можно доверять. Это-то они знают.

— А что из себя представляет ваш Геологический музей?

— Наш музей — это семь чудес музейного света: метеорит, древнейшее вещество нашей Солнечной системы — палласит Омолон, ему 5,7 миллиарда лет, он старше Земли. Вы можете представить себе это время? — рассмеялся Юрий Андреевич. Тут же — самый крупный железный метеорит в России Билибино весом около тонны. И 16 метеоритов, найденных при обработке золотых россыпей. Дальше — копия мамонтенка Димы, мы с вами о нем тоже говорили, плюс нога взрослого мамонта с живой ДНК. Кроме того, крупнейший в мире фульгурит — след от удара молнии в землю — 4,5 метра, расплюснутый песок 25–30 см, труба. А также ударные стекла — импактиты из взрывной структуры озера Эльгыгитын! И еще — коллекция агата из 50 месторождений. Ониксы! Рисунки, картины... Каменная сказка: сто квадратных метров пола, покрытого полированной плиткой из приморского скарна. Коллекции — на втором этаже. Завидуют нам, на такой малой площади — такие богатые собрания самоцветов. Динамика, четыре миллиарда лет геологической истории, вплоть до человека. Тогда на Земле произошла первая вспышка вулканизма, пролились первые горячие ливни и возникла гидросфера, в которой появилась жизнь. Именно тогда вода стала матрицей при уникальной записи генетического кода в ДНК. Время волшебства!

«Шаг за шагом, — сказал Колясников, — по 10 миллионов лет каждый...»

И о воде, конечно.

Да, самое главное — это вода. Дороже алмазов с рубинами. Вода должна замерзать при минус 95 градусах. Аномальная система. Роль «аш два о» играют более тяжелые ассоциации.

Рентгенограмма работает на трех уровнях ассоциации. Биологи держатся на «аш два о». Димеры являются сигналами опасности. Синтез белка — высокая скорость. В каждой клетке — строгий контроль, чтобы не появлялись димеры, вирусы, канцерогены, радиация. Димеры — появляется сбой интерферона — глушит димеры. Приспосабливаются к водной матрице. «Если он научится еще и летать, то всем нам крышка». «Аш два о», господа, — это тупиковая модель. Разные агрегатные состояния. Целые институты работают! Тетрамеры — этот эксперимент показался специалистам диким. Заретушировать выводы! В крови специалистов — более 20 модификаций 270 гр. На следующий день Юрий Андреевич улетел в Москву.

Юрий Асланьян

Стихи из книги «Печорский тракт»

Библейская баллада

Проволоку лесоповальной зоны
брали чисто и наверняка
двое заключенных в черном, как вороны,
распластавшись в ножницах прыжка.
И хоть в подсумке хватит пуля на всех,
не тяжелей закона магазины —
мне первый выстрел надо сделать вверх,
чтобы потом не промахнуться в спины.
Заросли густы и высоки,
в зарослях бежать нужна сноровка,
мне стрелять с колена не с руки,
впрочем, и с руки стрелять неловко.
Я настиг сбежавших у ручья
и сказал им: «Граждане, стоять!
Все равно — не пуля, так статья,
всем троим свободы не видать!»
«Побежишь, когда захочешь пить, —
процедил сквозь зубы старый бич, —
чистая вода здесь, может быть,
сам попьешь, коли сумел настичь?»
Показал мне зубы бич, спустив,
как с цепей, прокуренную стаю!
...Я был молод и самолюбив,
глуп я был, как нынче понимаю.
И я лежа — за глотком глоток —
выпил чашу беглого суда.
По законам каторжных дорог
мертвой стать могла моя вода.
Был бы Бог, то я бы попросил,

чтоб библейскими законы были:
я бы мог убить, но не убил,
и меня могли убить, но не убили.

1987 г.

Памяти Николая Бурашникова

Я в шубе буду —
не позабуду,
как в эту зиму
птенцы чирикали,
селитрой чиркали,
курили «приму»
у барака...

А поезд шел —
чирик-чик-чик,
а поезд шел —
чирик-чик-чик,
а поезд шел
в Чикаго.

Не кони — яки,
сiju в бараке:
дым, чад —
и только зубы
да балалайки
стучат.

Туда везут гурты
скота,
телята лезут
из гурта,
а мы не видим
ни черта
мясного...

Уже с утра
идет игра —
я ставлю слово,
пацаны!
Меня, конечно,
наградят
за вклад
кромешный
в детский ад
страны.

Жгу коноплю,
пшеницу пью,
окрест
я даже сукам
не сулю
венки на крест.

Крепка веревочка,
прозрачна водочка —
и в стакане
сверкнула мне
иголочка
на дне.

Пошла рука —
не до УКа —
чирик-чик-чик —
я достаю из сапога
свой ножичек.

Один удар —
за божий дар,
другой — за наглость!
И сразу кончился
базар,
как гласность.

Я не запомнил,
как потом
меня ломали —

это лом,
печальные слова,
Шопен, соната номер два,
«Прощание славянки»
на вокзале.

Легко мне,
Боже,
пылью книг
дышать в прихожей.
Я не запомнил
этот миг,
не понял, Боже,
не постиг,
что выдержит бумага...

А поезд шел —
чирик-чик-чик,
а поезд шел —
чирик-чик-чик,
а поезд шел
в Чикаго.

2003 г.

Автобиография

Я родился в советской стране
и достиг восемнадцати лет,
чтоб наставники выдали мне
аттестат и военный билет.

Я носил полумесяц пилотки
со звездой, постигая, что главное —
это танкеры крови и водки
для теории доктора Дарвина.

Я в российском университете
изучал золотую латынь
и не думал о том, что на свете
целый шар танкодромных равнин.

Я работал на тайном заводе,
охраняемом, как мавзолей,
будто психобольным на разводе
не хватало публичных соплей.

На конвейерной ленте забоя
я забил на бригадный подряд
и не знал никогда, что такое
«Гиацинт», «Ураган» или «Град».

Я не видел системную смерть,
но я думаю, что — в самом деле —
нас не надо сегодня жалеть,
ведь и мы никого не жалели.

Пили первые слезы свои,
и, быть может, за эту науку
мы достойны последней любви,
как инъекции в сонную руку.

1999 г.

«Черный» январь

Пуская в расход и по миру
своих желторотых,
держава,
как прежде, встает по ранжиру
и скулы воротит направо.

У пули сместили центр...
А в центре поставили свечи.
Стрелял боевой офицер
на звук непонятной речи.

Он был в Будапеште, в Кабуле —
с пакетами крайних мер...
Ну, сдвинули центр у пули,
подумаешь — телецентр!

У вас, офицер, супертехника,
холодный, как в морге, мозг,
саперный дизайн
и эстетика
воздушно-десантных войск.

Куда вы водили тачанку?
Куда она вас заведет?
Где ляжет лицом на брусчатку
ваш неблагодарный народ?

С калибрами крайних мер
сверяя прицелы в строю,
стреляйте на звук, офицер,
поскольку я вслух говорю.

1991 г.

Вишерские сны

Сны, они приходят на рассвете — сны,
Как будто чувство неразгаданной вины,
Как будто я спешу туда который год,
Но до земли не долетает вертолет.

В тот листопад и снегопад возьми меня,
Туда, за розовый Тулым, за кромку дня,
Возьми в тайгу, в долину ту, в тот водопад,
Который пламенем березовым объят.
Возьми меня — я ничего не побоюсь,
Я полечу, я поползу, но я вернусь.

Пыль поднимает на рассвете, пыль,
Взлетая, борт, который выше моих сил!
И я лечу, и я спешу туда — за край,
Где явь и свет, где сон и бред, где ад и рай.

О, этот край, который Господом забыт,
Я там рожден, я там крещен, я там убит!
Залитый кровью и брусникою гранит,
Покрытый патиною бронзовый зенит.
Гольцы, останцы и курумы бытия —
Я все равно туда вернусь, где ты и я.

Сны, они приходят на рассвете, сны,
Как будто чувство неразгаданной вины,
Как будто я лечу туда который год,
Но до креста не долетает вертолет.

О, этот крест, зажатый в каменной руке,
За всех погибших, всех расстрелянных
в тайге,
За стариков, лежащих в соснах и песке,
За пацанов, сгоревших в лагерной тоске!
О, этот мир, который полон бытия,
Где мать моя, где мой отец, где ты и я...

2004 г.

Джон Берджер

Из книги «Конфабуляции»

Перевод с английского Андрея Сен-Сенькова

Автопортрет

Я пишу около восьмидесяти лет. Сначала писал письма, затем стихи и речи, позже рассказы, статьи и целые книги, теперь же пишу заметки.

Писательство для меня жизненно важно; оно помогает осмыслить происходящее и двигаться дальше. Письмо, однако, является ответвлением чего-то более глубокого и общего — нашего взаимоотношения с языком. И тема этих заметок — язык.

Давайте начнем с рассмотрения процесса перевода с одного языка на другой. Большинство современных переводов являются техническими, тогда как я имею в виду литературный перевод. Перевод текстов, касающихся индивидуального человеческого опыта.

Традиционный подход к переводу предполагает изучение слов какого-то языка на какой-то странице, а затем перевод их на другой язык на другую страницу. Это включает в себя и так называемый дословный перевод, и адаптацию с учетом лингвистических традиций и правил

языка и, наконец, работу по воссозданию эквивалента «голоса» оригинального текста. Многие, а возможно, и большинство переводов выполняются в соответствии с этим, и результат получается хоть и достойным, но второсортным.

Почему? Потому что истинный перевод — не бинарный между двумя языками, а треугольный перевод. Третья точка треугольника — то, что стояло за словами оригинального текста до того, как он был написан. Истинный перевод требует возврата к до-вербальному.

Мы читаем и перечитываем слова оригинального текста, чтобы проникнуть в них, постичь, прикоснуться к видению или переживанию, которые их вызвали. Затем мы собираем то, что там нашли, берем эту трепещущую, почти бессловесную «вещь» и помещаем внутрь языка, на который ее нужно перевести. Теперь главная задача — убедить язык принять и приветствовать «вещь», которая ждет, чтобы ее сформулировали.

Эта практика напоминает нам о том, что язык не сводится к словарю или набору слов и фраз. Он также не может быть сведен к пониманию произведений, написанных на нем.

Разговорный язык — тело, живое существо, чья физиогномика вербальна, а внутренние функции лингвистичны. И домом для этого существа является как неоформленное, так и сформулированное.

Рассмотрим термин «родной язык». В русском языке этот термин так и звучит — «родной язык», что означает «самый близкий» или «самый дорогой». В конце концов, его можно назвать «любимым языком».

Родной язык — наш первый язык, который мы слышим в младенчестве из уст матери. Отсюда логика термина.

Я упоминаю об этом сейчас, потому что язык, который я пытаюсь описать, несомненно, женского рода. Я представляю его центр как фонетическую матку.

В пределах одного родного языка находятся все родные языки. Или, другими словами, каждый родной язык универсален.

Ноам Хомский блестяще продемонстрировал, что все языки — не только вербальные — имеют определенные общие структуры и порядок. Таким образом, родной язык связан (рифмуется?) с невербальными языками, такими как язык знаков, поведения, пространственного размещения.

Когда я рисую, я пытаюсь разгадать и расшифровать некий текст образов, который, как я знаю, уже имеет свое, пока неопишное, но надежное место в моем родном языке.

Слова, термины, словосочетания можно отделить от сути языка и использовать как ярлыки. Они становятся инертными и пустыми. Использование аббревиатур — самый простой пример. Сегодня большая часть политического дискурса состоит из слов, которые, будучи отделены от языка, являются инертными и мертвыми. И такое мертвое «словоблудие» стирает память и порождает безжалостное самодовольство.

Что побуждало меня писать на протяжении многих лет, так это чувство, что о чем-то нужно рассказать и что, если я не попытаюсь, это рискует остаться невысказанным. Я представляю себя не столько последовательным профессиональным писателем, сколько человеком, заполняющим пробелы.

Написав несколько строк, я позволяю словам вернуться к сути их языка. И они мгновенно распознаются и приветствуются множеством других слов, с которыми у них есть сходство в значении, или противопоставление, или метафора, или аллитерация, или ритм. Я прислушиваюсь к их разговору. Они спорят о том, как я использую выбранные слова. Они сомневаются в том, какую роль я им отвёл.

Поэтому я модифицирую строчки, меняю одно-два слова и представляю их снова.

Начинается другой разговор.

Так продолжается до тех пор, пока не раздастся тихий шепот предварительного согласия. Затем я перехожу к следующему абзацу.

Начинается следующее обсуждение...

Люди называют меня писателем, пусть так. Но я сукин сын — и вы догадываетесь, кто эта сука, не так ли?

Подарок Розе

Роза! Я знаю тебя с детства. И сейчас мне вдвое больше лет, чем было тебе, когда тебя забили до смерти в январе 1919 года, через несколько месяцев после того, как вы с Карлом Либкнехтом основали то, что впоследствии получило имя Коммунистическая партия Германии.

Ты часто покидаешь страницу, которую я читаю, а иногда и страницу, которую я пытаюсь написать; приходишь, чтобы присоединиться ко мне, вскидывая голову и улыбаясь. Ни одна страница и ни одна из тюремных камер, в которые тебя постоянно сажали, не могут удержать тебя.

Я хочу тебе кое-что подарить. До того как этот предмет подарили мне, он находился в городе Замосць на юго-востоке Польши. В городе, где ты родилась в семье лесоторговца. Но связь тут с тобой не так проста.

Этот предмет принадлежал моей польской подруге Янине. Она жила одна: не на элегантной главной площади, как ты первые два года жизни, а в тесном домике на окраине города.

Дом Янины и ее крошечный садик были полны растений в горшках. Растения в горшках стояли даже на полу в спальне. И больше всего на свете она любила указывать гостям пальцами пожилой женщины на особенности каждого растения. Они были ее друзьями. Она сплетничала и шутила с ними.

Несмотря на то что я не говорю по-польски, Польша — европейская страна, в которой, пожалуй, я чувствую себя как дома. И разделяю с поляками некоторые их взгляды на приоритеты. Большинство из них не интересуется политикой, потому что они пережили все мыслимые виды дерьмовой власти. Они знают толк в том, как обходить препятствия. Они постоянно изобретают уловки, чтобы выжить. Они уважают секреты. У них хорошая память. Они варят суп из дикого щавеля. Они любят веселиться.

Ты говоришь нечто подобное в одном из своих гневных писем из тюрьмы. Жалость к себе всегда выводила из себя, и ты отвечала на жалобное письмо друга: «Быть человеком — главное на свете. Это значит быть твердым, ясным и жизнерадостным, да, жизнерадостным, несмотря ни на что, потому что плач — удел слабых. Быть человеком — значит радостно бросить, если надо, свою жизнь на гигантские веса судьбы и продолжать радоваться свету каждого дня и красоте каждого облачка».

В последние годы в Польше появилось новое ремесло, и того, кто им занимается, называют Stacz, что означает «занимающий место». Человек платит мужчине или женщине за то, чтобы они отстояли в очереди, и через долгое время (большинство очередей очень длинные), когда она приближается к началу, он занимает свое место. Очереди могут быть за едой, кухонными принадлежностями, какой-нибудь лицензией, государственной печатью на документе, сахаром, резиновыми сапогами...

Они придумывают множество уловок, чтобы выжить.

В начале 1970-х моя подруга Янина решила поехать поездом в Москву, как делали ее соседи. Это решение далось нелегко. Всего за год-два до этого, в 1970 году, в Гданьске и других морских портах произошла бойня, когда сотни бастовавших судостроительных рабочих были расстреляны польскими солдатами и полицией по приказу Москвы.

Ты предвидела это, Роза, опасность, скрытую в большевистской манере аргументировать; ты предвидела это еще в 1918 году, в своем комментарии к русской революции. «Свобода только для членов правительства, только для членов партии — хотя их довольно много — вовсе не свобода. Свобода — всегда свобода того, кто думает иначе. Не из-за какой-то фанатичной

концепции справедливости, а потому, что все поучительное, полезное и очищающее в политической свободе зависит от этой существенной характеристики, и ее эффективность исчезает, когда свобода становится привилегией».

Янина поехала на поезде в Москву, чтобы купить золото. Золото там стоило в три раза дешевле, чем в Польше. Оставив позади Белорусский вокзал, она нашла переулок, где ювелиры, имеющие лицензию, продавали кольца. Там уже стояла длинная очередь иностранок. В целях соблюдения закона и порядка у каждой женщины на ладони был мелом написан номер, указывающий место в очереди. Их писал милиционер. Подойдя к прилавку с приготовленными рублями, Янина купила три золотых кольца.

На обратном пути на станцию она увидела предмет, который я хочу подарить тебе, Роза. Он стоил всего 60 копеек. Она купила его не раздумывая. Он ей понравился. Он будет гармонировать с ее растениями в горшках.

Ей пришлось долго ждать обратного поезда на вокзале. Ты же знаешь, Роза, эти российские вокзалы, которые превращаются в стоянки долго ожидающих пассажиров. Янина надела одно из своих колец на безымянный палец левой руки, а два других спрятала в более интимных местах. Когда поезд прибыл и она поднялась в него, солдат предложил ей сесть в углу, и она вздохнула с облегчением: теперь можно поспать. На границе у нее не возникло никаких проблем.

В Замосце она продала кольца в два раза дороже, чем купила, они все равно стоили значительно дешевле, чем в польском магазине. Янина, вычтя стоимость проезда на поезде, получила небольшую прибыль.

Предмет, который я хочу тебе подарить, она поставила на подоконник в кухне. «Цель энциклопедии — собрать знания, рассеянные по свету, привести их в систему, понятную для людей ныне живущих, и передать тем, кто придет после нас, с тем чтобы труд предшествующих веков не стал бесполезным для веков последующих, и чтобы наши потомки, обогащенные знаниями, стали добрее и счастливее, и чтобы мы не канули в вечность, не сумев послужить грядущим поколениям».

В 1750 году Дидро рассказал об энциклопедии, в создании которой участвовал.

В предмете, стоявшем на подоконнике Янины, есть что-то энциклопедическое. Это картонный коробок размером с четверть листа бумаги. На крышке — цветной рисунок с изображением березовки, а под ней два русских слова, написанные кириллицей: ПЕВЧИЕ ПТИЦЫ.

Открой крышку. Внутри три ряда спичечных коробков, по шесть штук в каждом. На каждом коробке цветная этикетка, изображающая певчую птицу. Восемнадцать разных певчих птиц. Внизу очень мелким шрифтом написано название птицы на русском. Ты, яростно писавшая по-русски, по-польски и по-немецки, смогла бы их прочесть. Я не могу. Я могу только догадываться, основываясь на смутных воспоминаниях о спорадических наблюдениях за птицами.

Странное это чувство — узнавать живую птицу, когда она пролетает над живой изгородью или исчезает в ней, не правда ли? Это предполагает странную, мгновенную близость, как будто в момент узнавания кто-то обращается к птице — несмотря на шум и неразбериху вокруг — по имени. Трясогузка! Трясогузка!

Из восемнадцати птиц на этикетках я, пожалуй, узнаю пятерых.

В коробках спички с зелеными головками. В каждом коробке по шестьдесят спичек: секунды в минуте и минуты в часе. Каждая из них может стать источником огня.

«Современный пролетарий, — писала ты, — не ведет борьбу в соответствии с планом, изложенным в книге; борьба современного рабочего — часть истории, часть социального прогресса, она посреди истории, посреди прогресса, и в разгар боя мы узнаем, как должны сражаться».

На крышке картонного коробка есть короткая пояснительная надпись, адресованная коллекционерам этикеток от спичечных коробков (филуменистам, как их называли) в СССР 1970-х.

Приводится следующая информация. С точки зрения эволюции птицы предшествовали животным, сегодня в мире насчитывается около 5000 видов птиц; в Советском Союзе 400

видов певчих птиц; в основном поют самцы. Певчие птицы имеют развитые голосовые связки в нижней части горла; обычно гнездятся в кустах, на деревьях или на земле; помогают выращивать зерновые культуры, потому что питаются насекомыми. Недавно в отдаленных районах Советского Союза обнаружены три новых вида певчих воробьев.

Янина держала коробок на кухонном подоконнике. Он ей нравился, а зимой напоминал о пении птиц.

Когда тебя посадили в тюрьму за яркую критику Первой мировой войны, ты слушала голубую синицу, «которая всегда сидела под окном, прилетая с другими за кормом, и старательно пела забавную песенку ци-ци-бей, звучащую как озорная детская дразнилка. Это всегда заставляло смеяться, и я отвечала теми же звуками. Затем птица исчезла вместе с другими, видимо, свив где-то гнездо. Я несколько недель не видела и не слышала ее. А вчера ее хорошо знакомые звуки донеслись со стены, отделяющей двор от другой части тюрьмы; но звуки изменились, птица прокричала три раза подряд: ци-ци-бей, ци-ци-бей, ци-ци-бей, и все стихло. Это тронуло меня до глубины души, потому что в этом торопливом крике издали было так много всего — целая история птичьей жизни».

Через несколько недель Янина решила убрать коробок в шкаф под лестницей. Она считала его своего рода убежищем, которое было ближе к погребу, где она хранила свои запасы. Запасы состояли из банки соли, банки сахарного песка, большой банки муки, небольшого мешочка каши и спичек. Большинство польских домохозяек держали такой запас как необходимый минимум на тот случай, если во время очередного национального кризиса в магазинах опустеют полки.

Следующий подобный кризис разразился в 1980 году. И снова он начался в Гданьске, где рабочие объявили забастовку в знак протеста против роста цен на продукты питания. Их действия породили национальное движение «Солидарность», которое в итоге свергло правительство.

«Современный пролетарий, — писала ты целую жизнь назад, — не ведет борьбу в соответствии с планом, изложенным в книге; борьба современного рабочего — часть истории, часть социального прогресса, она посреди истории, посреди прогресса, и в разгар боя мы узнаем, как должны сражаться».

Когда в 2010 году Янина умерла, ее сын Витек нашел коробку в шкафу под лестницей и привез ее в Париж, где работал сантехником и строителем. Привез, чтобы передать мне. Мы старые друзья. Наша дружба началась с вечерних игр в карты. Мы играли «в дурака», русско-польскую игру. В этой игре выигрывает тот, кто первым потеряет все свои карты. Витек догадался, что коробка вызовет у меня недоумение.

В одной из птиц во втором ряду спичечных коробков узнаю коноплянку, у нее розовая грудка и две белые полосы на хвосте. Цу-цу-цу! Цу-цу-цу!

...Часто несколько птиц поют хором с верхушки куста.

«Кто сделал больше всего для того, чтобы вернуть мне рассудок, — мой маленький друг, чье изображение я прилагаю к письму. Этого товарища с изящно поднятым клювом, круто вздернутым лбом и взглядом всезнайки зовут *hypolais hypolais*, или, на бытовом языке, древесная птица, а также садовый пересмешник». В 1917 году тебя посадили в тюрьму в Познани, и ты писала: «Эта птица довольно странная. Она не поет одну и ту же песню или мелодию, как другие птицы, по милости Божьей, она публичный оратор, выступает, обращаясь к саду, делает это очень громким голосом, полным драматического возбуждения, скачкообразных переходов и пафосных пассажей. Она задает самые неожиданные вопросы, спешит ответить на них сама, неся чушь, выдвигая самые смелые утверждения, горячо опровергая взгляды, которые никто и не высказывает, врывается в широко открытые двери, а затем вдруг торжественно предупреждает всех, кто хочет или не хочет слушать: «Вот увидите! Вот увидите!» (У нее есть хитрая привычка повторять каждое остроумное замечание дважды)».

Коробок с коноплянкой, Роза, полон спичек.

«Массы, — писала ты в 1900 году, — сами себе лидеры, диалектически создающие свой процесс развития...»

Как отправить тебе эту коллекцию спичечных коробков? Головорезы, убившие тебя, выбросили твоё изуродованное тело в Берлинский судоходный канал. Тебя нашли в стоячей воде три месяца спустя. Некоторые сомневались, твой ли это был труп.

Я отправляю его тебе, написав эти страницы в наше мрачное время.

«Я была, есть и буду», — сказала ты. Ты подаешь живой пример, Роза.

И вот я отправляю коробок твоему примеру.

Дерзость

Недавно я перечитал замечательную книгу Альбера Камю «Первый человек». В ней он ищет в своём детстве то, что сделало его тем человеком и писателем, которым он впоследствии стал. И делает это без тени эгоцентризма. Это книга об истории и о мире того времени.

Прочитав её, я задался вопросом, а что же сделало меня тем рассказчиком, каковым я являюсь. И я нашел ключик. Совсем не похожий на то, что нашел Камю. Хочу вкратце изложить мысль.

Сколько себя помню, всегда было ощущение, что я в некотором роде сирота. Странное чувство, потому что у меня были любящие родители. Мое детство не было несчастным. Однако определенные материальные обстоятельства создали это ощущение и поощряли его.

Я редко видел родителей. Дома за мной присматривала новозеландская гувернантка, в то время как мать работала на кухне, готовя торты и сладости для продажи на рынке. Это было в 1930-х годах, и мои родители с трудом сводили концы с концами. В двух комнатах, где жили мы с гувернанткой, стоял большой платяной шкаф, который она называла «шкафом для слез». Когда я плакал, меня запирали в нем. Время от времени мама поднималась вверх, в наши комнаты, посмотреть, как дела, и принося коробку домашней шоколадной помадки.

В раннем возрасте меня отправили в школу-интернат. Каждый семестр длился около трех месяцев, и родители навещали меня раз в три семестра и мы гуляли всю субботу.

Единственным семейным праздником было Рождество. Трехдневный праздник с дядями, тетями, двоюродными братьями и сестрами. С самого раннего детства, в конце роскошного рождественского застолья, меня просили обратиться к семейному собранию и рассмешить всех, будто я был странным посланцем из другого мира.

Когда мне исполнилось шестнадцать, я сбежал из интерната и нашел способ жить самостоятельно с друзьями в Лондоне. Мы справлялись. На Рождество мы ездили к родителям праздновать. Отец подарил мой первый мопед. Когда мне исполнилось восемнадцать, я попросил его позировать для портрета. В детстве он хотел стать художником, но ему не позволили. Он сохранил в качестве сувенира картину, которую нарисовал на металлической пластине, несколько георгинов, и для меня в детстве эта раскрашенная тарелка была своего рода талисманом.

Будучи сиротой, человек учится быть самостоятельным и постигает тонкости, которые с этим связаны. Он становится свободным.

Будучи свободным, начиная с четырех-пяти лет, я относился ко всем, с кем сталкивался, так, будто они тоже сироты. И до сих пор так делаю.

Предлагаю создать заговор сирот. Мы обмениваемся подмигиваниями. Мы отвергаем иерархию. Любую иерархию. Мы принимаем все дерьмо этого мира как должное и обмениваемся историями о том, как нам, тем не менее, удастся выжить. Мы дерзки. Более половины звезд во Вселенной — сироты, они не принадлежат ни к одному созвездию. И они излучают больше света, чем звезды в созвездиях.

Да, мы дерзкие. И я воспринимаю читателей так же. Будто вы тоже сироты.

Он воспринимает происходящее в мире как нечто безжалостное и необъяснимое. И принимает его как должное. Его энергия сосредоточена на сиюминутном, на том, чтобы выжить и найти выход к свету. Он заметил, что в жизни много обстоятельств и ситуаций, которые случаются и повторяются и поэтому, несмотря на их странность, являются знакомыми. С раннего детства он был знаком с изречениями, шутками, советами, профессиональными уловками, увертками, которые связаны с этими повторяющимися в повседневности жизненными голололомками. И он готов к встрече с ними. Его трудно сбить с толку.

Вот некоторые аксиомы предвидения, которое он приобрел.

Задница — центр мужского тела; именно по ней вы наносите первый удар противнику, и именно на нее вы обычно падаете, когда оказываетесь в нокдауне.

Женщины — еще одна армия. Следите прежде всего за их глазами. Сильные мира сего всегда здоровенные и нервные.

Проповедники любят только свой собственный голос.

Нет слов, чтобы назвать или объяснить ежедневную череду неприятностей, неудовлетворенных потребностей и неудовлетворенных желаний.

У большинства людей нет личного времени, но они этого не замечают.

Преследуемые, они живут своей жизнью.

Вы, как и они, ничего не значите, пока не отойдете в сторону и не вытянете шею, тогда ваши спутники резко остановятся и будут удивленно смотреть на вас. И в тишине этого чуда слышны все мыслимые слова на всех языках. Вы создали пробел в узнавании.

В рядах мужчин и женщин, у которых ничего или почти ничего нет, может найтись свободная нора подходящего размера, чтобы в ней мог спрятаться маленький человечек.

Пищеварительная система часто находится вне нашего контроля.

Шляпа — не защита от непогоды, это признак высокого положения.

Когда у мужчины спадают брюки, это унижение; когда у женщины приподнимается юбка, это озарение.

В безжалостном мире трость — верный спутник.

Другие аксиомы применимы к местоположению и настройкам. Для входа в большинство зданий требуются деньги или доказательства наличия денег.

Лестницы — это горки.

Окна предназначены для того, чтобы бросать из них предметы или влезать в них.

Балконы — столбы, с которых можно спускаться или сбрасывать предметы.

Дикая природа — место, где можно спрятаться. Все погони по кругу.

Любой предпринятый шаг, скорее всего, будет ошибкой, так что делайте его со вкусом, чтобы отвлечься от вероятного дерьма.

Что-то подобное вошло в поговорки у ребенка лет десяти (10 — первый случай, когда в названии вашего возраста есть две цифры), который гулял в южном Лондоне, в Ламбете, в самом начале двадцатого века.

Большую часть детства он провел в общественных учреждениях: сначала в рабочем доме, а затем в школе для детей из бедных семей. Ханна, его мать, к которой он был глубоко привязан, была не в состоянии заботиться о нем. Большую часть жизни она провела в сумасшедшем доме. Она происходила из среды артистов мюзик-холлов южного Лондона.

Общественные учреждения для обездоленных, такие как рабочие дома и школы для беспризорных, напоминали и продолжают напоминать тюрьмы своей организацией и планировкой. Исправительные учреждения для неудачников. Когда я думаю об этом 10-летнем ребенке и о том, что он пережил, вспоминаю картины одного моего друга.

Он, Мишель Куэнн, к 40 годам провел большую часть жизни в тюрьме, осужденный за неоднократные мелкие кражи. Находясь в тюрьме, начал рисовать.

Его сюжеты — истории о событиях во внешнем, свободном мире, увиденных и воображаемых заключенным. Поразительной особенностью картин является анонимность изображенных мест. Воображаемые фигуры живы, выразительны и энергичны, но улицы, внушительные здания, выходы и подъезды, линии горизонта и переулки, в которых находятся эти фигуры, бесплодны, безлики, безжизненны, безразличны. Нигде нет намека на материнское прикосновение.

Мы смотрим на окружающий мир сквозь прозрачное, но непроницаемое и безжалостное стекло окна тюремной камеры.

Десятилетний мальчик становится подростком, затем молодым человеком. Невысоким, очень худым, с пронзительными голубыми глазами. Он танцует и поет. С живой мимикой. Он имитирует, придумывая сложные диалоги между чертами своего лица, жестами своих изящных рук и окружающим воздухом, который свободен и не принадлежит другим. Он становится мастером-карманником, вытаскивающим смех из карманов растерянности и отчаяния. Он режиссирует фильмы и играет в них. Их декорации бесплодны, безымянны и там нет матери.

Дорогой читатель, ты ведь догадался, о ком я говорю, не так ли?

Чарли Чаплин, маленький человечек, бродяга.

В 1923 году, когда его команда снимала «Золотую лихорадку», в студии шла оживленная дискуссия о сюжете. А муха продолжала отвлекать внимание, поэтому Чаплин в ярости попросил мухобойку и попытался убить ее. У него ничего не вышло. Через мгновение муха приземлилась на стол рядом с ним, в пределах досягаемости. Он поднял мухобойку, чтобы прихлопнуть муху, затем резко остановился и опустил ее. Когда все спросили «Почему?», он посмотрел на них и сказал: «Это не та муха».

Десятилетием ранее Роско Арбакл, один из любимых «толстяков»-коллег Чаплина, заметил, что его приятель Чарли «настоящий комический гений, несомненно, единственный в наше время, о ком будут говорить столетие спустя».

Прошло столетие, и то, что сказал «Толстяк» Арбакл, оказалось правдой. Мир сильно изменился — в экономическом, политическом и социальном плане. С изобретением звукового кино и новой доктриной Голливуда изменился и кинематограф. И все же ранние фильмы Чаплина не утратили ни своей неожиданности, ни юмора, ни остроты, ни озарения. Более того, они актуальней, чем прежде: они являются интимными комментариями к двадцать первому веку, в котором мы живем.

Как такое возможно? Хочу поделиться двумя соображениями. Первое касается вошедшего в поговорку взгляда Чаплина на мир, описанного выше; второе касается его клоунского таланта, который, как ни парадоксально, во многом обусловлен невзгодами его детства.

Сегодня глобальная тирания спекулятивного финансового капитализма, который использует национальные правительства в качестве рабовладельцев, а мировые СМИ — в качестве распространителей наркотиков, тирания, единственной целью которой является получение прибыли и непрерывное накопление, навязывает взгляды и образ жизни, которые являются беспокойными, ненадежными, безжалостными и необъяснимыми. И этот взгляд на жизнь ближе к вошедшему в поговорку взгляду 10-летнего ребенка на мир, чем во времена ранних фильмов Чаплина.

В сегодняшних утренних газетах появилось сообщение о том, что Эво Моралес, не циничный и относительно добродушный президент Боливии, внес на рассмотрение новый закон, разрешающий детям работать с 10 лет. Почти миллион боливийских детей в настоящее время занимаются незаконной работой, чтобы обеспечить семьи питанием. Его закон предоставит им некоторую правовую защиту.

Шесть месяцев назад в море у итальянского острова Лампедуза утонули 400 иммигрантов из Африки и Ближнего Востока, которые пытались тайно попасть в Европу в надежде найти работу на непригодной для плавания лодке. По всей планете 300 миллионов мужчин, женщин и детей ищут работу, чтобы иметь хоть какой-то минимум для выживания. Число бродяг увеличилось до легиона.

Масштабы необъяснимого растут день ото дня. Политика всеобщего избирательного права стала бессмысленной, потому что дискурс национальных политиков больше не имеет никакой связи с тем, что они делают. Все фундаментальные решения, определяющие сегодняшний мир, принимаются финансовыми спекулянтами и их агентствами, которые безымянны и политически безмолвны. Как предположил 10-летний мальчик, «нет слов, чтобы назвать или объяснить ежедневную череду неприятностей, неудовлетворенных потребностей и неудовлетворенных желаний».

Клоун знает, что жизнь жестока. Пестрый костюм старого шута превратил его обычно печальное выражение лица в шутовское. Клоун привык к потерям. Потери — пролог.

Энергия выходок Чаплина повторяется и нарастает постепенно. Каждый раз, когда он падает, он встает на ноги новым человеком. Новым человеком, который одновременно и тот же человек, и другой. Секрет его жизнерадостности — в его многогранности.

Это многообразие позволяет цепляться за очередную надежду, хотя он привык к тому, что надежды постоянно рушатся. Он хладнокровно переносит унижение за унижением: даже когда контратакует, он делает это с оттенком сожаления. Такая невозмутимость делает его неуязвимым настолько, что он кажется бессмертным. Мы, ощущая это бессмертие в нашем безнадежном цирке событий, подтверждаем своим смехом.

В мире Чаплина Смех — прозвище бессмертия.

Здесь фотография Чаплина в возрасте 80 с небольшим лет. Однажды, глядя на них, я понял, что выражение лица мне знакомо. Но не знал почему. Позже до меня дошло. Я проверил: выражение его лица напоминает Рембрандта на его последнем автопортрете: автопортрет в образе смеющегося философа или Демокрита.

«Я всего лишь мелкий комедиант, — говорит он. — Все, о чем я прошу, — позволить мне смешить людей».

Роман Мамонтов

Не формат. И точка

Роман Мамонтов

Включил компьютер. Сел у монитора. И... двадцать минут долой. Тишина. Мыслей нет. Придут ли, постучатся в дверь? «Тук-тук-тук. Это мы. Твои Мысли!» Хорошо, коли так, но нет же, пьяная соседка приползла, то ли за деньгами, то ли оценить мой терпеливый и многострадальный диван. Дорогое и пьяное создание природы — уходи, у меня тишина, у меня ни одной Мысли на вечер... Есаул Газманов ошибся — мысли не скакуны, они — сволочи. Дверь закрыта и меня нет дома! Только тишина, кот на подоконнике и шуршание системника. Не знаю, о чем поведать себе, не ведаю, что сказать миру этакое объемное, навороченное и хотя бы правдоподобное. Словом, «все это рок-н-ролл...» Вроде бы и много, а на самом деле ничего. И наоборот. Вроде бы и дерзко, а мимо кассы. Лишь табличка на двери бухгалтерии: «Деньги — роскошь, не надо их ждать».

Как можно написать о роке? Ну как? Взять одну личность? Взять одну группу? Взять одну песню? Срезать пласт времени? Слепить интервью с бывшим однополчанином сгоревшей в хлам рок-звезды? Или херачить за каким-нибудь «круглым столом» как о масштабном явлении в рамках развалившегося совка? Культура это или субкультура? Мейнстрим? Ерничество? Пофигизм? Дайте определение. Не получится, братья и сестры!

Меня всегда мучил, и по сей день мучает, впрочем, уже не так сильно, один маленький, гребанный вопрос. Естественно, не классический «быть иль не быть», гораздо проще. Задача из учебника начальной школы третьего класса. Условие: «Есть два уездных города, один «Е», другой «П». Один находится в Азии, другой в Европе. Расстояние между ними около 400 км. В наличии железнодорожное и автомобильное сообщение. В одном сделали метрополитен, в другом нет. Вопрос: какой из городов, и главное — на основании чего, даст рок-индустрии необъятной нашей Родины музыкальные коллективы, которые будет знать все или очень многие?»

Правильно. Уездный город «Е». Для самых смышлёных: Екатеринбург. Первая часть вопроса пройдена. Твердая четверка! А бонус к сочному чизкейку — на основании чего? Двадцать секунд торжественного молчания, почесывание затылка и ответ готов: «Потому что со временем там появилось метро». А что? Гениальный ответ прост в своей сущности. Видимо, андеграунд в Екате был глубже, грунты мягче, а лопаты дешевле. Зато в уездном городе «П», как догадались продвинутые — Пермь — посикунчики вкуснее, и коми-пермяцкий кролик, вернее паштет из его девственной печени, говорят, «просто бомба». Вот такой вам ребята ЧОСКЫТ КЕРКУ! В переводе: «Вкусный Дом». Да, немного отвлекся. Ну и хорошо. Продукты питания ценились во все времена. Думаете, рок-н-ролл можно структурировать, описать, сваять форму или засунуть в рамку? (Извиняюсь за свою простуженную психику, но да буду прощен, ибо хотелось поставить «не засунуть в рамку», а засунуть туда, где солнечный свет меркнет на всегда). Законы физики — сильная вещь! И опять же вернемся к городу «Е». Распишите, пожалуйста, в кондовой балтийской системе координат местоположение и культурную ценность допустим «Агаты Кристи» и Насти Полевой, или несколько прибалтийского «Чайфа» с маргинальным «Урфин Джюсом», не говорю уже о тов. Бутусове с его «Наутилус Помпилиус». А там еще и СашБаш обитал, возможно тогда и написал:

*Любовь — это мой заколдованный дом,
и двое, что все еще спят там вдвоем.
На улице Сакко-Ванцетти мой дом 22...*

Короче, не стоит нюхать одуванчики в противогазе или пить вино из них. И не стоит приходить в напряженно-трансцендентное состояние при слове РОК. Ну, во-первых, потому что одуванчики не пахнут, а вино с трудом заходит через гофру этого резинового прибора, во-вторых, противогаз никоим образом не спасет идиота, и в-третьих, РОК он на то и РОК: для кого-то судьба, и не совсем хорошая по меркам обывательским; для кого-то возможность заработать бабла, на крайний случай словить свою секунду славы; для кого-то получить быстрый и бесплатный секс с наивными фанатками, блин, из какого-нибудь пединститута или меда. (Боже, как хочется поставить другое слово — емкое, красивое и всеобъемлющее, но «времена не выбирают, в них живут и умирают», поэтому только — блин, блин, блин...). Ну вот, мой наивный читатель, налил я тебе воды кипяченой, не остудил даже. Прославил флору и фауну города «Е», а про нравы и быт «Великой П» ни слова. Какие-то посикунчики с печенью некогда жившего в свое кудымкарское удовольствие кролика впариваю тут. ЧОСКЫТ КЕРКУ, дамы и господа! Добро пожаловать в 90-е уездного города Пермь с его мистическими и неразгаданными «муабгал-шами», «хмели-сунелями», «чОрными флагами», «пагодами», «лаосами», «танцами на траве», «гриша-данскими», «серега-металлистами с Мавзолеем маркиза де Сада». Ну и не забуду

упомануть «МуНаНов», поскольку тоже был грешен в плане звукоизвлечения на задрюченных гитарах и прочих, столь необходимых в быту неформалов-алкоголиков, микшерах и комбиках. Как ванговал в прошлом веке, нахлобучив шинель, Женя Чичерин:

*Наступило время пива, у ларьков стоят пришельцы.
Это мы стоим пришельцы и двуглавые орлы.
Это мы стоим при пиве, и о нас слагают песни,
Так давай утонем в пиве, не снимая головы...*

Так вот, о пришельцах, пиве и летательных аппаратах. И то в меру своего познания хаотичной среды тусовки девяностых уездного города «П», которая была и одним целым, и в то же время переливалась осколками разбитого граненого стакана из Гастронома №1 на ул. Карла Маркса, ныне Сибирской. Точки под репетиции находились во многих местах: от однокомнатных хрущёвок, брежневок, сталинок до сакральных закутков в «универе», «кульке», «пед», «каком-нибудь ДК» или «меде». Кому как повезло, не без помощи Божьей. Лоскутное одеяло — вот домотканое полотно пермского РОКа. Чумазные заводские кварталы, хмурые работяги, металлические ларьки, дешевые напомаженные куклы в блестящих лосинах у драмтеатра и мелькающие среди «москвичей и шестерок» черные «бэхи» с «меринами» — это и есть питательная среда обдолбанного демократично-буддийскими идеями, несложными аккордами и незамысловатыми гитарными рифами пермского рок-н-ролла, в некоторых моментах интереснее столичных фронт-групп, хотя бы наивной глубиной погружения в самую суть живого театра и, кстати, преданностью идеям панк-фолк-хард и иного рока в натруженном чреве егошихинских заводов. Чего только один Махно стоил или Селеда. Кто-то долбил «тяжелаяк» на заводе им. Шпагина под стук колес товарных поездов в направлении Соликамска и пени-тенциарных заведений, кто-то заворачивал психоделию в студенческом театре мединститута, забив на клятву Гиппократ. А кто-то скупал ваучеры, золотишко, баксы и мечты девочек.

Что ж, постараюсь набросать несколько штрихов к незамысловатому хаосу под именем ПЕРМСКИЙ РОК. Я не буду затрагивать известные сюжеты, темы для дискуссий, воспоминания и прочий атрибут литературных опытов ветеранов сцены и уставшего стакана. Возможно, кто-то напишет совсем об иных ощущениях рок-н-ролла пермского периода, и они будут заметно отличаться, они будут более весомы, более аргументированы и непременно академичны, как сквер со скамейками у нашего театра оперы и балета. Негоже отрешиваться, миролюбивый Герасим, от своей заводской культуры. Мы все с завода. Город так создан, а с ним и культурный пласт — в дыму, химии и железе. Возьми хотя бы долматовские строчки: «Я металлист, я металлист... отец мой металлург... металлолом наш класс таскал... металл непобедим...» Вывод очевиден: город «П» переиграл в наперстки город «Е», так что прощай, «наутилус», а Вячеславу Б. желаю добраться до PAX American, где лично я уже «не буду никогда». И правильно, пермяк — соленые уши не может быть логичным и прямым, как взлетная полоса аэропорта Кольцово.

Однажды, с початой бутылкой вина, я стоял у Кафедрального собора. Уже вечерело. Камский лед заливало розовым. Солнце сползло за макушки соснового бора на правом берегу, и как-то сама собой пришла мысль о том, что небольшой период времени, ограниченный 1989–1995 годами, мы теперь смело можем называть «ППР», иначе — ПЕРМСКИЙ ПЕРИОД РОКА, почти антропологически-геологическая вещь, ибо в этом куске и лежит вся движущая сила рок-бардака, всколыхнувшего пубертатную аудиторию города трудовой славы «П». Можно, конечно, строить теории, можно усыновлять чужие домыслы, можно сунуть в бочку с медом ложку дегтя, только одно не получится — забыть то время, когда ты был самым собой и время принадлежало только тебе, наивному и доброму ребенку, брошенному на заклятие языческих Богов. Без сожаления, раскаяния и воскрешения.

Как-то раз в просторной лаборатории политеха, не помню физики или химии, сидели студенты. Кто-то конспектировал, кто-то приборы настраивал, кто-то пытал ладонью колени одногруппницы. Если поднялся выше, то вписывай «отл.» в свою зачетную книжку. Группа студентов шла под кодовой аббревиатурой «ВиК» — водоснабжение и канализация. А если случалось по-взрослому знакомиться, то девчонкам из мединститута или универа, например, представлялись: «ВК — воздухоплавание и космонавтика», и чуть ли не полноценный книксен после сказанного. Авторитет взлетал баллистической ракетой, ибо девушка и ее сознание неразрывно связано с седьмым небом и не предполагало каких-либо пересечений с глубиной заложения чугунной трубы или вовремя не помытым унитазом студенческой общаги.

Рядом со мной сидел студент — долговязый, с длинными волосами, в черной косухе и значком пацифика на груди. Мы благородно задвинули на лабораторную работу. Точно помню, разговаривали о роке, вроде «Звуки Му» обсуждали, творчество Егора Летова. Я сильно не придавал значения нашему разговору, многие тусовались из нас, многие скупали кассеты с замороженным роком, особенно питерским. Ну и наших ребят в ужасном качестве записи слушали. У нас уже тогда своя группа была, расскажу о ней чуть позже. Поэтому не слишком хотелось разговаривать, переходить на доверительные беседы, особенно на лабораторной да с одногруппником. Проучился он недолго, вылетел. Видимо, стезя воздухоплавателя или знатного сантехника не очень подходила ему. Потом я видел его на выступлении Олега Сазонова с «Лаосом». Сам приходил на концерт своего бывшего сокурсника. Потом видел его у нас на совместном концерте с какой-то группой, несколько неудачном. Больше с ним не общались, не пересекались.

Это был Андрей Фоминых. Фома. Лидер группы «ЧОрный флаг».

*Сегодня на крышу к нам ангел упал,
пил пиво и водку, а я наливал.
Всю ночь нам втирал о том, что Святой,
а нам безразлично, у нас выходной...*

Эпизод второй

Есть в уездном городе «П» тихое и уютное место, несмотря на свое центральное местоположение. Находится этот райский уголок в Дзержинском районе, в створе ул. Петропавловской и Хохрякова — сквер им. Олега Новоселова, легендарной личности, сделавшего много чего хорошего для рок-движения не только в Пермском крае, но и по всей стране. Кто в теме, тот знает. Для остальных продвинутых скажу лишь о нескольких моментах его биографии. Олег являлся организатором фестиваля «Рок-Лайн», который получил не только статус общероссийского, но и вышел на международный уровень. Продвигал малоизвестные группы. Кстати, по аналогии с фестивалем ВУДСТОК (1969 г.) его «Рок-Лайн» стали называть КУНГСТОКОМ, производная от места проведения первого фестиваля в городе Кунгур Пермского края со сценой на крыше гостиницы «Стагмит» и местами для разношерстной публики на склонах Кунгурской ледяной пещеры. Словом, пришел, прижался задом к мокрой траве, и получай удовольствие. Можно постоять с пивом, а лучше принять что-то покрепче. Главное — не скатиться кубарем вниз. Хотя стоило бы. Важный момент — это вовремя и невзначай угодить в объятия какой-нибудь далеко не филологической девушки в свитере с дерзко выпирающей грудью. Да хоть десять раз скачусь. Прости меня, дерзкая грудь, скажи своей недоступной хозяйке, что я падший человек и хочу войти в её далеко не Ледяную кунгурскую пещеру, ибо туристам нужны

экспонаты и легенды, а мне — всего ничего: поэзия жизни в осколках фраз старика Фрейда... У-у-у, какая тишина!... Ну да, опять съехал с темы. Мысли, мысли... Тук-тук-тук... Так вот, Олег Новоселов много лет возглавлял общественную организацию «Авторский дом». Для меня же самое интересное в этой личности то, что он был музыкантом группы «ДОМ», которая после первого же выступления в 1987 году на «Рок-Панораме» в Москве стала лауреатом фестиваля. Ну а потом как положено — выступления во Франции, Германии, Голландии, Италии. Прежде всего он музыкант, ребята, им и останется.

Умер Олег Новоселов от инфаркта в 2004 году в возрасте 50 лет.

Царствия Небесного р.б. Олегу!

...Вернусь в конец далеких восьмидесятых. Приблизительно классе в восьмом нашу небольшую компанию с микрорайона Нагорный посетила гениальная мысль — стать рок-звездами. У Эдика-очкарика, начинающего прозаика, мама была на короткой ноге с завхозом рабочей общаги. Там мы и нашли хлам из ламповых синтезаторов, переломанных ударных установок и электрогитар образца 1912 года, среди них оказалась даже «Музима», изготовленная в начале семидесятых. Мы решили, что восстановим эти необходимые инструменты, напишем бессмертные хиты и дадим пару-тройку концертов на лучших площадках микрорайона. В таких размышлениях провидение Господне привело нас во Дворец культуры, где репетировала группа «ДОМ». Нас встретил Олег Новоселов. Мы рассказали ему о своей проблеме, показали несколько чокнутых текстов, и он отправился с нами в общагу. Пришли. Постояли, глазами вопрошая Олега: «Ну что? Как?». Инструменты оказались никудышные, вроде басуху тогда прихватили да стойки под тарелки. Он предложил нам попробовать репетиции на его точке. Согласились. Но самая монументальная фраза слетела с уст Олега Новоселова на ступенях Дворца культуры: «Только не будьте как Modern Talking». Мы тогда сильно обиделись. Ведь в обойме прослушанной нами дискографии были ужасные и великие монстры — The Rolling Stones, Led Zeppelin, Genesis, Pink Floyd, Emerson, а тут — получи и распишись: Modern Talking! Однако репетиции состоялись. Что-то пытались сделать, чему-то научиться. Олег был хорошим и правильным учителем.

До сих пор вспоминаю улыбку Олега Новоселова и его монументальное: «Только не будьте как Modern Talking».

*Buddy, you're a young man, hard man...
We will, we will rock you, one more time...*

Эпизод третий

Если и был в уездном городе «П» человек, завернутый на всю катушку самопальной психоделики, экспериментов над собственным сознанием и терпением около рок-н-рольной публики, то смело называйте его Серегой-Металлистом, который был на короткой ноге с Маркизом де Садом и захаживал в его Мавзолей обычно по понедельникам, ибо как пророчили некогда родственники Стругацкие: «Понедельник начинается в субботу». Уверен, мой наивный читатель, что именно в третью среду какого-нибудь месяца Металлист записал свой непонятно звучащий и шипящий магнитоальбом «Живопись и мертвопись». И не успокоился на этом...

Скорость создания шедевров у Сереги была космическая, посему и подписывался иногда: «композитор-моторист, альбом «Ментальная каша». Что-то прозоподобное выпускал и в бумажном варианте, зазорное, боевое, с налетом туманностей Андромеды. Мы несколько раз общались с ним. Я даже читал некоторые манифесты-размышления Сереги, но идеями не пропитался. Жаль, конечно. Помню осенним вечером один концерт «Мавзолея» в актовом зале Дворца пионеров на Сибирской. Полумрак, всего пятнадцать-двадцать слушателей. Но каких

Роман Мамонтов (на подоконнике) и Макс Путин

слушателей! Настоящих прикамских бандерлогов в кожаных куртках и под кислыми парами «жигулевского» или «рифейского». Почему-то первый и второй ряд пустовал, третий-четвертый забит полностью, и далее по нумерации — пустота. Обряд, дисциплина или управляемый хаос? Из динамиков на сцене задымил в лучших традициях главной поселковой лесопилки, доставало аж до позвоночника и мозг превратился в толченый мел. Тем вечером засветился еще один хавбек пиломатериалов, но уже отторцованных и поструганных, Сергей Четверухин. Не помню — до или после «Мавзолея» он выступил, неплохо выступил, ибо за ударной установкой сидел улыбающийся Валера Черноок. Такое ощущение, что сначала Господь создал Валеру, и только потом ударную установку со всеми барабанами, тарелками и стойками. Эту магию игры описать попытаюсь одним словом, позаимствовав его у Венечки Ерофеева: «конгениально». А у Четверухина запомнилась только одна композиция про некую сестрицу и спиртометр, который она сломала, потом не хотела отдавать и уж тем более поведать о причине столь дерзкого девичьего поступка.

Для справки добавлю, что «Мавзолей имени Маркиза де Сада» записал около тридцати альбомов. Хитов не помню, текстов тоже, все нюансы перекрывает саунд «Мавзолея». Он неподражаем, не воспроизводим и запоминается надолго, если не до прихода ишачей пасхи, а имя Сереги-Металлиста осталось в Пермском Периоде Рока наподобие сумасшедшего и безобидного фантома из темных глубин подсознания Камского водохранилища.

Сергея, когда еще раз всплывешь? Смотри, тут скучно без тебя!

Эпизод четвертый

Коротко об одном концерте Евгения Чичерина.

1. Прости, Женя, помню плохо, что ты играл, наверняка в обнимку с ирландскими ветрами.
2. Хорошо помню — распивали под лестничным маршем портвейн. Воистину — это был стойчивый аромат груш и запах туалесинских пляжей с горячими гальками (камни такие у моря, иначе — обводненный гравий), галинами, жаннами и остальным персоналом почти обанкротившегося Аэрофлота. Эпоха груш! Эпоха стюардесс! Эпоха лестничных маршей! И некачественного спиртного...

3. Я вылез на сцену. Ты сидел с гитарой. Я стукнул по микрофону, он на стойке совершил один оборот вокруг оси и остановился перед твоим лицом.

4. Я сказал в микрофон: «Он всех тут на... (пусть будет слово) нагибает», и ушел. А на первом ряду какой-то придурок уперся головой в сиденье, оттолкнулся от пола и вытянул ноги вверх, типа он гимнаст или космонавт из Национального управления по авиации и исследованию небесного пространства.

5. Утром я понял, что поступил плохо. Не извинился. Как встретил следующий день этот космонавт, не ведаю.

6. На следующем концерте в актовом зале пединститута уже присутствовала охрана, в том числе и перед входом в зал.

7. Первый положительный момент — теперь всегда на концертах будет присутствовать охрана.

8. Второй положительный момент — начальником охраны оказался Эдик Гараев, бывший афганец, руководитель секции рукопашного боя и лазания по отвесным скалам при городском Дворце пионеров. Я его знал. Раза четыре ходил на его тренировки. Бросил. Не понравилось бегать строем каждый раз по Коммунальному мосту на другой берег р. Камы и обратно, особенно в дождь.

9. Евгений, извиняюсь за тот концерт. Лучше поздно, чем никогда.

10. Добавлять что-то ещё на фоне многочисленных публикаций о творческих перипетиях Жени Чичерина смысла не нахожу. Как говорят в народе, google тебе в помощь!

Эпизод пятый (короткий)

Пермская поп-группа «Шоколад» из ресторана «Галактика» — г...но!

Например, композиция «Барин» ориентировочно тысяча девяносто третьего года:

Вступление: E Am Em H7 Em

Проигрыш: E Am Em H7 Em

Окончание: E Am Em H7 Em

Куплет и припев ещё монументальней.

Poker Face!

Distinctive people!

Эпизод шестой

В феврале этого високосного года мне позвонил поэт Паша Четкин и сказал, что в Музее современного искусства PERMM проходит выставка или что-то подобное, посвященное пермскому року. Я так и не съездил, хотя порывался, но медленно и верно остывал, как эмалированный чайник на февральском ветру. Потому и решил сделать свою небольшую экспозицию из «эпизодов» и осколочно-фугасных воспоминаний под кодовым названием «Стенд в Музее Несовременного Искусства». И вот почему.

Наш музыкальный мейнстрим так и остался мейнстримом, да и в изречениях определенной части публики звучат одни и те же группы уездного города «П», теперь уже реже и реже, группы, которые резали пространство по классической формуле СашБаша:

*И пусть разбит батюшка Царь-колокол.
Мы пришли. Мы пришли с гитарами.*

*Ведь биг-бит, блюз и рок-н-ролл
околдовали нас первыми ударами...*

*...Свистопляс — славное язычество.
Я люблю время колокольчиков!*

Очень жаль, что я не запомнил имена, музыку и тексты молодых пермских робингулов с потрепанной гитарой за спиной. Они были вольными стрелками — на кухнях, в общагах, проспектах, подворотнях, и делали свое дело, не задавая дурацких вопросов дешевого бытия. Их принцип — делай что делаешь, и пусть будет так, как будет. Они пели, они были такие же нищелюбы девяностых, как и все рядом. Они шлялись по концертам, были массовой, реже исполнителями, критиками, толпой не случившихся романтиков, но именно в их не изгаженных веком душах была зарыта соль земли (кстати, тот же Олег Сазонов родом из Соликамска, где белого минерального сырья хватит на две Европы и один полноценный Тунис). Наши робингулы открыто, иногда спотыкаясь под тяжестью портвейна, несли свое горячее сердце, как факел Пермского Периода Рока.

Вспомнился один момент начала девяностых. Трое бандерлогов из группы «Музыка Народов Нагорья», сокращенно «МуНаН», решили выпить немного пива и поиграть на гитарах у Дворца культуры имени Юрия Гагарина, что в Индустриальном районе. Сели под барельефом «Парящий Икар», который сильно напоминал первого космонавта. Расчехлились, пригубили разливного из трехлитровки, ну и ударили. Через минут десять к нам подошли два милиционера в сером (форма такого цвета, ещё до реформ МВД). Несколько минут задумчиво слушали, а потом рыжеватый малый, в отблесках монументальной кокарды на фуражке, отвесил под дых гитаристу группы Антону Борисову дубинкой удар, хороший такой, душевный, натренированный, а второй правоохранитель саданул по спине клавишника Максима Путина. Я поднял руки вверх, поскольку в детстве смотрел военные фильмы про пленение немцев. Жаль, не было с собой белой ткани — повесил бы на березку, а милиция подумала, что я издеваюсь... Было больно, но терпимо.

Нас приняло районное отделение. Там заставили писать «покаянную» и даже полный текст песни, которую так задумчиво слушал тот наряд милиции, особенно рыжеволосый интеллигент. Пели мы тогда «Гражданскую оборону», что именно, не помню, врать не буду. Ночь провели за решеткой. Нас просили объяснить смысл текстов. Никакой гуманности! Нас пугали официальным письмом в деканат и отсутствием иных перспектив после отчисления, кроме службы в рядах Вооруженных сил РФ.

Всё кончилось банально: утренняя июньская влага, душевный пинок под зад и обшарпанные ступени крыльца районного отделения милиции. Жаль гитару со сломанным грифом. Материальный ущерб отделение милиции компенсировало отсутствием письма в адрес деканата...

Потом были выступления — в пединституте, в медицинском, в универе, в кинотеатре «Мир», что рядом с трамвайным депо. Несколько раз рубились с группой «Лаос», причем наш неунывающий балабачник Леня Гусев во время концерта играл с «Лаосами», а потом Олег Сазонов, расчехлив скрипку, импровизировал у нас. Неплохо смотрелся басист Андрюха Сибирцев, худой, задумчивый, погруженный.

С нами-отморозками в девяностые тусовался ещё Серега Тетерин, неудавшееся светило медицины, участник поэтического объединения ОДЕКАЛ, работник Radio Maximum и Медианы. В будущем дерзкий чувак засветился во многих страшных и нераскайнных грехах. Продюсирование, копирайтерство, медиа-арт, безбашенные проекты «Машиниста», «Кибер Пушкина», «Аватара Энди Уорхола», «Кино-мясорубки» и других садистских вещей по отношению к нормальному уральскому человеку. Потом какое-то время Тетерин тусовался с нашим барабанщиком и художником Андреем Побережником, какой-то *бог-знает-о-чем-проект*

вынашивали под самым сердцем Пармы. Слышал, что младенец рожден и требует молока. Лучше бы он выставил прайс на единственную кассету с аналоговой записью магнитоальбома «Музыка Народов Нагорья», которую впоследствии хотел оцифровать наш балалаечник Леня Гусев на клевом оборудовании Radio Maximum. Кассету Леня забрал, но, имея горячую страсть к дематериализации нужных предметов, не вернул — не нашел — не обнаружил и уволился, *божий-ты-мой-человек*, с радио! Впереди маячило освоение просторов второго уездного города «Е». Согласитесь, поступок хуже поп-группы «Шоколад» из далекого Закамска!

В 2012 году состоялась реинкарнация группы «Музыка Народов Нагорья» в составе двух участников — Андрея Побережника и Антона Борисова. В этот проект я не пошел из-за некоторых убеждений касаясь извечной темы «Путь Искусства». Мы совместно провели несколько репетиций и поняли, что котлеты чудесным образом отделяются от мух, как и мухи далеко не очень обожают котлеты, особенно марку «ЛожкаревЪ». Да, да, да. Спорим — значит, существуем. Играем — значит, договорились. В новом формате «МуНаН» выступала на площадках КАМВы, участвовала в фестивалях электронной музыки «Пермская волна» до 2020 года, интервью давала.

В 2021 году Антона Борисова не стало...

Блин (раньше поставил бы другое существительное), жизнь прекрасна, как печальные яйца Фаберже. Ну и зачем рубанул это? Мысли. Тук-Тук. Кто в домике? Никого. Слово «фаберже» звучит исключительно «атмосферно». Так заявила одна телка из местного паршивого ночного клуба о лидере среди шотов «Б-52». Я пил тогда водку. Не слушал. Потом её любил, шептал и успокаивал мой знакомый. Утром не вспомнил даже имени, ибо хорошо знал древний текст и верил сказанному: «Что в имени моем тебе?...» Братская могила любви. А-т-м-о-с-ф-е-р-н-о! Жизнь прекрасна...

Господи, и зачем ты создал этот мир?

Или вот. Был Ян Курт. Поэт. Нет, не умер. Жив. Переехал в Венгрию. Пишет в Будапеште каким-нибудь мадьярам. Он и в уездном-то городе «П» был равнодушен к финно-угорской тематике. С Яном переписывались недолго. Живет. На жизнь хватает и даже более. А познакомились мы с ним в лохматые девяностые на прокуренной кухне хрущевки, где коротала ночь всякая неформальная публика. Затем пересеклись неким мистическим образом у поэта Юрия Беликова в редакции газеты «Молодая гвардия». Ян Кунтур принес стихи для публикации в «Детях Стронция», был такой раздел в «молодухе». Меня не успели опубликовать, какие-то проблемы с изданием начались. Надеялся, что решатся. Не срослось. Девятый класс — время мыльных пузырей. Откуда знать, что рентабельность издания определяет поэзию. Не знал. Переживал. А вдруг не гений? Обошлось. Повзрослел. Как повзрослели и мои более старшие товарищи. В официозе Сашу Кузьмина не публиковали, Валеру Абанькина брили, Юра Асланян был вхож в иные издательские миры уездного города «П». Слава Дрожащих арендовал свой «Сто девяносто третий вагон», и только Анатолий Субботин составил прайс из стихотворений для будущего «Беспризорного неба»...

Мой наивный читатель, а почему ты пермский рок не связываешь с поэзией? Там тоже есть свои барабанщики, соло-гитаристы и клавишники. Слово РОК бреет налысо и музыкантов, и поэтов. И тем и другим светит дорога двадцать один. Просто чей-то путь длиннее, чей-то короче... ПЕРМСКИЙ ПЕРИОД РОКА не устанавливал дорожных знаков, не малевал разметку на проезжей части. Он молча поглощал своих пешеходов.

Мой наивный читатель, я люблю тебя! Я такой же наивный, даже больше скажу — я до сих пор верю Деду Морозу, его внучке Снегурочке, и верю своим глазам — внучка носит голубое белье, дедушка — красное. Я верю легенде: они живут вместе, в большой резиденции, душа в душу, весьма сказочно, и город их — Великий Устюг на берегу полноводной Сухоны! Иногда они путешествуют на фирменном поезде РЖД и пытаются решить проблемы тех, кто однажды летом решил накропать текст с весьма тайными желаниями...

Читатель, ты лучшее из того, что копошится в нынешнем СЕЙЧАС. Тому, кто прошел до конца этот поток хаоса, дарю последний септаккорд в ре-миноре. Никаких до-мажоров! Все предсказуемо. Как тогда, в 92-м, за увесистой портьерой студклуба скрипача Ульяну пытался стреножить клавишник Макс Путин, и только раздавалось неуверенное: «Не хочу-у-у... Пож-жалуйста... Не тр-р-огай...» Пожалуйста, так пожалуйста! Макса уже нету, он выше облаков. Тело на кладбище. Его могила находится рядом с монументально-гранитной могилой Сергея Наговицина. Шансон и тут ввернул болт бандерлогам пермского рока. Побогаче атрибуты, пластмассовые цветы. Ульяна, где ты теперь? Надеюсь, что окна твоей квартиры выходят на бульвар Сен-Жермен, ибо «гробы» с Егором Летовым тебя мало интересовали, даже недолюбливала Янку Дягилеву. Ибо ты красивая, ты — кукла Барби! Всё предсказуемо.

Пора ставить точку. ПЕРИОД ПЕРМСКОГО РОКА закончился. Бежим в музей. Фотографируем экспонаты и репродукции. Сверяем экспозиционный бриф — никакого новодела и бутафории. А дальше — рубим бабки, шлемся по магазинам и платим коммуналку. Короче, занимаемся нормальными делами. На кону — жизнь! И новые бренды молодого наивняка...

Андрей Мансветов

О стоп-кадрах и медленном чтении

Свидетель дирижаблей

О вышедшей чуть больше года назад поэтической книге Алексея Евстратова «Патрульный дирижбль» могу сразу сказать, что название мне не нравится. С одной стороны, образ рекомого летательного аппарата из пермских реалий позапрошлого-прошлого десятилетия действительно стал фишкой, своего рода визитной карточкой автора. С другой — при извлечении из текста, перестановке мест слов и ампутации второго определения (в стихотворении — «дирижбль патрульный ментовской») что-то неумолимо утрачивается. Или даже не «что-то», а самое что ни на есть главное, что делает поэзию Евстратова запоминаемой, позволяет ей удерживать баланс на тонкой грани между земным и божественным, детской наивной непосредственностью и взрослой наблюдательностью, точной лирикой и кондовой сентиментальностью, собственным и культурно обобществленным. Как, например в том самом стихотворении, откуда и взялось название:

*Та же башня, те же откровенья,
суета, смешение эзка...
Я просил остановить мгновенье,
и ещё с морковкой шашлыка.*

Поэзия у Евстратова намеренно фотографична — сначала хотел сказать кинематографична, но нет, — слишком явно отделены образы, слишком мало кадров в единицу поэтического времени, слишком хочется автору сосредоточить внимание читателя на каждом отловленном и «заснятом» образе-кадре. Даже если он мгновенен и неуловим. Даже если о нем не с кем поговорить, не до кого донести, как вот здесь, например: *«никого / не трогает в несущемся вагоне / промчавшаяся неземная стынь»*.

Это поколенческий негативный психологизм — не доверять, не открывать душу, прятать все, что можно, за снижением штиля, иронией, игрой, когда наблюдателю кажется, что все не совсем всерьез, однако тем сильнее оказываются моменты истины, узнавания, прозрения. Тем честнее и точнее симптомы, символы времени, от советского детства, через лихую «девяностую» юность, пьянство, войну и прочая, прочая к...

А вот к чему — определить невероятно трудно. К откровению — вряд ли, хотя «удивительных созданий в мире только два» носит (или хочет носить в сознании читателя) явные черты именно откровения, потаенного, но записанного. Евстратов это для себя чувствует и понимает.

*Проще будь! — себе долдонишь, —
Чтобы потянулись люди!
Потянулись... хрен догонишь!*

За этой само- и не самоиронией, которую так и тянет назвать лейтмотивом поэзии Алексея, и даже не за, а сквозь нее как сквозь волшебное увеличительное стекло проступает (здесь я позволю себе процитировать понравившийся и запомнившийся мне читательский отклик) «что-то обречённо безнадежное, но при этом достаточно лёгкое. Занимательные наброски-картинки. Портреты разных людей, с яркими для них чертами. Консервы состояний, размышления».

Последнее кажется мне особенно точным и важным. Алексей — поэт размышляющий и не стесняющийся своими размышлениями-впечатлениями делиться. В этом, кстати, есть заметная массовая доля юродства, когда *«стоим, дураки дураками, / ртом хватаем и ловим руками / душ небесный, искрящийся гуж»*.

Еще при чтении книги нередко ловишь себя на мысли, что стереотипов и общих мест многовато (поезда, любовь, смерть страшная и смерть нестрашная, одиночество, война, отсутствие смысла), но немедленно натыкаешься на свидетельства того, что автор не столько идет проторенной легионом попутчиков и предшественников дорожкой, сколько намеренно и осмысленно использует это всё. И получается:

*В общем, тыдым-тыдым.
Или херак-херак.
Можно дудуц-дудуц —
но всё равно не так...*

*Поезд, уходя,
протягивает струну,
типа стальной канат,
как бы твою вину.*

Здесь и не только у Евстратова получается, что поэт «как бы», то есть не на самом деле, понарошку, но неизбежно виноват в скитании, и, как следствие, одиночестве. Но это не герметичное одиночество отстраненного наблюдателя Бродского, не Пушкинское — «Ты царь: живи один. Дорогою свободной...». Алексей сплетает сонмы одиночеств, делает их общим и объ-

единающим признаком человеческой судьбы. Отсюда, возможно, почти шпаликовское, но уже состоявшееся: «и в иной стране / Все заплакали обо мне».

Еще один момент, обращающий на себя внимание. Лирика «Дирижабля» почти на всем протяжении книги намеренно снижается, заземляется, видимо, чтобы совсем не улететь в небеса. Но даже в сниженной, а иногда и прямо обесцененной записи остается лирикой: «И три струи за гаражами / поют о том, что было с нами». Это почему-то совсем не кажется эпатажем, органично ложится в голос и лад, уточняется и дополняется тем, что: «выцветшим подолом детство, / всё похоже на игру». И эти самые «три струи» — тоже детство и тоже игра, еще или никогда не имущая срама. Но даже если срама нет, можно на всякий случай отмазаться, если речь о себе, или извинить, если о других:

*Что вы хотите от бедной твари?
Жизнь тяжела, и чугуны двери.
Всякая тварь во что-нибудь верит...*

Это не магистраль и не центр. В системе тварь-человек-бог — автора все же больше интересует вторая часть пути, когда «человек, синева над собой сочтя / невесомую мерю всех минут <...> на кусочки разламывает прут / и бросает оставшийся в шорох вод. / И идёт сквозь парк, кораблём ведом <...> Человек идёт по-над...». Потенциально он, конечно, бог, в свои восемь счастливых детских лет, но выбраться, отряхнуть оковы и «человека», и «твари» не получается. Даже кажется, что «нас с тобой давно покинула вышина: / сиганула в небо, сгнула».

*И — выражением сущности поэзии —
в руках бутылка пива
и презики.*

Цитируя, обратил внимание: все, что хотел сказать о книге, в принципе, можно сложить из цитат Алексея, почти не используя собственную речь. Возможно, это следствие давнего и долгого личного знакомства, возможно — созвучие поэтики Алексея моему читательскому слуху. Но созвучие здесь не означает согласия. Мне не близок, хотя и подкупает формулировками сквозной нигилизм стихов Алексея Евстратова. Не «мерещится вдалеке / отсутствие всякого далека». Не нравятся, царапают взгляд отсылки-переклички с русской рок-поэзией и еще десятки разнообразных «не».

Но это совершенно не значит, что книга оттолкнула от себя. Это другое. Это всего лишь свидетельство того, что книга со мной говорит — а значит, умеет говорить и побуждает спорить.

«Вот и дом мой снится себе»

Путешествуя по страницам новых поэтических книг, всегда приятно попадать в унисон автору, в смысле — быть читателем-конформистом, не искать, а сразу же исходить из созвучия смыслов, фонетики, особенностей поэтической практики. В этом — новая книга Юлии Кокошко «Там же, ближе к ночи» (издательство: Кабинетный ученый, 2024 г.) — стопроцентный выстрел в «молоко». Но не промах, а вызов. Тот случай, когда я всерьез заинтересовался книгой, забуксовав, не сумев с ходу продрааться через первое же стихотворение. Пришлось вчитываться, возвращаться, читать снова, ловить и угадывать тот звук и драйв, с помощью которого получится или хотя бы может получиться проговорить это сначала себе, а потом (возможно) и наружу, на публику, в мир. Уловить метод, выявить феномен, понять почему оно так. И для начала ответить на вопрос, с которого начинается книга: «О ком этот взметнувшийся разрыв?» (читай — о чем эта книга?).

То есть не совсем так. Для начала я все же залез в Сеть — выяснить, один ли я спотыкаюсь, и тут же обнаружил весьма созвучное моему впечатлению высказывание об авторе критика Вячеслава Курицына: «Вряд ли много на свете писателей, о которых можно сказать «его невозможно читать», и добавить — «это прекрасно»».

Впрочем, читать не невозможно, просто постоянно, иногда чуть ли не в каждой строчке, отвлекаешься на необязательно намеренные ссылки, прокручиваешь их, возвращаешься и понимаешь, что текст, помимо культурного поля, нуждается во внимательном и герметичном чтении. И как только удастся его (герметичного) достичь, возникает необходимый для понимания этого дзэна хлопок одной ладони. У Кокошко — «подмигни лифтеру — и вдруг забрезжит...».

В этой книге без лифтера действительно никак хотя бы потому, что организована она вне привычных делений названиями и трехзвездочными отбивками, а именно сквозной (как кнопки в лифте) нумерацией, от которой сначала ждешь, что она закончится, потом пытаешься понять: может быть, это роман, поэма? Потом привыкаешь и начинаешь видеть этажи, благо в тексте они поминаются более чем часто: «здесь, верно, заморочив этажи... один-два этажа, хотя громоздились... снимок — на каждом из ее этажей... этажи фолиантов и фолианток... в прочих злодеях — соседка с верхних... свой номерок над верхушкой первого этажа... И на одной из вершин ее этажей сияет...». И в максимальной концентрации:

*— Дойди до лифта и подлети на два этажа. Один в паре
подъемников — молчун, другой объявляет этаж сладким
голосом. Предпочти молчуна, не то растеряешь и уши, и этажи.*

Здесь, на этой цитате, мне пришла в голову мысль, что Юлия вообще дает довольно много подсказок-указаний, как читать-смотреть-видеть-жить около и внутри ее мира-текста. И вторая мысль — о вавилонской башне, точнее о ее последствиях.

Помните: «Сойдем же и смешаем там язык их»? Это решил Господь, чтобы люди перестали строить. Смешал, рассеял, и люди рассеялись и отказались от строительства. Но не все. Юлия Кокошко вот не отказалась. Более того, смешение языков она свободно использует в своем строительстве башни текста-книги. Сленг, канцелярит, устаревшая лексика, лексика, отсылающая к Библии и иным сакральным текстам, осколки волшебных сказок — все это вплетается в структуру обычной и даже намеренно обыденной речи, и все это становится цементом и кирпичами стен, балками межэтажных перекрытий, черепицей крыши.

А еще такая вот усложненная и смешанная речь для нее, автора, человека, речью живущего, становится методом и защитной стратегией жизни.

*Если жизнь
предсказуема — хоть на эпизод, можно оставить ее
парализующий ужас и прожить прилегающее
мгновенье с аппетитом...*

В этом всем можно (и даже хочется для простоты) увидеть обыкновенную пост-, точнее даже метамодернистскую игру в слова. По сути поэзия Кокошко действительно вполне вписываема в антипрокрустово ложе метамодерна по Вермюлену и Аккеру, ибо действительно «осциллирует между энтузиазмом модернизма и постмодернистской насмешкой, между надеждой и меланхолией, между простодушием и осведомленностью, эмпатией и апатией, единством и множеством, цельностью и расщеплением, ясностью и неоднозначностью». Но вписываема здесь — не значит является.

Мне лично нравится снова усматривать дзэн — «поцелуй, к которому с двух сторон примкнули Свинопас и Принцесса». Собственно, этот «поцелуй» и есть вся какая ни есть поэзия,

нуждающаяся в словах лишь потому, что «Чужестранцам же приходится объяснять очевидное». Причем сама Юлия не против быть чужестранцем, странником, пилигримом. «В путешествии, открыв рот, наслаждаешься вариантами и способами существования», — говорит она в интервью, точнее беседе с критиком Михаилом Кузьминым, приведенной в конце книги, сквозь которую путешествуешь, восходя от этажа к этажу через двери, проемы, створы и всяческими другими способами.

«Все путешествуют друг сквозь друга...» — говорит Юлия. «Вить длиннейшее путешествие» «вместо того, чтоб сбрызнуть пять остановок» — говорит она еще. «Получим застрявшие на Почтовом <...> приглашения в путешествие или в станционный буфет». «Сколько путешествий примешь от златолюбцев-створов», — спрашивает. И так далее. Можно было бы пробежаться еще по этому и другим заметным и замеченным повторам, но это уже будет не лично авторское, а про поэзию (природа коей на повторях зиждется от начала времен) вообще.

Хотя на некоторые обратить внимание все же стоит. В текстах книги невероятное количество поименованных и непоименованных птиц, птах, пташек, поскольку (гипотеза) «птицы везде бывали и все пронзили», золота во всех видах и проявлениях, деревьев, листьев (особенно опавших и опадающих, но всегда не ради формирования у читателя банально-элегического настроения), цветов и в растительном, и в колористическом смысле, врат, ворот, подворотен... И это только то, что бросается в глаза при беглом (насколько получается) чтении.

При не беглом — увязаешь в философии и психологии отношений «текст — читатель». Без автора. Но не потому, что постмодернизм, а потому, что по-другому просто не бывает:

*Говорят, господин с зашитыми веками прочел миллион томов.
Но едва обмакивал пальцы в наколотую на страницу строку,
текст сразу всплывал у него в голове — и это был текст,
сочиненный самим чтецом.*

Здесь, кстати, всплывает еще один значимый повтор. «Слепой», «ослепленный», «пилигрим, носящий в глазах вечную тьму», и им, живущим без зрения, смыслы не обязательно считывать, а можно просто назначить, как если взять ворох забытых, невест чьих фотографий, «выбрать интересное, очистить и представить как неизвестные работы Родченко или Прокудина-Горского, или Наппельбаума и назначить — своими предками».

Если же назначать не хочется — книга Юлии Кокошко нуждается в предельно медленном и вдумчивом чтении, чтобы сначала не утонуть в бескрайнем море культурных кодов, аллюзий и ассоциаций, затем не увлечься легкостью отыскания коанов и афоризмов, еще затем не заскучать кажимым отсутствием (в поэтическом языке Юлии довольно мало глаголов), а донырнуть до дна и до рези в глазах разглядывать-разгадывать каждую из ста трех собранных в книгу историй — этажей ее дома, который, вот парадокс, не выглядит небоскребом.

*Моя звезда и кружный путь
на сбившийся флажок,
на дом с названием «Он Пуст»,
второе имя — «Жёлт»...*

Алексей Александров родился в 1968 году в городе Александрове Владимирской области. Окончил Саратовский госуниверситет. Публиковался в журналах «Воздух», «Волга», «Знамя», «Шо», в интернет-журналах TextOnly, «Цирк «Олимп»+TV», «Артикуляция», в антологиях «Нестолничная литература», «Черным по белому» и др. Автор восьми поэтических книг. Редактор поэтического раздела журнала «Волга». Живет в Саратове.

Юрий Асланьян (1955–2024) — поэт, прозаик, журналист. Публиковался в журналах и альманахах «Юность», «Огонек», «Смена», «Урал», «Дети Ра», «Пермь третья» и «Лабиринт». Участник антологии «Приют неизвестных поэтов (Дикороссы)». Автор книг прозы «Сибирский верлибр» (1990), «Территория Бога» (2006), «Последний побег» (2007) и поэтического сборника «Печорский тракт» (2010).

Джон Бёрджер (1926–2017) — английский писатель, поэт, критик, художник. Свою карьеру начал в качестве художника в нескольких галереях Лондона. Преподавая рисование, он стал арт-критиком, публикуя свои эссе и рецензии в журнале New Statesman. В 1972 году за роман «G» получил Букеровскую премию. Стал известен широкой публике в том же году после выхода фильма BBC «Искусство видеть». Десять книг эссе и прозы переведены на русский язык.

Анастасия Волкова родилась в 1996 году в городе Ревда Свердловской области. Стихи публиковались в журналах «Урал», «Кварта», «Плавучий мост», «Хижа», альманахе «Балкон» и на сайте «Полутона»; проза — в журналах «Традиции&Авангард» и «Литература». Живет в Екатеринбурге.

Дебора Гринберг родилась в Перми. Учится на филфаке РГГУ. Участница поэтической студии Андрея Родионова и Екатерины Троепольской при Центре Вознесенского. Публиковалась в журналах «Вещь» и «Русский пионер», в альманахах «Пеликан» и «Созвездие». Живет в Москве.

Сергей Имис родился в 1958 году в поселке Северный Коммунар Пермской области. Учился на филологическом факультете Пермского университета. Автор книги «Игра и сцена. Пьесы и проза» (1999). Живет в Перми.

Алексей Каменский родился в 1969 году в Перми. Окончил химический факультет Санкт-Петербургского университета. Ранее не публиковался. Живет в Санкт-Петербурге.

Руслан Комадей родился в 1990 году на Камчатке, вырос в Челябинске и Нижнем Тагиле. Окончил филологический факультет УрФУ. Публиковался в журналах «Воздух», «Волга», «Новая Юность», «Новая реальность», «Урал», «Транзит-Урал», альманахе «Предчувствие света» и других. Автор четырех книг стихов. Живет в Москве.

Терентий Кондратенко родился в 2001 году в Санкт-Петербурге. Учится на историческом факультете РГПУ им. Герцена. Публиковался в журнале «Дружба народов». Автор книги стихов «Стадия» (2024). Живет в Санкт-Петербурге.

Ян Кунтур родился в Перми в 1970 году. Окончил филологический факультет Пермского университета. Публиковался в сетевых изданиях «Мегалит», «Цирк «Олимп», «Литература», «Полутона». Автор книг «Пленники города» (Пермь, 2012), «Книга на краю жизни» (Будапешт, 2013). Живет в Будапеште.

Роман Мамонтов родился в 1971 году в Перми. Окончил строительный факультет Пермского политехнического института. Был участником ансамбля «Музыка Народов Нагорья». Публиковался в журналах «День и Ночь» (Красноярск), альманахах «Илья» (Москва) и «Литературная Пермь». Живет в Перми.

Андрей Мансветов родился в 1975 году в Перми. Окончил Пермское художественное училище. Публиковался в журналах «Москва», «Белый ворон», «Знамя», «Плавучий мост», антологии «Поэтический атлас России». Автор четырех поэтических книг. Живёт в Перми.

Андрей Сен-Сеньков родился в 1968 году в Таджикистане. Окончил Ярославскую медицинскую академию. Автор тринадцати книг стихов, малой прозы и визуальной поэзии. Лауреат Тургеневского фестиваля малой прозы (2006), Премии Андрея Белого (2018). Стихи переведены на 25 языков, книги избранных стихотворений выходили в США, Сербии, Италии и Нидерландах. Живет в Казахстане.

Николай Тцаров родился в 2001 году в Уфе. Публиковался в журналах «Новая литература», «Гуру» и сборнике «Без цензуры. Unzensiert №30». Живет в Санкт-Петербурге.

Проект осуществлен при поддержке
Министерства культуры Пермского края

Вещь: Литературный журнал. — Пермь: Издательство «Сенатор», 2024. — 122 стр.

Редактор:
Павел Чечеткин

Выпускающий редактор:
Юрий Куроптев

Дизайн обложки:
Иван Моисеенко

Верстка, дизайн:
Евгения Тесленко

Корректор:
Наталья Семукова

Иллюстрации:
Вячеслав Остапенко

Рукописи для публикации принимаются по электронному адресу:
e-mail: senator.perm@gmail.com

Редакция не вступает в переписку. Рукописи не рецензируются. Мнения авторов могут не совпадать с мнением редакции. При перепечатке материалов ссылка на журнал «Вещь» обязательна.

Тираж 200 экз.

Адрес редакции:
614000, г. Пермь, ул. Луначарского, 21
Тел. (342) 212-32-17
e-mail: senator.perm@gmail.com

18+

© «Вещь», 2024
© Авторы, 2024
© Издательство «Сенатор», 2024

